

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО

Назад к тебе

р о м а н

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО

Назад к тебе

р о м а н

Сара Джо

Назад к тебе

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2018

* * *

Посвящается любви потерянной и любви, обретенной вновь

Любая дорога, по которой я шел, приводила меня к тебе.

Пауло Коэльо

Лето 2016 года, Сиэтл

Моим дорогим читателям

Эту книгу я начала писать много лет назад. Мысль об этом пришла ко мне однажды днем, когда я сидела в своем любимом кафе. По соседству со мной кто-то рассказывал о женщине, которая исчезла во время медового месяца, и я представила себе героиню моего романа, которая жила, казалось бы, в идеальных условиях, а потом внезапно потеряла все.

Я написала первую половину этой книги (вы прочтете ее очень быстро). Это была одна из тех историй, которые легко выстраиваются в строчки. Мне даже не приходилось придумывать, что скажут или сделают мои герои, – я уже знала это, и мои пальцы не успевали за мыслями.

Но когда я добралась до середины романа, внезапно осложнилась моя собственная ситуация. Я прошла через необычайно трудный отрезок жизни. Каждый день я думала только о том, чтобы выжить и как-то сводить концы с концами. Мой привычный мир взрывался и рушился прямо у меня на глазах, а мне при этом еще надо было сдавать в печать другую книгу. Как ни печально, ведь я очень любила эту историю и ее героев, мне пришлось отложить «островной роман» в сторону.

Но даже после этого я не переставала думать о моих персонажах. Что станет с Шарлоттой, Эриком и Грэм? Может ли закончиться счастливым финалом этот душераздирающий, трагичный сценарий?

Более того, я до одержимости увлеклась Бермудским треугольником, этой загадочной и мистической зоной планеты, где пропадали суда, самолеты и люди, огромное количество людей.

Когда моя собственная жизнь снова пришла в норму, когда наконец улеглись все страсти – и слава богу, что это произошло, – я открыла в компьютере файл под названием «Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ – ЧЕРНОВИК». И тоже вернулась к этой истории, этим героям. Снова погрузилась в мир Шарлотты. Я ходила вместе с ней по песчаным пляжам. Плакала с ней. Сопровождала ее во всех коллизиях ее жизни, делила с ней радости и беды. И получала от этого огромное удовольствие.

Я надеюсь, что и вам понравится история этой непростой жизни, и еще я надеюсь, что вы будете твердо стоять на ногах, как бы ни швыряла вас жизнь, что вы обретете опору под ногами, как постепенно обрела ее я, – на песчаном берегу, на горной вершине или где-нибудь в промежутке между ними.

Желаю всем любви и интересной жизни, желаю вернуться на правильную тропу и идти вперед.

С любовью из Сиэтла,
целую и обнимаю, Сара.**Глава 1**

31 января 2037 года

Ночью мне снился остров. Я слышала, как плещутся о берег волны, теплый ветер ласкал мои щеки, в солоноватом воздухе витал нежный аромат плюмерий. Грэй тоже был там, он ждал меня на утесе – его глаза, ласковые и магнетические, завораживали меня.

Как ужасно просыпаться одной много лет. Я хотела вернуться на наш остров. Я была готова сделать что угодно, лишь бы вернуться туда.

– Тук-тук! – крикнула с порога Лесия.

Был ранний вечер, солнце стояло еще высоко. Лесия держала в руках поднос из нержавеющей стали. Вероятно, с жареной рыбой и овощами на пару. Если мне повезет, то будет еще сальса из манго.

– Пожалуйста, поешь, тебе надо поесть, – сказала она.

Я пожала плечами:

– Я не голодна, милая.

– Ты слишком похудела.

В мае мне исполнилось шестьдесят пять, и здесь, на острове Бермуда, я жила уже полжизни. Мне было тридцать с небольшим, когда я приехала сюда. Сначала обитала в симпатичном белом домике возле пляжа с розовым песком, а теперь в этом кондо. Здесь было нормально, даже хорошо. Три раза в день приносили еду. Горничные делали уборку. За моим

бунгало простирался океан. Что еще нужно для счастья? Я знала, что многие позавидовали бы мне. Но я давно перестала ждать счастья, во всяком случае такого, какое большинство людей мечтают обрести на закате жизни. Я погладила ладонью драгоценный аквамарин, висевший у меня на шее. Считается, что он приносит удачу морякам. Какая ирония судьбы! Я улыбнулась.

– Я принесла новую книгу, – улыбнулась Лесия. Она знала, как я любила читать. Для меня это было спасением.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Она положила роман на столик рядом с моим креслом. На обложке я увидела старинный корабль и женщину, вглядывающуюся в море. История про потерпевших кораблекрушение, мой любимый жанр. Лесия знала об этом. Я перевела взгляд на книжную полку, висевшую на стене, и попыталась прикинуть, сколько книг я прочитала за эти годы. Тысячи, не меньше.

Лесия полезла в карман и достала пачку сообщений. В прошлом апреле я отключила свой телефон. Теперь у администратора записывают все звонки, и аккуратные розовые записочки волшебным образом материализуются под моей дверью, сложенные в опрятные белые конверты. Я предпочитаю такой порядок. Зачем открываться миру, если я не хочу, чтобы меня беспокоили?

– Сегодня телефон звонил так, что едва не слетел со стены, – сказала Лесия, протягивая мне дюжину бумажек. Я просмотрела их: «Пипл», «Си-Эн-Эн», «Ю-Эс-Эй тудей». Через месяц будет тридцатая годовщина моего спасения. Я знала, что все хотели получить эксклюзивное интервью. Они хотели знать, как сложилась моя жизнь, думаю ли я до сих пор об острове. Думаю ли я до сих пор о *НЕМ*.

Я вздохнула и отдала бумажки Лесии.

– Нет, – сказала я. – Никаких интервью.

Она кивнула. Я заметила, что она была разочарована. Не секрет, что она думала, будто разговоры о моем прошлом помогут мне преодолеть депрессию, но я не была к этому готова. Честно говоря, я вообще не знала, буду ли я когда-либо готова. Лесия после некоторых колебаний вытащила из середины пачки один листок.

– Вот, – сказала она, протягивая его мне. – Его имя Джереми Эдвардс. Он из «Нью-Йорк таймс».

Я пожалала плечами. Десять лет назад я отказалась от интервью с Опррой. Почему я должна делать исключение для «Нью-Йорк таймс»?

– Этот настойчивый, – сказала она. – Он звонил три раза.

– Скажи ему, что я сожалею, – сказала я. – Но интервью я не даю. – Я чувствовала усталость от всеобщего увлечения моей историей, которое периодически вспыхивало вновь и вновь. Это моя жизнь, а не оригинал фильма или даже не реалити-шоу длиной в жизнь.

– Хорошо, – сказала Лесия, вставая. – Но он сказал, что кое-что нашел. Говорил что-то про координаты острова и...

– Нет, – решительно отказалась я.

– Пожалуйста, – настаивала она, коснувшись моей руки. – Он сказал что-то про... – она сглотнула, – бабочек.

Я удивленно вытаращила глаза, но потом снова покачала головой.

– Это невозможно. Ты знаешь, что мы прочесали каждый дюйм в том квадрате. И бабочки... ну, нет, я не верю.

Лесия кивнула.

– Я знаю, – ответила она. – Но мне почему-то показалось, что он знает новые детали. – Она посмотрела на меня долгим взглядом. В ее зеленых глазах, таких добрых и терпеливых, я увидела настойчивость. – Может, нам стоило бы позвонить ему, – осторожно заметила она. – Просто чтобы узнать, что он может сказать. Просто посмотреть, не...

– Я так не считаю, – отрезала я.

– Ладно, – вздохнула она и напряженно улыбнулась. Направилась к двери. – Я вернусь утром.

После ее ухода я долго смотрела на поднос, потом отодвинула его. Потом надела сандалии и протянула руку за свитером. Под вечер усилился ветер, начинался прилив. Я шла по прибойной полосе и, как всегда, смотрела на песок – что море решит на этот раз выплеснуть на берег? За эти годы я находила здесь разные сокровища: пару розовых детских башмачков, связанных шнурками в тугой узел; одинокую вязальную спицу; пять золотых обручальных колец, на одном внутри была гравировка «Навечно любовь моя». Любит ли она его до сих пор?

Солнце клонилось к закату. По небу протянулись розовые полосы. Любители пляжных прогулок расходились, а я шла и шла, высматривая на песке кусочки лилового и темно-красного стекла. Края их были гладкие, они идеально подходили для мозаики, которую я выкладывала на кухонном столе. Вот я положила одну стекляшку в карман. Потом заметила зеленый камешек, подобрала и его. Впереди что-то блеснуло. Я подошла ближе. Бутылка. Зеленое стекло было мутным, и сначала я не поняла, лежало ли что-нибудь внутри. Я наклонилась, подняла ее и вытерла край рукавом свитера. Внутри лежала смятая бумажка. У меня громче застучало сердце, но я приказала себе ничего не ждать. За долгие годы я находила дюжины

посланий в бутылках, но ни одного не было от НЕГО. Так почему сейчас будет иначе?

Все же я отнесла бутылку к большому камню, торчавшему над пляжем, и с нетерпением разбила ее. Разгребла осколки стекла и взяла свернутую бумажку. Мое сердце упало, когда я ее развернула. Чернила были смазаны. Кажется, я разобрала только «дорог...», да и то с трудом. Влажность испортила чернила. Но потом я перевернула бумажку и ахнула. На обратной стороне я увидел слова: «Контора Э. Э. Гантера». Я прижала бумажку к сердцу. Лишь один человек мог знать, что означали эти слова. Один. Только один. У меня сразу закружилась голова, и я села, недоверчиво качая головой.

По моей щеке скатилась слеза. Я крепко сжимала эту бумажку. Я не могла оторвать от нее глаз. *Возможно ли такое? Неужели он все еще там? Неужели он еще ждет?*

Я вспомнила, что говорила Лесия насчет репортера из «Нью-Йорк таймс», и повернула назад к моему бунгалу. Впервые я чувствовала надежду. Реальную надежду.

Глава 2

15 февраля 2037 года

Вечер вступал в свои права. Мои веки отяжелели, ноги ломило. Морской воздух казался холоднее обычного, и я застегнула повыше молнию на вороте куртки. Джереми, молодой репортер из «Нью-Йорк таймс», посинел от холода. Мы сидели в катере с двух часов, а сейчас уже садилось солнце. Когда я решила ответить на его звонок, согласиться на интервью – сейчас мы как раз и занимались предложенным Джереми поиском, – мне показалось, что это было правильно. В конце концов, море прислало мне подсказку, и вполне реальную. И хотя жизнь неоднократно обманывала меня и заводила в тупик, я верила в океан, в остров – угадывая логику за кажущимся безумием, истину за тайной.

Джереми подвинулся ко мне. Он внимательно просматривал свой блокнот. По возрасту он годился мне в сыновья.

– Я абсолютно не понимаю, почему мы не можем его найти, – сказал он, небрежным движением руки поправляя прядь каштановых волос, упавшую на лоб.

Интересно, есть ли у него девушка в Манхэттене, знал ли он любовь, как знала ее я? Он озадаченно тряхнул головой.

– Координаты верные, – продолжал он. – Я проверял их десятки раз. Эксперт из Вирджинского технологического университета не мог

ошибиться. – Он достал карту и внимательно изучил ее, попутно сверяя с навигационной системой.

До этого он объяснил мне, что консультировался с учеными-океанологами, экспертами по морской навигации и прочим научным людом. Очевидно, мой маленький остров считался одной из величайших нерешенных загадок океанологии, такой, которая могла бы объяснить метафизические свойства зловещего Бермудского треугольника. Сейчас Джереми держал в руке копию страницы с треугольником из старинной мореходной книги. Она была истрепана и испещрена заметками; на нее, несомненно, часами смотрел он сам и другие любители разгадывать таинственные явления. На полях были написаны предполагаемые координаты острова. Его существование было засвидетельствовано по крайней мере в дюжине старинных текстов теми, кто чудесным или, пожалуй, магическим образом обнаружил его. Джереми сказал, что, по мнению экспертов, я единственная из ныне живущих, кто достиг его берегов в недавней истории, – по крайней мере, я единственная вернулась и могла рассказать об этом. Я молилась, чтобы нас оказалось двое.

Джереми посмотрел на океан. Этот молодой человек вежливый, но нервный. Его цель – написать журналистскую бомбу. Мою историю. Но все зависело от того, отыщем ли мы остров, тот остров, на котором я не была тридцать лет и который большинство океанографов считали несуществующим.

– Вам хоть что-нибудь кажется здесь знакомым? – допытывался он, стуча ручкой по борту катера. Он не отрывал глаз от моего лица, следил за каждым моим движением, за моей мимикой.

Лесия тоже была со мной для моральной поддержки. Она исподволь наблюдала, как я всматривалась в необъятный простор темно-зеленой воды. Я мечтала, чтобы остров неожиданно появился передо мной – появился внезапно, при лунном свете, так же как много лет назад. Вдалеке проплыл дельфин, и я виновато улыбнулась Джереми.

– Жаль, что я ничем не могу вам помочь, – сказала я, щурясь в сумерках. – Столько лет прошло... Мне казалось, что я вспомню, но... – Но тут над моей головой пролетела бабочка цвета глубокой синевы, и мое сердце затрепетало. Она спикировала в лодку и села мне на руку. Мои глаза наполнились слезами.

– Посмотрите, – сказала я, когда бабочка взмахнула крыльями и улетела в море. – Бабочка, как те, на острове.

Джереми улыбнулся; он торжествовал.

– Биолог, у которого я консультировался, сказал, что мы их увидим.

Значит, остров где-то поблизости.

Капитан катера нахмурился. Как только мы поднялись на борт, я узнала этот акцент – ямайский – и воспоминания наполнили мои вены адреналином. Воспоминания. Они пронзали меня своим острием. Капитан – уроженец Ямайки, держался довольно дружелюбно, но его совершенно не интересовал поиск мифического острова, который вела седовласая леди из Америки, любительница бабочек. Наверняка на берегу у него была жена, а может, и дети. Они ждали его к ужину. Ужин остывал.

– Скоро стемнеет, – сообщил капитан, заглушая мотор. Я улыбнулась ему, но он, кажется, даже не заметил этого. Он откинулся на спинку кресла, скрестил руки и ждал. Я слышала лишь тихий плеск волн о корпус лодки, манивший нас вдаль продолжать поиски. Одна за другой на небе зажигались звезды. Яркая звезда подмигивала мне, словно старый друг.

Джеремми, репортер, опять повернулся ко мне. На его лице было написано отчаяние. Как и я, он понимал, что это, возможно, конец наших поисков одинокого острова, который я когда-то называла своим домом. Он уже терял надежду. Я видела это по его глазам. В этот момент он уже сомневался, существовал ли этот остров вообще. На мгновение и я подумала то же самое. Может, мое воспоминание об острове не более чем навязчивый сон? Может, именно поэтому за все эти годы я так и не смогла найти туда дорогу, именно поэтому ни у кого не получалось найти крошечный островок в Атлантическом океане чуть южнее острова Бермуда, даже при современном, высокоточном оборудовании.

Потом я закрыла глаза. Я увидела остров снова, таким же, как при расставании с ним. Роскошная пальмовая роща на песчаном берегу, пятна крошечных черных кристалликов в белом песке, напоминавшие перчинки в соли. Деревья манго на восточном побережье. Маленький домик на утесе и Грэй... Я поскорее открыла глаза.

– Вы должны мне поверить, – сказала я Джеремми. – Он где-то там. Я точно это знаю.

Он равнодушно кивнул мне и повернулся к капитану. Я поняла, что поиски закончены. Его истории не суждено стать сенсацией, журналистской бомбой. Мы набирали скорость, лодка прорезала себе дорогу в темной воде; я крепко держалась за релинг. Я не хотела возвращаться на Бермуды. Я не хотела сдаваться, но Джеремми возился со своим сотовым. Вероятно, хотел позвонить боссу и сообщить плохую новость. Я видела, что у него ничего не получалось, не было сигнала. Он помахал телефоном в воздухе.

Лесия сжала мою руку.

– Все хорошо, – проговорила она. – Мы устали. Не огорчайся. По крайней мере, мы предприняли последнюю попытку. – Я отвернулась от нее, посмотрела на воду – и ахнула, увидев под поверхностью крошечную искру. Вспышку.

Я вскочила и неистово замахала руками капитану.

– Остановитесь! – крикнула я.

Джереми метнулся ко мне.

– Что такое? – спросил он, вытаращив от удивления глаза. – Вы в порядке? – Думаю, что его сердце колотилось так же, как и мое.

Капитан снова заглушил двигатель. Мы скользили вперед по инерции и по воле волн. Я не отрывала глаз от воды.

– Смотрите, – сказала я, показывая на свечение под поверхностью океана. Поначалу оно то появлялось, то пропадало и было едва заметным, но потом усилилось и пульсировало уверенно, сильно, словно маяк в туманную ночь. – Вы видите, правда? – спросила я у Джереми. В это время я уже не верила собственным глазам. Мне нужно было подтверждение, что это не галлюцинация.

Джереми кивнул и застыл на месте, словно статуя. Двигались лишь его глаза, они метались, следя за огнями, которые плясали и прыгали под водой, словно полярное сияние.

– Все в точности так, как я помню, – сказала я.

Джереми был изумлен.

– Вы уверены, что это действительно...

– Да, фосфоресценция, – подтвердила я, не в силах сдержать улыбку.

Джереми замер в изумлении. Впервые я могла сказать точно, что он *поверил*.

– Остров близко, – сказала я. На моей руке встали дыбом волоски. – Я это чувствую.

– Подождите, – сказал капитан. – У нас заканчивается горючее.

Джереми поморщился от досады.

– Сейчас я позвоню на верфь и попрошу, чтобы нам прислали запас, – сказал он. – Это займет около часа. Не будем рисковать и плыть дальше. У нас может не хватить топлива на обратную дорогу. Мы и так задержались дольше, чем планировали.

Он протянул руку за блокнотом.

– Думаю, теперь самое удобное время для интервью.

Я кивнула. За все годы, прошедшие после моего спасения, я никогда не давала интервью. Ни одного. Я берегла этот остров для себя и для Грэя тоже. Но теперь, хотя я не могла это точно объяснить, теперь мне

показалось это уместным.

– Да, – согласилась я. – С чего мы начнем?

Джереми открыл чистую страницу и приготовил ручку.

– Почему бы не начать сначала, – предложил он. – С Сиэтла. С вашей свадьбы.

Лесия с укором посмотрела на него, и глаза Джереми сверкнули.

– Ну... то есть, – торопливо поправился он, – если вам не очень тяжело говорить об этом.

Я кивнула. Мои руки стали холодными и липкими. Лесия украдкой покосилась на меня. Я слабо улыбнулась. *Да, я смогу*, – сказала я себе.

– Наша церемония бракосочетания состоялась 19 августа 2007 года, – начала я.

– А на следующий день вы с вашим мужем Эриком отправились в круиз, чтобы провести там медовый месяц.

– Угу, – промычала я. *Эрик...*

Как давно я не слышала его имени? С тех пор как велела воспоминаниям о нем уйти подальше в глубины моей памяти?

– И куда вы поехали?

– В Нью-Йорк, – ответила я. – Там мы сели на круизный лайнер. – Мои слова привели меня в транс. Я была заморожена собственными воспоминаниями. – Предполагалось, что это будет десятидневный круиз. – Я перевела взгляд на темную воду за бортом. – Но назад я так никогда и не вернулась.

Глава 3

Сиэтл, 19 августа 2007 года

Я втянула живот, когда Габби, моя лучшая подруга, застегивала пуговички на спине моего платья. Я жалела, что не похудела перед свадьбой еще на пять фунтов. Я разгладила ткань на животе, тихо проклиная пирожные с шампанским, которыми мы слишком увлеклись на вчерашнем девичнике. *Зачем я вообще ела эти проклятые пирожные?*

Габби улыбнулась и протянула мне букет.

– Пора, – сказала она.

Я проследовала за ней в фойе, наблюдая, как младший брат Эрика взял за руку их бабушку и приступил к церемониалу рассаживания гостей.

Заиграл квартет, хотя, может быть, музыканты уже играли и до этого, а я просто не замечала. В общем, в этом я не уверена. Я думала только о том, что мне нужно было срочно в туалет. Безотлагательно.

– Габби, – прошептала я.

Она с недоумением оглянулась на меня.

– Мне нужно *попудрить носик*, – сказала я. За моей спиной папа теребил рукав своего смокинга.

– Не можешь потерпеть? – спросила Габби. – Церемония уже началась.

– Нет, – ответила я. – *Мне надо очень срочно.* – *Господи, кто я такая?*
ПЯТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА?

– Говори прямо – номер один или номер два? – *Я обожала нашу дружбу.*

– Номер один, – морщась, ответила я.

– Хорошо, – сказала она. – Сейчас я скажу квартету, чтобы перестали играть, а потом приду к тебе в туалет. С этим платьем тебе понадобится помощь.

Я благодарно посмотрела на нее. Сама я никогда бы не смогла снять нижнее белье из-под двадцати семи тысяч слоев кружев. Я приподняла юбку и припустила по коридору в сторону туалетов. У меня тревожно билось сердце. Я представляла себе, как люди вытягивали шеи, удивляясь, почему отложена церемония.

– Невесте понадобилось посетить... дамскую комнату, – Наверняка шептала высокомерная тетка Эрика из Бостона. Мои щеки пылали, когда я прошла мимо одной двери, другой. *Где же туалет? Третья дверь с правой стороны или четвертая?* Я нажала на дверную ручку и тут же столкнулась с... Эриком.

Я отскочила назад.

– Как ты меня напугал, – выдохнула я. – Что ты здесь делаешь?

Он усмехнулся:

– Забавно, что ты спрашиваешь. Видишь ли, сегодня я женюсь. Это для тебя новость?

– Закрой глаза! – воскликнула я. – Ты вообще не должен сейчас меня видеть, это плохая примета!

Он не послушался.

– Ты выглядишь... *ослепительно*, – сказал он, взял мои руки в свои и нежно поцеловал их. – Постой, ты ведь не сбегаешь от меня, правда?

– Очень смешно, – усмехнулась я. – Это после всего, что мне пришлось пережить, когда я планировала свадьбу? – Я лишь накануне вечером закончила заниматься со свадебными сувенирами. Завязать ленточки на 500 коробочках с иорданским миндалем, ясное дело, не кот чихнул. – Мне срочно надо в туалет. Ты помнишь, где он?

Я услышала, как квартет снова заиграл «Воздух. Ария на струне соль» Баха. (Несколько дней назад Габби посмотрела свадебную программу и

грубо пошутила, что там нечего и слушать. Разумеется, мы с ней посмеялись над этим за парочкой двойных коктейлей «Маргарита».) Они тянут время, в панике подумала я. Я схватилась за корсаж.

Эрик показал на дверь наискосок.

– Вон там.

Я побежала через холл.

– Увидимся через несколько минут!

– Не провались там! – сказал он, посмеиваясь.

Я, словно гигантский ванильный торт, протиснулась в дверь туалета. Через секунду появилась Габби и помогла мне войти в кабинку для инвалидов.

– Ух ты, Шарлотта, – сказала она, поднимая юбку моего платья. Она ухитрилась подвернуть шлейф, чтобы он не макнулся в унитаз. – *Две пары обтягивающего белья «Спэнкс»?*

– Это называется двойное спэнксирование, – пошутила я.

Она направила на меня долгий, бесстрастный взгляд.

– Вот это *вещь!* Я читала об этом в журнале для невест.

Она стянула с меня белье, чтобы я смогла сделать свои дела.

Мне некогда было смущаться. Пятьсот моих друзей и родственников стояли в церкви (если честно, то большинство из них были со стороны Эрика и моих родителей; забавно, как быстро свадьба превращается в шоу для людей, которые тебя растили). Надо было торопиться. К тому же мы с Габби вместе учились в колледже. Она уже знала про меня все. Подчеркиваю, что именно *все*.

– Габби, – сказала я, копошась с туалетной бумагой. Мой желудок урчал, но я старалась не обращать на это внимания. – Когда я шла в туалет, то натолкнулась на Эрика.

Она улыбнулась, не обращая внимания на мою склонность к предрассудкам.

– Я тоже его видела. Он выглядит классно в смокинге, правда? Я уже говорила тебе, что узкий галстук – хорошая идея.

– Да, – согласилась я, пытаюсь натянуть белое кружевное нижнее белье. Габби помогла мне поправить стринги, чтобы не врезались в промежность, и стала натягивать первый слой спэнкса. – Но разве не плохая примета для жениха, если он увидит невесту до церемонии?

Она немного помолчала, но тут же улыбнулась.

– Хватит волноваться. Все превосходно. К тому же это все выдумки старых бабок.

Я кивнула и взяла себя в руки.

– Вот так, – сказала она, поправляя на мне платье, когда мы вышли из кабинки. Мы помчались ко входу в церковь, и квартет заиграл нужную мелодию. Габби сунула мне в руки букет, и я вдохнула аромат роз и плюмерий. Эрик уже стоял у алтаря. Я взглянула на его лицо, такое сильное, красивое. Да, все превосходно, это точно.

* * *

Мы с Эриком слушали унылую литанию свадебных тостов (хорошо еще, что Габби не вспомнила нашу давнюю поездку в Лас-Вегас), мы разрезали торт (Эрик героически сумел не заляпать мое платье кремом), потом диджей поставил «Не могу не любить тебя»^[1] Элвиса, и мы пошли на танцпол. Эрик обнял меня за талию.

– Ты счастлива? – шепотом спросил он.

– Да, – ответила я. – Очень счастлива.

Все смотрели на нас. Я застенчиво окинула взглядом танцпол. Моя мама помахала мне рукой. Дядя Джерри улыбался. Он перебрал с выпивкой и теперь в качестве закуски положил себе второй кусок торта. Потом я увидела Габби, она стояла со слезами на глазах. Я помахала ей, и она улыбнулась. Потом, когда песня кончилась, брат Эрика вытащил ее на танцпол, и, поравнявшись со мной, она сказала: «Знаешь, я буду скучать по тебе» – и смахнула слезинку.

– Это всего на год, – успокоила я Габби. За две недели до свадьбы мне предложили работу в одной нью-йоркской галерее. Эрик был не в восторге от необходимости переезда, но его фирма согласилась перевести его в Нью-Йорк, во всяком случае на время. – Ты будешь приезжать в гости.

Она кивнула, но я видела, что мое предложение не очень помогло улучшить ее настроение. Хорошо бы она встретила кого-нибудь. Прочные отношения помогут ей пережить наше расставание. Отзвучала и эта песня. Ко мне подошел папа. Он хотел представить меня своей дальней родственнице, троюродной кузине из Канзаса, которая видела меня в последний раз очень давно, когда я еще лежала в пеленках. Я вежливо улыбнулась и помахала им рукой.

– Вы потанцуйте, пока я отлучусь, – сказала я Габби с Эриком.

Эрик с поклоном пригласил ее, и она засмеялась. Я ожидала чего-то быстрого, но из динамиков полилась медленная мелодия фортепиано – «Вот как бывает»^[2] Билли Джоэла. Пока кузина из Канзаса разглядывала мое платье – *Это Вера Вонг? Сколько платьев ты перемерила, пока не выбрала это?* – я пыталась ей отвечать, но сама смотрела на Эрика и Габби, как они смеялись над чем-то, и размышляла, о чем они говорили.

Габби откинула волосы, упавшие ей на глаза. Он крепче обнял ее за талию. Они помахали мне, когда кончилась мелодия, и я вернулась к ним.

– Удивительно, твой муж нормально держится на танцполе. Я не ожидала, – сказала Габби.

Эрик обнял меня за талию.

– Видишь, Шар, наши уроки оправдали себя.

Габби отошла от нас на шаг.

– Что ж, – сказала она. – Пожалуй, я пойду и соберу девочек. – Она снова улыбнулась. – Кто-то ведь должен бросить подвязку.

Я проводила взглядом удалявшуюся подружку.

– Не могу себе представить, как это я не буду видеться с ней каждый день, – вздохнула я.

Эрик прижал меня к себе.

– Она будет приезжать к нам.

– Это не одно и то же, – возразила я. – Мы с Габби жили десять лет в одной комнате. В каком-то отношении это эквивалентно гражданскому браку.

Эрик понимающе покачал головой.

– Это конец одной эры, – сказал он, целуя меня в щеку. – Но также и начало новой эры.

Я положила голову на его грудь.

– Давай уйдем отсюда, – шепнул он мне на ушко.

Я улыбнулась и вышла на середину танцпола, где выдержала полных шестьдесят секунд унижения с подвязкой. Потом Эрик схватил меня за руку, и мы пробежали под снегопадом риса (нелепая, нелепая традиция) на парковку, где нас ожидал молочно-белый длинный лимузин. Это устроил (очень дешево) его младший брат. Я пригляделась и заметила на заднем окне белые кружевные занавесочки. Я была слишком счастлива, чтобы испытывать досаду. Мы с Эриком шлепнулись на заднее сиденье, и я со смехом упала в его объятия.

– Что вы думаете, миссис Беллуэзер?

– Я думаю, что свадьба получилась потрясающая, мистер Беллуэзер. Но я должна признаться: я рада, что все позади.

Он откупорил бутылку шампанского, и мы пили его, пока ехали в отель. У меня кружилась голова. Я была влюблена. Я была счастлива.

Глава 4

20 августа 2007 года

На следующий день мы с Эриком прибыли в час дня в Нью-Йорк. У

нас был зарезервирован отель на берегу океана. Наш круизный лайнер отправлялся на следующее утро. Эрик хотел провести наш медовый месяц на курорте в Мексике. Но мои дед с бабкой совершили во время медового месяца путешествие по океану, и я с детства была очарована такой идеей. Еще девочкой я смотрела на их фотографию, где они стояли возле зафрахтованной яхты. Бабушкин шарфик развевался на ветру. Они выглядели так гламурно и с такой любовью смотрели друг на друга. Тогда-то я и сказала себе: если я выйду замуж, то в медовый месяц отправлюсь в круиз.

Эрик был не в восторге от моего плана, потому что его быстро укачивало на воде, но он приготовил мне сюрприз, подарив за три месяца до свадьбы коробку, перевязанную розовой лентой с бантом. Внутри лежали наши документы и туристические ваучеры. Я страстно поцеловала его в ресторане «Бар и Гриль» на 8-й улице.

Он сказал мне, что забронировал наше путешествие на высококлассном круизном лайнере и что в брошюре туристического агентства было обещано, что супер-ультра-турбо-стабилизаторы двигателя оградят пассажиров от морской болезни. Я думала об этом, когда мы ехали в отель, и надеялась, что это правда, а не маркетинговый прием.

Эрик притащил наши чемоданы в вестибюль, где жующая жвачку блондинка за стойкой администратора была поглощена беседой с сотрудником отеля. Где-то вдалеке работал телевизор.

– Конечно, он виновен, – говорила она. – Какой муж сбегает после смерти жены? – Она покачала головой. – Это опять как Скотт Петерсон^[3].

Эрик кашлянул, и она повернулась к нам.

– Простите, – сказала она, мимолетно улыбнувшись. – Мы только что говорили о том мужчине, который убил свою жену. О нем сообщают во всех новостях. Вы, вероятно, тоже слышали.

Я покачала головой.

– Я несколько месяцев находилась в режиме планирования свадьбы, – сказала я, многозначительно улыбаясь Эрику. – И только сейчас выплываю на поверхность.

– Новобрачные! – пропела женщина. – Поздравляю.

– Мы у вас на одну ночь, – сказал Эрик, вытаскивая кредитную карточку. – Завтра утром наш лайнер отправляется в круиз.

– Тогда простите меня, что я рассказала вам эту жуткую историю, – сказала она. – Это последнее, что вы сейчас хотите услышать.

– Ничего, все нормально, – улыбнулась я. – Я вполне уверена, что мой супруг не собирается меня прикончить.

Я повернулась к Эрику:

– Хочешь погулять в Центральном парке перед обедом?

Он кивнул, не отрывая глаз от своего мобильного телефона.

– Секунду, – сказал он. – Мой босс только что прислал мне сообщение. – Я нахмурилась.

– Чего он хочет? Он же знает, что у тебя медовый месяц.

Эрик был раздосадован.

– Шарлотта, пожалуйста. Это важно.

Я раздраженно фыркнула (но Эрик этого не заметил) и прошла к стойке администратора за ключами. Когда вернулась, Эрик был по-прежнему приклеен к телефону. Наши отношения замечательные почти во всем, но должна признаться, что, когда он входит в рабочий режим и не может оторвать глаз от телефона, я сразу кажусь себе Дюймовочкой. Мне бы хотелось, чтобы он нашел более удачный баланс между работой и жизнью.

– Все в порядке? – со вздохом спросила я.

– Нет, – пробормотал он. – Кевин не представил в пятницу доклад, как я его просил. Билл клопочет и бурлит. – Билл – босс Эрика в рекламном агентстве, и он всегда клокотал и бурлил.

– Теперь я должен найти бизнес-центр, – сказал он. – Здесь есть какой-нибудь поблизости?

– Ты серьезно? – воскликнула я. – Неужели ты вправду собираешься работать во время нашего медового месяца?

Он торопливо чмокнул меня в щеку.

– Прости, не все из нас артисты. – Он произнес это слово с французским акцентом и сопроводил его забавным жестом, но мне это не показалось забавным.

Я нахмурилась.

– Я пошутил, детка, – сказал он. – Серьезно, я должен это сделать, но я обещаю, что это ненадолго.

– Ладно, – вздохнула я.

– Ты иди, – сказал он. – Я догоню тебя, как только сделаю дело. Я пришлю тебе сообщение. – Он одарил меня щенячьей улыбкой, и я смягчилась и решила, что больше не злюсь на него.

– Обещаешь? Ладно. Но, мистер Беллуэзер, вам придется загладить это.

На его лице вспыхнула озорная улыбка.

– И что вы имеете в виду, миссис Беллуэзер?

– Я обдумываю во время прогулки, какое я назначу вам наказание, –

сказала я и тут же широко улыбнулась. Достала из сумочки темные очки и вышла из отеля. Вокруг меня бурлил Нью-Йорк. Я чуть не перебралась сюда в тот момент, когда мы с Эриком только-только начали встречаться. Мне предложили работу в галерее и хотели дать хороший релокационный пакет, но я отказалась. Из-за Эрика.

Я вздохнула полной грудью. День выдался прохладный, идеальная погода для прогулки. После пятичасового перелета из Сиэтла было приятно размять ноги. Я заглянула в кафе и заказала латте, потом заметила рядом с отелем шикарный ресторан. «Ля Ша Нуар». Школьного французского мне хватило, чтобы перевести – «Черный кот». Я взяла его на заметку, чтобы потом узнать, можно ли нам с Эриком заказать на сегодняшний вечер столик.

Я прошла по 22-й, свернула за угол. Парк был впереди, тротуар вел ко входу. Меня переполнял восторг – я предвкушала начало круиза. Скоро я увижу Бермуды и пробегусь босиком по песчаным пляжам. Я всегда любила искать сокровища на берегу океана. Еще ребенком я гостила у деда с бабушкой на острове Бейнбридж возле Сиэтла и проводила много часов на берегу, прочесывая его в поиске разных диковин, выброшенных океаном. Когда мне было десять лет, я нашла под камнем, покрытым ракушками, помолвочное кольцо. Не роскошное, а простую полоску из золота с крошечным бриллианчиком, но мне оно казалось ужасно дорогим. Много лет я вспоминала это кольцо и всегда гадала, то ли его случайно обронили, то ли нарочно швырнули в воду.

Я поправила очки и направилась по аллее. Впереди меня шел темноволосый малыш лет двух, не больше. Он топал рядом с матерью и старшим братом. Он выглядел примерно таким, каким я представляла себе Эрика в младенчестве. Я вздохнула и вежливо обогнала их.

Надо поскорее сказать обо всем Эрику. Нечестно было держать от него в секрете диагноз, и я уж точно не планировала это. Но как-то все не получалось. Дело в том, что за шесть месяцев до нашей свадьбы доктор сказал мне, что я никогда не стану матерью.

Дело было не в моих биологических часах. Нет, я пришла к гинекологу за очередным рецептом на противозачаточные средства и случайно упомянула о болезненных месячных. Мой врач осмотрел меня, задавал разные вопросы, и вот я уже лежала на столе, а четыре радиолога разглядывали на экране картинки моей матки. «Мы никогда еще не видели так много фибром», – сказал один из них. «Смотрите, какая большая вон там, на левом яичнике», – добавил второй.

Мой диагноз: инвазивные фибромы, которые постепенно

распространялись по моим репродуктивным органам. Да еще и полипы. Я никогда не смогу родить ребенка. Для того чтобы свести к минимуму будущую – и, возможно, мучительную – боль, мне пришлось согласиться на полное удаление матки. Я успешно утаила это от Эрика – легла на операцию, когда он был в длительной командировке. В общем, я заложила мину под наш брак.

Я подняла глаза и заметила, что на меня смотрела пожилая женщина в льняных брюках и легкой тунике с цветочным узором. Она шла, слегка запыхавшись, и улыбалась.

– Это ваш? – Она протянула мне сотовый телефон.

– Да, – ответила я, мгновенно узнав золотой корпус. – Слава богу, что вы заметили его.

– Вы обронили его вон там, – сообщила она, – у входа в парк. Он выпал у вас из заднего кармана на траву. Я долго пыталась привлечь ваше внимание.

– Ой, простите, – извинилась я. – Огромное спасибо.

– Вы ведь живете не здесь, верно? – поинтересовалась она, когда мы направились вместе по дорожке.

– Нет, – ответила я. – Мы с мужем остановились здесь только на одну ночь. У нас медовый месяц. Завтра утром мы отправимся в круиз на Бермуды.

– Где же ваш супруг?

– Остался в отеле, – ответила я. – Работает.

Женщина нахмурилась:

– Какой жених оставляет свою невесту ради работы в медовый месяц?

Я посмотрела на нее с печальной гримасой.

– Вот именно. Как раз это я ему и сказала. Хотя, – я пожала плечами, – тут приятно прогуляться и одной. Подумать о своем.

– А вам есть над чем поразмыслить? – Это было скорее утверждение, чем вопрос.

– В общем-то, да, – призналась я. *Как легко быть откровенной с незнакомыми людьми.*

– У вас все получится, – уверенно заявила она; так могла бы мне сказать моя бабушка, если бы была жива. Потом немного помолчала, словно тщательно обдумывала свои слова. – Есть одна вещь, которую мне следовало бы понять давным-давно, и теперь я жалею, что поняла это поздно. Видите ли, я такая упрямая, что потратила на это семьдесят три года. – Она улыбнулась, потом снова посмотрела мне в глаза и продолжала: – Дело в том, что мы тратим так много времени, беспокоясь о

вещах, которые мы сделали или не сделали, что мы не замечаем саму жизнь. Между тем жизнь идет своим чередом, и не важно каким. Она все равно будет такой, какой должна быть. Надо просто жить, и пусть будет то, что будет. – Она кивнула каким-то своим мыслям. – Вот чего я не знала много лет назад, а теперь жалею об этом. – Она подмигнула мне. – Это сохранило бы мне очень много сил.

– Да? – отозвалась я, убирая телефон в задний карман, на этот раз более тщательно. – Это... прекрасно. – А сама заподозрила, что эта старушка гуляет вот так каждый день в парке и учит всех жить.

Женщина вдруг остановилась и показала пальцем куда-то в траву.

– Посмотрите.

– Что такое?

Она наклонилась и достала из груды камней, лежавших на лужайке, цепочку с кулоном.

– Вот это да, – пробормотала она себе под нос. – Теперь еще и *это*.

Я шагнула к ней.

– Что это?

– Кулон с аквамарином, – ответила она. – Драгоценным камнем. Аквамарин возвращает домой моряков. Посмотрите, какая огранка. Вероятно, упал с чьей-то шеи. – Она покачала головой. – И замок хороший, исправный.

Я посмотрела на маленький камень, лежавший на ее ладони – светло-голубой, цвета туманного летнего неба.

– Какой красивый, – сказала я.

Она взяла мою руку и положила кулон на мою ладонь.

– Возьмите, – сказала она.

Я вежливо покачала головой.

– Может, нам надо отдать кулон в... бюро потерянных вещей? Может, кто-нибудь ищет его?

Она покачала головой и улыбнулась:

– Теперь он ваш. Пусть он будет вашим добрым талисманом.

* * *

Мы с Эриком прекрасно пообедали в «Ля Ша Нуар», рано легли спать, а утром поехали на такси до круизного терминала. Еще издали я увидела наш лайнер, и у меня чуточку затрепетало сердце. Это был мой первый круиз, а у Эрика второй (во время первого он обнаружил, что плохо переносит качку). Еще в колледже он плавал по Средиземному морю со своей бывшей подружкой, но сейчас я старалась не думать об этом. В конце

концов, ведь не она вышла за него замуж, а я.

Эрик порылся в кармане куртки и вытащил наши паспорта и ваучеры, после чего положил руку мне на бедро.

– Первое правило в круизе, – сказал он, – никогда, никогда не упоминать про «Титаник».

– Это очевидно, – согласилась я. – А следующее правило?

Он ухмыльнулся:

– Всегда посещать полуночный шоколадный шведский стол.

– Эти правила я могу обходить, – сказала я. – Мы ведь не собираемся страдать от морской болезни, правда?

– Нет, – ответил он. – Мне выписали скопалмин. – Он вдруг в панике встрепенулся. – Пожалуй, я приму сейчас таблетку, чтобы быть в форме.

Я смотрела, как он перерыл все содержимое переднего кармана в своем чемодане и сокрушенно откинулся на спинку кресла.

– Здорово. Вероятно, я забыл его на полке ванной в отеле.

– Не может быть, – посочувствовала я. – Впрочем, я уверена, что на борту есть драмамин. Разве он не помогает?

Эрик покачал головой:

– Ну вроде да. Но он вышибает меня.

– Seriously?

Он кивнул.

– С драмамином я превращаюсь в *ходячего зомби*.

Я нахмурилась.

– Третье правило в круизе: придумай, как оберечь мужа от превращения в зомби. Прости, – сказал он и положил голову мне на плечо.

– Эй, не беспокойся, – сказала я. – Нам все равно понравится в этом круизе.

Он вымученно улыбнулся:

– Конечно.

* * *

За четыре часа плавания Эрика тошнило дважды. Вот вам и разрекламированные супер-ультра-турбо-стабилизаторы, ограждающие пассажиров от морской болезни. Так что он не выходил из каюты и принимал драмамин. Немного помогало. На второй день тошнота прекратилась. Скажем так: я искренне сочувствовала паре, живущей в соседней с нами каюте.

На третий день плавания Эрик решил, что чувствует себя достаточно прилично и может пойти со мной на пляжную палубу и выпить коктейль. Я

была счастлива, потому что предыдущие сорок восемь часов бродила по палубам одна.

– Кажется, я где-то читала, что «пина колада» помогает от тошноты, – сказала я с озорной улыбкой.

– Тогда закажи мне ее в твердом виде, – сказал Эрик. Он надел бейсбольную кепку, сунул в задний карман шортов круизную карту и взял меня за руку.

– Прости, что я так подвел тебя, – говорил он, когда мы шли по коридорам к лифту. – Конечно, это не та романтическая картинка, которая представлялась тебе, когда ты думала о нашем медовом месяце.

– Все нормально, – сказала я с терпеливой улыбкой. – Ты ничего не мог поделать.

Мы остановились возле бара и заказали две «пина колады», потом прошли с ними на солнечное местечко, где нас ждали два пустых шезлонга. Я сделала глоток и откинулась на теплые подушки.

– Здесь роскошно, правда? – сказал Эрик.

– Да, – согласилась я. – Прямо хоть и домой не возвращайся.

– Что сказала твоя бабушка на свадьбе?

Мое сердце учащенно забилося, когда я вспомнила ее слова.

– Не помню, – солгала я и протянула руку за коктейлем.

Эрик усмехнулся:

– Могу напомнить. Она сказала, чтобы мы были осторожнее, потому что во время их круиза она забеременела и потом родила твоего отца.

Я вымученно улыбнулась и махнула рукой проходившему мимо официанту, чтобы он принес еще коктейли.

Мимо нас прошла красивая пара. Я заметила, что у женщины под черным саронгом круглился живот. Эрик перевернулся на бок, лицом ко мне.

– Знаешь, – сказал он, – мы не говорили с тобой о... ну... Я имею в виду, не говорили конкретно. Но разве будет не забавно, если у нас это случится?

Я подумала о моем диагнозе. Как он огорчит Эрика. Мне не хотелось портить наш медовый месяц.

– Милый, – ответила я, – у нас еще впереди много времени. Мы успеем поговорить об этом. Давай сейчас просто наслаждаться этой красотой. – Я показала на горизонт, на волны, в которых резвились три дельфина.

– Но я наслаждаюсь разговорами о нашем с тобой будущем, – возразил он. – И я, кажется, еще не говорил, как мне хочется, чтобы у нас с

тобой были дети. Ты знаешь, что я много работаю. Может, ты думаешь, что я буду всегда слишком занят и не смогу ходить с ними на бейсбол или помогать с домашней работой...

– Эрик, – сказала я, – каждый вечер ты возвращаешься домой в восемь часов, а два-три раза в месяц куда-то уезжаешь. Я не понимаю, откуда у тебя будет время, чтобы быть еще и хорошим отцом. – В моем голосе прозвучала резкая нотка, и мне это не понравилось.

– Я знаю, – сказал Эрик. – Просто я хотел сказать, что если ты... ну... если ты забеременеешь, то я все изменю. Тогда я буду больше времени уделять семье.

Что мне сказать ему на это? Слезы жгли мне глаза, и я отвернулась, сожалея, что не захватила с собой книгу. Тогда я бы уткнулась в нее носом.

Эрик долго молчал. Потом с обиженным лицом повернулся ко мне.

– Значит, ты не хочешь детей? – спросил он. – Потому что не веришь, что из меня получится хороший отец?

– Нет-нет! – воскликнула я. – Нет, милый, дело не в этом. Просто... послушай, я думала, что нам не стоит торопиться с этим разговором. Сначала пусть будет работа, карьера. Путешествия. Может, заведем собаку.

Но он не собирался так просто мне уступить.

– Но разве нельзя все это делать и с ребенком?

Я открыла рот, чтобы наконец сказать ему про мой диагноз, но тут лайнер качнулся на волнах, и Эрик застонал.

– Знаешь, мой желудок не справляется с «пина коладой». Кажется, меня опять тошнит. Лучше я вернусь в каюту.

Я сжала его руку. Он встал. В это время официант принес еще два бокала. Придется мне пить коктейли одной. Я смотрела вслед Эрику – этому доброму, красивому, успешному мужчине, который хотел, чтобы я родила ему ребенка, – и тихо страдала, потому что знала, что мое признание разобьет ему сердце. А мое сердце было уже разбито.

* * *

– Как я выгляжу? – спросила я его вечером. В ресторане был объявлен торжественный ужин, и я решила надеть черное коктейльное платье с блестками. Я немного смущалась, глядя на свое отражение в большом зеркале. Меня беспокоило, что я выгляжу как танцовщица из Вегаса, и размышляла, не оторвать ли блестки.

Эрик лежал и стонал. Его мятый смокинг висел в шкафу. Я подошла к нему поближе.

– Милый, дать тебе еще драмамин?

Он посмотрел на пузырек с таблетками, стоявший на тумбочке, и поморщился:

– Если я его приму, то сразу засну. Тогда я не смогу пойти с тобой на ужин.

Я взяла пузырек и отвинтила крышку.

– Не беспокойся за меня, – сказала я, протягивая ему таблетку. – Вот, прими.

Он запил таблетку водой. В это время по корабельному радио объявили: «Внимание, гости круиза, говорит капитан Вандермост. – У него был сильный акцент. Вероятно, он голландец? – С сожалением сообщая вам, что впереди нас ждет несколько часов плохой погоды. Качка немного усилится, но не беспокойтесь, мы слегка изменим курс и уже завтра утром будем плыть по спокойной воде».

Эрик застонал:

– Он в самом деле так сказал или мне только послышалось?

– Но это будет недолго, – успокоила его я. – К утру пройдет, а пока тебе поможет драмамин.

Мои слова его явно не убедили.

Интересно, во время европейского круиза со своей бывшей подружкой как-там-ее-звали Эрик был таким же жалким, как сейчас? Но я, конечно, не спрашивала его об этом.

– Тебе принести ужин в каюту?

– Нет, – вздохнул он. – Сейчас я не смогу проглотить ни кусочка, даже если буду умирать от голода.

– Знаешь, – возразила я, – тебе все-таки надо что-нибудь съесть. Может, ты позвонишь в рум-сервис?

Он неуверенно кивнул.

Я посмотрела на часы. Ужин начинался через пять минут. Я подумала, что, может, никуда не пойду и закажу в рум-сервисе еще одну семгу с булочками, но я уже ошалела, просидев с Эриком в каюте четыре часа, и устала от семги.

– Иди, – сказал Эрик. – Ты слишком красивая, чтобы сидеть тут весь вечер и смотреть, как я блюю.

– Ну хорошо, – согласилась я, чмокнув его в щеку. Достала из сумки книжку и пошла к двери. Я почитаю, пока буду есть свое любимое блюдо – филе-миньон.

* * *

Меня удивила невероятная помпезность ресторана. Над головой

висели хрустальные люстры, все сверкало. Я пожалела, что Эрик не видел этого. Я назвала стюарду номер нашей каюты, и он направил меня к свободному столику у дальней стены. Я обрадовалась, увидев, что столик возле окна и к тому же пустой. У меня не было настроения пускаться в светские беседы с незнакомыми людьми.

Я откинулась на спинку стула и раскрыла книгу. Подошел официант, налил в стакан воды и вручил меню.

– Сегодня вы будете ужинать одна, миссис Беллуэзер?

– Да, – ответила я, кивая. – У моего супруга морская болезнь.

– Печально это слышать, – сказал официант. Я подумала, что он получал такие ответы много раз. Да, сколько же мужей или жен оставались по этой причине в своих каютах!

Но все же все столы вокруг меня были заняты. Слева от меня какая-то пара вела явно минорный разговор с женщиной в слишком тесном костюме и бейсбольной кепке с логотипом «Нью-Йорк Метс»^[4]. Я поблагодарила круизных богов за свободный стол и опять уткнулась в книгу.

Впрочем, через минуту я подняла глаза и увидела, что к моему столику направлялся мужчина. Он был примерно моего возраста, тридцать с небольшим. В темно-синем костюме, без галстука. Белая оксфордская рубашка с расстегнутым воротником. Светлые, песчаные волосы были довольно длинными, но такая прическа была ему к лицу. Он остановился перед моим столиком, а потом сел. Ничего не говорил, не глядел на меня, просто уставился в меню. Я ожидала, что скоро появится его жена – нечто энергичное и общительное, чтобы уравновесить его крайнюю сдержанность. Наверняка блондинка в голубом цельнокройном платье с массивными бусами – душа компании. Прошло несколько минут, но никто не появился. Похоже, как и я, он был один.

Я ожидала, что он заговорит, но он просто смотрел в окно. Мне пришло в голову, что я толком не знала круизный этикет. *Надо ли мне что-нибудь сказать? Должна ли я представиться?*

Молчание показалось мне мучительно неловким, и я решила заговорить.

– Ммм, – промычала я наконец. Раз уж мы сидели за одним столом, можно было бы меня заметить.

Он кивнул мне и снова уткнулся в меню.

Невежа, подумала я. Наш лайнер покачивался сильнее, и я вспомнила, что говорил капитан про плохую погоду. Я подумала об Эрике – хорошо бы драматин помог ему – и поправила стакан с водой, сползавший со стола. Огни слегка мигнули. По ресторану пробежали испуганные возгласы, их

сменил хор тревожных шепотков.

– Вероятно, приближается шторм, – сказала я.

Мужчина посмотрел в окно, но ничего не сказал. Море было беспокойным, тревожным, под стать моему настроению.

Я схватила булочку из хлебной корзинки, сунула кусок в рот и вернулась к книжке. Снова появился официант. Он радостно улыбнулся.

– Я рад, что у вас появилась компания, миссис Беллуэзер.

Я кивнула. *Да, мистер Жутковато Спокойный Тип.*

– Сэр, что вам принести сегодня из напитков? – спросил он.

– Сухой мартини, – ответил он. – С крупными оливками.

Я улыбнулась и снова попыталась сломать лед отстраненности.

– Я тоже люблю сухой мартини, – сказала я. – Принесите мне то же самое.

Официант кивнул, но мой визави не удостоил меня внимания. Я пожала плечами и перевела взгляд на окно. Принесли напитки, и мы молча потягивали их. Я думала только о том, что хорошо бы нажать на какую-нибудь невидимую кнопку и отмотать время вперед, чтобы ужин поскорее закончился и я могла вернуться к Эрику. Но круизный персонал, казалось, нарочно тянул с обслуживанием, словно мы сидели на театральной премьере. Один раз я подняла глаза от книги, и наши взгляды встретились. Я спешно отвела глаза в сторону.

Я уже добралась до четырнадцатой главы, а после второй порции мартини мне стало легко и чуточку кружилась голова. Или дело было в шторме? Судно качалось все сильнее. *Бедный Эрик, вероятно, он уже никакой.* Я доедала пережаренное филе-миньон, когда к нашему столику приблизилась кучка официантов с тортом, утыканным дюжиной бенгальских огней. Они что-то пели, но мне не удавалось разобрать слова, потом я услышала слово «юбилей». *Что? «Поздравляем вас с юбилеем...»* Я неловко улыбнулась, когда официанты поставили торт на наш стол. Теперь на нас смотрели все окружающие.

– Нет, нет, – сказала я. – Тут какая-то ошибка. Мы... мы не вместе. Я имею в виду, мы не...

– О, – проговорил новый официант и заглянул в бумажку, которую держал в руке, потом нерешительно обратился ко мне: – Вы не мистер и миссис?..

– Нет, – раздраженно заявил мой компаньон, злобно глядя на торт. Он вскочил и швырнул салфетку на стол. – Какого черта? Вы что, с ума посходили?

– Простите, сэр, – пролепетал второй официант. Он еще раз сверился с

листочком бумаги. – Вероятно, мы ошиблись. Мы думали, что это ваша супруга.

Мужчина посмотрел на меня, и на этот раз я заметила в его взгляде боль.

– Моя жена... умерла. Заберите ваш торт.

Под треск искр бенгальских свечей он вышел из зала.

* * *

Я допила martini и не спеша возвращалась в нашу каюту, с удовольствием вдыхая соленый воздух океана. Ведь Эрик все равно уже спал. Бедняга, так мучается.

Солнце давно уже село, но на горизонте еще светила розовая полоска заката. Я остановилась на минуту, любясь этой картиной. Возле меня стояла пожилая дама, лет восьмидесяти, а может, и старше. Я восхитилась ее стойкостью и сказала себе, что тоже буду такой же подвижной, когда доживу до ее лет.

Она повернула ко мне лицо, и я улыбнулась.

– Приятный вечер, – заметила она.

– Да, – ответила я.

Она подошла ко мне.

– Мои дочка и внучка страдают от морской болезни.

– Мой муж тоже.

– А я чувствую себя нормально, – сказали мы в унисон и расхохотались.

– Я запомнила вас с первого дня. У вас медовый месяц. Я угадала?

– Как вы догадались?

– По вашим глазам. – Она улыбнулась.

Я кивнула.

– Я помню свой медовый месяц, – сказала она. – Конечно, он был совсем не такой шикарный, как у вас. Мы ездили в Британскую Колумбию, в Ванкувер, в город Виктория.

– О, вы останавливались в отеле «Эмпресс»?

– Нет, мой муж, упокой Господь его душу, не мог себе это позволить, и мы остановились в маленьком отеле по соседству. – Ее улыбка была полна счастливых воспоминаний. – Но однажды мы с ним ходили в «Эмпресс» позавтракать. Я навсегда запомнила тот день. Мы пили крушон из шампанского.

– Чувствуется, что эти воспоминания вам очень дороги, – сказала я. – А сейчас вы что-то празднуете в этом круизе?

– Не совсем, – ответила она. – Мы вспоминаем. – Она кашлянула, прочищая горло. – Видите ли, у моих родителей была очень тяжелая жизнь. Они не могли быть вместе по причинам, о которых история умалчивает и, думаю, никогда нам ничего не расскажет. Они провели волшебную ночь, а потом он поднялся на корабль, военный корабль, который исчез в океане.

– Невероятно! – воскликнула я. – Ох, как жаль!

Глаза старушки смотрели куда-то вдаль, за горизонт.

– Никто не знает, что случилось на самом деле, ни моя мать, ни командование ВМС США. Но корабль пропал где-то в районе Бермудских островов и больше о нем ничего не было известно. Мама, конечно, так никогда и не оправилась от такого удара. Она горевала по отцу до конца своих дней.

– О, – посочувствовала я. – Это просто... ужасно.

– Вы представляете, как интересно жить рядом с матерью, у которой вечный траур? Впрочем, интересно – не самое подходящее слово. Но я продержалась. Добрую часть своей жизни я ждала, что в один прекрасный день мой отец появится у нас на пороге с замечательными историями о том, как он жил на пустынном острове. Мама тоже ждала. Но годы шли и шли, и наши мечты постепенно таяли.

– И вы здесь, потому что...

– Потому что мне хотелось оказаться рядом с его душой, – сказала она. – Она где-то здесь. Его душа. Я это чувствую.

По моим рукам побежали мурашки.

– Простите меня, – сказала она. – Старая леди что-то разболталась, а вам пора возвращаться к красавцу мужу. Простите.

– Не надо извиняться, – попросила я.

– Какой у вас красивый кулон, – заметила дама.

– Аквамарин.

– Я знаю. Жаль, что у моего отца не было в кармане такого камня, когда их корабль пошел ко дну.

– Для меня было честью познакомиться с вами и послушать вашу историю, – сказала я.

– Меня зовут Роуз, – сказала старушка, протягивая мне руку.

– А я Шарлотта.

– Надеюсь, мы еще увидимся, дорогая.

– Я тоже, – ответила я.

* * *

Вернувшись в нашу каюту, я с удивлением обнаружила, что Эрик не

спал. Он был сонный, но не спал.

– Как прошел ужин? – спросил он, переворачиваясь на другой бок. Его шевелюра была взъерошена, воздух в каюте стал душным и кисловатым. Вероятно, беднягу опять тошнило.

Я пожала плечами.

– Одиноко без тебя. – Я решила не рассказывать ему о моем странном компаньоне. К тому же Эрик выглядел хуже прежнего, и я увидела возле его кровати коричневый пакет. Я взяла его и вылила содержимое в туалет. Медовый месяц получился у нас далеко не сказочный, но я не огорчилась, ну, не очень огорчилась. Переодевшись в майку и тайтсы, я вышла на балкон.

Я смотрела на белые гребни волн, яростно мчавшихся к судну. Теплый, соленый ветер бил мне в лицо. Я думала о людях, с которыми встретишься сегодня, о Роуз и ее воспоминаниях, о мрачном мужчине, с которым я ужинала за одним столом. Интересно, наблюдает ли он за штормом? Я подумала о его жене. Что с ней случилось?

Глава 5

Утром шторм затих. Эрик чувствовал себя лучше и пошел со мной завтракать. Мы поднялись на пляжную палубу и нашли столик возле окна. Я радовалась, видя, что он снова улыбался.

– Завтра мы будем на Бермудах, – сказал он, прокалывая вилкой сосиску.

– Значит ли это, что мы уже плывем по Бермудскому треугольнику? – спросила я, глядя на голубой простор за окном. К счастью, гладкий и спокойный.

– По-моему, это миф, – сказал он.

– Будем надеяться, – отозвалась я.

– Что по мне, так я мечтаю о том, чтобы мы встали на якорь. Где угодно, хоть в Антарктиде. Лишь бы убраться хоть на пару часов с этого проклятого лайнера.

Я улыбнулась:

– Ты стойко переносил муки. Прости, это я затащила тебя в этот круиз. Может, нам просто надо было отправиться на Гавайи.

– Вообще-то, – проговорил Эрик, – если не считать постоянного головокружения и приступов рвоты, я неплохо провел время.

Я засмеялась:

– Я люблю тебя.

Он улыбнулся:

– Давай закажем экскурсию на острова? – Он достал из кармана

брошюру. – Тут говорится, что можно поплавать со скатами.

Я покачала головой.

– Как насчет дельфинов?

– Нет, – заявила я. – По-моему, они слишком похожи на акул.

– Знаешь, они вовсе не такие, как акулы, разве не так?

– Верно, но у них такие же плавники. – Я скорчила гримасу. – Я за себя не ручаюсь. Вспомню фильм «Челюсти» и заору от страха.

Эрик засмеялся:

– Ладно, от дельфинов откажемся. Иначе я буду вынужден извиняться за свою трусишку-жену. – Он подмигнул мне.

Я макнула вилку с омлетом в кетчуп и отправила в рот.

– А как тебе такое, – продолжал Эрик, показывая на снимок в брошюре. – Экскурсия к настоящему пиратскому кораблю, ланч на борту, коктейли с ромом, потом плавание с трубкой в нескольких милях от берега.

– Коктейли с ромом, – кивнула я. – Вот это я понимаю!

– Хорошо. Я пойду после завтрака в бюро бронирую нам места.

– Отлично! – согласилась я.

– Все, стоп машина, – добавил Эрик.

* * *

На следующий день мы с Эриком спустились на нижнюю палубу, чтобы отправиться на остров Бермуда. Я захватила с собой большую бутылку воды, солнцезащитный крем и упаковку миндаля. Кто знает, когда нас накормят ланчем, а после плавания мне всегда хочется есть. Я уже радовалась, что сегодня смогу хорошенько поплавать с трубкой. В последнюю минуту мне на глаза попался кулон с аквамаринном, подаренный мне той немолодой женщиной в Центральном парке. «На удачу», – сказала она тогда. Накануне вечером я сняла его и оставила на столике. Сейчас надела его опять. *Почему бы и нет?*

Я смотрела на остров с пристани, на маленькие домики и здания побольше, выстроившиеся в линию вдоль берега. Их пастельные цвета напомнили мне желтые, зеленые и розовые мелки, какими дети рисуют на тротуарах. Бирюзовые волны сверкали, набегаая на кремовый песок. Прямо как почтовая открытка.

Мы шли, держась за руки. Эрик переплел свои пальцы с моими. Он радовался, что снова оказался на берегу, а я была счастлива снова видеть его улыбку. У нас было два часа до начала экскурсии, и мы решили осмотреть Королевскую верфь. В кармане Эрика загудел телефон.

– О, – сказал Эрик, вытаскивая его. – Тут, оказывается, есть сигнал.

В отличие от Эрика, я не стала брать с собой телефон. Я не могла назвать никого, с кем бы мне хотелось сейчас поговорить. Я посмотрела на бриллианты в моем обручальном кольце. Под тропическим солнцем они сверкали еще ярче. Я провела ладонью по загорелой, гладкой коже Эрика. Мне нравилось, как играли под кожей его мышцы, когда он подносил к губам мою руку. Сейчас он улыбался, глядя на телефон.

– Неужели опять твой босс? – простила я.

– Нет, – ответил он. – Это письмо от Габби.

Я вскинула голову.

– От Габби?

– Да, – сказал он, передавая мне свой айфон. Я прочитала текст: «Я слышала про ураган, просто хотела проверить, в безопасности ли вы. Целую и обнимаю, Габби».

– Ураган? – переспросила я. – Я не слышала, что это был настоящий ураган. Я думала, что мы просто угодили в небольшой шторм.

– Я тоже, – кивнул Эрик. – По-моему, она сильно испугалась. Как трогательно, что она беспокоится за нас.

– И трогательно, что капитан решил не говорить нам, что мы столкнулись с ураганом, – усмехнулась я. Мои мысли вернулись к Габби. Я удивилась, почему она не написала мне, но тут же вспомнила, что мой телефон был выключен с самого начала круиза.

– Смотри, – сказал Эрик, показывая на витрину лавки. – Ромовая баба!

В витрине висела табличка: «Лучшая в мире ромовая баба».

– Надо попробовать, – усмехнулась я.

Эрик остановился у входа.

– Ты иди, – сказал он. – А я попытаюсь поймать какие-нибудь сообщения, пока есть сигнал.

– Хорошо, – согласилась я и зашла в лавку. Местная женщина улыбнулась мне из-за прилавка.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Чем могу вам помочь?

Я разглядывала полки с выставленными там раковинами и камнями, безделушками и написанным маслом на крошечном, 5 на 7 дюймов, холсте изображением островных пейзажей.

– Привет, – поприветствовала я, направляясь к прилавку, где лежали коробочки с выпечкой. – Ромовую бабу, пожалуйста.

Она кивнула и положила коробку в пластиковую сумку. Я протянула ей кредитную карточку, потом взглянула в окно на Эрика. Он с улыбкой склонился над телефоном.

– Пожалуйста, милая, – сказала женщина, возвращая мне карточку.

Я поблагодарила ее и вышла на улицу. Эрик убрал айфон в карман.

– Купила? – спросил он.

– Угу, – ответила я. – Хочешь попробовать? Ты ведь сегодня не завтракал.

– Нет, – сказал он. – Пожалуй, я подожду до ланча. Кажется, нам обещали ланч на пиратском корабле?

Я вспомнила о береговой экскурсии в лагуну и немного пожалела, что мы ее заказали. Я бы предпочла осмотреть Королевскую верфь, а потом где-нибудь поваляться с Эриком на пляже, расстелив полотенце.

– Ты действительно хочешь поехать на экскурсию? Я слышала, что тут вокруг роскошные пляжи с розовым песком. Думаю, было бы забавно там побывать.

Эрик вздохнул.

– Если ты увидишь один пляж, считай, ты видел и остальные. Давай уж придерживаться плану. По-моему, забавно взглянуть на обломки корабля. Как ты думаешь?

Я знала, что Эрик был равнодушен к пиратам, но все равно уговаривала его:

– Ты не боишься, что тебя укачает?

Он пожал плечами.

– Хуже, чем на лайнере, все равно не будет, – сказал он. – К тому же я захватил с собой драмамин.

– Ну ладно, – согласилась я.

– Иди сюда, – сказал он, подхватывая меня на руки. Я положила голову на его мощные бицепсы. Он слегка покачивал меня, как младенца, осыпая поцелуями. Так мы и сидели, дыша экзотическими бермудскими ароматами, потом прошли несколько кварталов, заглядывая в лавки с безделушками и сувенирами, которые нас совершенно не интересовали. Через некоторое время откуда-то издали донесся звон колокола.

– Давай спустимся к пристани, – сказал Эрик. – Скоро начнется экскурсия.

Мы вернулись на берег и увидели мужчину, державшего щит с надписью: «Пиратский корабль. Экскурсия в лагуну». Вероятно, это был гид.

– Это наша экскурсия? – спросила я у Эрика.

– Кажется, да. – Он слегка нервничал. Вероятно, заметил усилившиеся волны и беспокоился из-за своего недуга.

Мы прошли следом за мужчиной квартал до деревянной пристани, где стоял быстроходный катер.

– Ваши билеты? – спросил он с сильным акцентом, похожим на смесь ямайского с английским и еще каким-то неизвестным мне языком. Я повернулась к Эрику, и он достал бумаги из кармана. Тряхнул головой и еще раз порылся в бумажнике.

– Проклятье, – пробормотал он. – Где же мой?

– Что ты имеешь в виду? – удивилась я. – Ты разве не купил два билета?

– Купил, – ответил он. – Должно быть, они забыли отправить мой билет в здешнее экскурсионное бюро.

Я повернулась к gidу.

– Мы купили два билета на этот тур, – сказала я, – но по какой-то причине сотрудники круиза не распечатали оба. Вы не возражаете, если мы отдадим вам второй билет потом?

Он покачал головой:

– Простите, мэ. Я не могу взять на борт человека без билета.

– Но я обещаю, мэ...

Эрик взял меня за руку.

– Дорогая, – шепнул он. – С ним спорить бесполезно.

– Но, Эрик, ты...

– Через полчаса отплывает еще один катер, – сказал гид с таким кислым видом, словно ему было неприятно говорить об этом. – Там будет свободное место. – Он неприязненно посмотрел на меня. – В лагуне вы и встретитесь.

Эрик кивнул.

– Поезжай, – сказал он. – Я сбегаяю на судно, возьму билет и отправлюсь на следующем катере.

– Нет, – заявила я. – Мне не хочется плыть без тебя.

– Я буду там через полчаса, – заверил меня Эрик. – Ты даже не успеешь соскучиться без меня.

Мне все это не нравилось, но я знала, что ничего страшного тут не было, тем более что речь шла лишь о тридцати минутах.

– Хорошо, – согласилась я.

Он протянул мне сумку с фотокамерой.

– Вот, возьми с собой, – сказал он. – Мне не хочется таскать ее на судно и обратно.

Я взяла сумку с его драгоценным «Кэноном» и повесила на плечо. Эрик помахал мне рукой, я забралась в катер и села на мягкое белое сиденье на корме. Капитан бросил мне прорезиненный мешок.

– Непромокаемый мешок для ваших вещей, – пояснил он, вытирая со

лба капельки пота.

Я кивнула и сунула в мешок сумочку, камеру Эрика и ромовую бабу, потом, как мне было велено, положила мешок в емкость под моим сиденьем. Кроме капитана, на катере были еще двое. Рядом со мной сидела женщина лет шестидесяти. Она только что намазалась солнцезащитным кремом, о чем говорил белесый отсвет на ее коже. На ее могучей талии висела забавная сумочка. Женщина повернулась ко мне. Она явно была в восторге.

– Я еще никогда не видела настоящих пиратских кораблей, – сообщила она.

– Я тоже, – ответила я с вежливой улыбкой, опасаясь, что она окажется болтливой, и повернулась к пристани. Эрик уже шел к лайнеру. Я пожалела, что согласилась ехать без него. Лучше бы уж мы плюнули на 100 долларов и остались на острове.

– Я Луиза, – представилась женщина. – Из Арканзаса, из городка Литл-Рок. – Она ткнула пальцем в сторону океана: – Там есть акулы?

– Будем надеяться, что нет, – улыбнулась я.

– Я читала про акул, – сказала она. – Главное, надо замереть и не двигаться, если ты их увидишь. Ну, я имею в виду, если ты плаваешь в море. Ни в коем случае нельзя плескаться, это их возбуждает.

– Интересно, – отозвалась я. *Может, если я буду отвечать ей скупо и односложно, она перестанет болтать?*

– Простите, – спросила она у капитана, выставив кверху палец. – Мне сказали, что во время поездки нас накормят ланчем?

Он смерил ее долгим взглядом.

– Да, когда мы приплывем к обломкам корабля. Ланч привезет другая лодка.

Луиза кивнула, но не успокоилась.

– Наш сын – знаменитый шеф-повар, – с гордостью сообщила она мне. – Он подарил нам этот круиз на наш юбилей.

Я улыбнулась и посмотрела на носовую часть катера, где сидел третий пассажир. Мужчина. Он смотрел вперед, и я не видела его лица. Через минуту он обернулся, и я обнаружила, что это был тот самый мужчина, который сидел со мной за одним столиком на торжественном ужине. Я вспомнила, как он швырнул салфетку и обругал официантов за их ошибку.

Нервно улыбнувшись, я опустила глаза, потом посмотрела на море. Мне показалось неловким здороваться с ним. Он был слишком неприветливым на ужине, к тому же я не знала, как его зовут. Когда наши глаза встретились, я вымученно улыбнулась и кивнула, но он почти не

обратил на меня внимания и ничего не сказал. Я не удивилась, ведь он разве что не рычал на меня за ужином. Словом, впечатление у меня было прежним: *какой невежа*. Вдовец или нет, но он бы не заболел, если бы проявил хоть минимум хороших манер.

Луиза толкнула меня в бок.

– Смотрите, – шепнула она. – Этот парень – вылитый Том Круз в молодости.

Я неопределенно пожала плечами. Мне он скорее напомнил Райена Гослинга, но это не важно. Он слишком самодовольный, чтобы его с кем-то сравнивать. Капитан завел двигатель. Я посмотрела на часы. Интересно, далеко ли нам плыть до пиратского корабля?

Из-за рева мотора Луизе было трудно продолжать разговор, и я радовалась этому. Странно, почему этот непонятный вдовец решил сегодня отправиться на экскурсию. Может, он собирался побывать там с женой, до того как она?..

Мы резво мчались по волнам примерно полчаса, а может, и больше, потом капитан сбросил скорость, и теперь мы еле ползли. Интересно, когда мы все-таки приплывем к пиратскому кораблю? Я уже начинала беспокоиться. Но Луиза, кажется, не возражала против такой прогулки. Когда капитан замедлил ход, она повернулась ко мне.

– Мой Эрл решил сегодня остаться на судне, – сообщила она, разглядывая мое обручальное кольцо. – Можно я поделюсь с вами секретом? – Я кивнула, наблюдая, как капитан возился с портативным стерео, чуточку напомиавшим мой бумбокс, с каким я ходила в семнадцать лет. – Приятно, когда у тебя есть немного личного времени. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я вежливо улыбнулась, но в душе надеялась, что я никогда не доживу до такого момента в нашем браке, когда мы с Эриком будем раздражать друг друга и я скорее поеду одна на экскурсию, чем останусь со своей лучшей половиной.

– Да, – солгала я и не стала ей рассказывать, что у нас медовый месяц и что мне хотелось бы, чтобы на ее месте сейчас сидел Эрик. Это лишь еще больше развяжет ей язык.

Капитан сунул си-ди в портативный стерео, и в воздухе загремела музыка хип-хоп на непонятном мне языке. Он наклонился над картой и почесал в голове. *Мы что, заблудились?*

– Похоже, мы не там свернули, – сказал он. *Не там свернули? Разве он не ездил десятки раз по этому маршруту?* – Не беспокойтесь, – заверил он, вероятно заметив тревогу на моем лице. – Сейчас мы вернемся немного

назад и направимся на восток. Недаром ведь этот регион называют Бермудским треугольником. – Захихикав от собственной шутки, он включил двигатель на полную мощность. – Сейчас посмотрим, как быстро бегают этот малыш. – Мы с ревом рванулись вперед, и я вцепилась в борт катера. Лицо Луизы по-прежнему выражало восторг.

– Скажите, – крикнула я капитану, – сколько нам еще плыть до лагуны?

Он не слышал меня из-за рева мотора и музыки. Я огляделась по сторонам. Земли нигде не было видно, только голубая вода со всех сторон.

Внезапно я почувствовала удар, словно мы на что-то наткнулись. Меня подбросило в воздух по крайней мере на фут. Заболела шея, словно по ней хлестнули плеткой.

– Что это было? – крикнула я капитану. – Что случилось?

– Должно быть, мы налетели на риф, – сказал он, сбавляя обороты. – Рифы тут повсюду, никогда не угадаешь, откуда они появятся.

Меня охватила паника, и я сжала аквамаринный камень. Луиза впервые встревожилась. Мы снова набрали скорость, и я немного успокоилась. Едва ли лагуна далеко отсюда. Мне хотелось только одного – покинуть этот проклятый катер и найти Эрика. Но тут последовал новый удар, на этот раз более сильный. Меня швырнуло вперед, и я упала в кокпит катера. Соленая вода обожгла мне глаза. Еще один риф? Я оглянулась на Луизу и ахнула, увидев ее лежащей рядом со мной. Из ее носа текла кровь. Я встала рядом с ней на колени и дотронулась до ее шеи.

– Луиза? – воскликнула я. – Что с вами? – Она не отзывалась.

Катер стоял на месте. Мотор заглох. Я подняла голову, но капитана не увидела, только угрюмого незнакомца. Он бросился ко мне.

– У вас все нормально? – спросил он. Я увидела тревогу на его лице и даже удивилась, что в его запасе есть другие эмоции, кроме хмурого взгляда.

Я кивнула, с трудом приходя в себя.

– Что с ней? – спросил он.

– Не знаю, – дрожащим от испуга голосом ответила я. – У нее идет кровь из носа.

Он потрогал пальцами ее шею, потом приложил ухо к ее груди. В колледже нас учили, как оказывать первую помощь, но я ничего не помнила.

– Она не дышит, – сказал он. – Вы умеете делать искусственное дыхание? Кому-то из нас надо отыскать капитана.

– Что вы имеете в виду? – удивилась я.

– Он упал за борт.

– Не может быть! – растерянно залепетала я.

Незнакомец торопливо запрокинул голову Луизы и прислушался, потом начал делать искусственное дыхание. Через несколько минут она вдохнула воздух и закашлялась. Ее вырвало. Она не приходила в сознание, но хотя бы дышала, уже хорошо. Я видела, как вздымалась ее грудь.

– Если она очнется, не позволяйте ей вставать, – сказал он. – Возможно, у нее что-нибудь сломано.

Он стянул с себя рубашку и обнажил сильный торс. Снял сандалии и нырнул в воду. Я провожала его глазами, когда он плыл вокруг катера. В моей груди тревожно билось сердце. Мне все казалось нереальным. Женщина без сознания, лежавшая на дне лодки, мужчина где-то в океане... Я вспомнила про вторую лодку, с Эриком на борту. Потерла висок и увидела на пальцах кровь. Я не знала, моя эта кровь или Луизы.

За бортом послышался всплеск, незнакомец выплюнул воду.

– Я его не нашел, – сообщил он. – Надо искать где-то еще.

Я подбежала к другому борту. Наш катер прыгал на волнах прибоя, как поплавок.

– Он там, – крикнула я, увидев плававший на небольшой глубине силуэт нашего капитана; его темная кожа блестела в воде. – Он там!

Незнакомец подплыл, взял капитана на руки и медленно вернулся к катеру. Подхватил его за талию и подтолкнул кверху. Я взяла его под мышки и из последних сил втащила в лодку.

– А он?.. – У меня тряслись руки. Я видела, что капитан истекал кровью. На его голове зияла глубокая рана.

– Он не дышит, – сказал незнакомец, снова приступив к искусственному дыханию. Через несколько минут он махнул рукой и сел. Губы у капитана были синими.

С минуту мы просто сидели и смотрели куда-то перед собой. Одна лежала без сознания, другой был мертв. Волны игриво плескались о борт катера, словно дразнили нас. Я моргала, с трудом сознавая, что произошло. Я очутилась одна, наедине с незнакомцем, посреди огромного океана.

Глава 6

Прошел час, возможно, больше. Луиза все еще не приходила в сознание, а ее дыхание стало неровным. Мы перенесли ее ближе к носу катера, в тень. Ее руки распухли от жары, золотое обручальное кольцо стискивало безымянный палец, мешало циркуляции крови. Я осторожно сняла его и сунула в ее сумочку. Мне вспомнилось, что она говорила про мужа. Кажется, его звали Эрл. Где он сейчас? Должно быть, вернулся на

лайнера, пил коктейль «май тай» с ромом, может, в третий раз просматривал шведский стол, положил на тарелку еще один кусок говядины по-веллингтонски и не подозревал, что его жена с трудом цепляется за свою жизнь.

Капитан лежал на дне катера. Я накрыла его лицо полотенцем. Потом села на корме и обхватила голову руками. На мое плечо легла рука.

– Вы в порядке? – спросил незнакомец.

– Да, то есть нет, – ответила я. – Мне страшно.

– Как вас зовут?

– Шарлотта.

– Я Грэй, – сказал он. – Грэй... – Мне показалось, будто он собирался назвать свою фамилию, но передумал. Впрочем, какая мне разница?

Я кивнула, не отрывая глаз от Луизы.

– Радио не работает. Может, от удара или вообще было неисправно. У вас есть сотовый телефон?

Я покачала головой:

– Нет. Я не взяла его.

– Я тоже оставил телефон в каюте. – Он рухнул на сиденье и немного помолчал. – Я могу попытаться доплыть до берега, – сказал он наконец. – Должен же тут быть где-нибудь остров.

– Нет, не надо, – возразила я. – Может, мы слишком далеко от суши. И тут могут водиться акулы. – Все верно, но, признаться, я ужасно боялась остаться одна на катере среди океана с мертвым мужчиной и умирающей женщиной.

Грэй кивнул, как бы отвечая своим мыслям.

– Вы правы. Капитан заблудился еще до того, как налетел на риф. Конечно, мы могли уплыть слишком далеко.

Я всплеснула руками.

– Если мы налетели на риф, не означает ли это, что земля где-то близко?

– Не исключено, – согласился он. – Но тут странное место. Оно опровергает всякую логику. Его невозможно понять.

Мне хотелось спросить, что он имел в виду, почему говорил о здешних водах с таким непререкаемым авторитетом, но я решила помолчать.

– Что ж, – сказал он, оглядывая океанскую ширь. – Я уверен, что скоро прибудет второй катер. Давайте ждать. Останемся на месте. Пусть они нас ищут.

Я покачала головой:

– А что еще мы можем сделать?

Грэй скрестил руки на груди и надолго о чем-то задумался. У меня пересохло в горле. Я взяла свою бутылку и сделала большой глоток.

– Берегите воду, – посоветовал он.

– Почему?

– Мы можем тут застрять на некоторое время. Так что не пейте все сразу.

– О-о, – отозвалась я. До меня дошел смысл его слов. *Мы можем застрять тут на некоторое время. Сколько же продлится «некоторое время»?*

Прошел еще час. Грэй возился в лодке, выбирая то, что могло бы нам пригодиться в чрезвычайной ситуации. В *этой* ситуации.

– Где-то здесь должен быть плот, – сказал он, поднимая сиденье. Порылся и извлек массу мятого желтого пластика. – Слава богу, – вздохнул он с облегчением.

Я недоверчиво разглядывала желтый винил. Грэй сказал, что это только на всякий случай. Я подумала об Эрике. Вероятно, он уже приплыл в лагуну. Наверное, ужасно беспокоится. Скорее всего, он уже сообщил властям, что наш катер не прибыл на место, и нас уже начали искать. В любой момент к нам примчится корабль береговой охраны. Я надеялась, что это так. Луиза была плоха, а мне ужасно хотелось в туалет.

– Сколько времени? – спросила я у Грэя.

– Пять, – ответил он.

Я кивнула. Луиза еще дышала. Еле-еле. Я знала, что на ней был солнцезащитный крем, но ее кожа покраснела, а солнце переместилось, поэтому я сдвинула ее шляпу на лоб, чтобы она не обгорела.

– Пожалуй, я все-таки поплыву, – сказал он. – Если мне повезет, я смогу к вечеру доплыть до острова.

– Я не знаю, – сказала я. – А как насчет...

– Акул?

Я кивнула.

– Да, – сказал он. – Я должен попытаться.

– Это слишком рискованно.

– Послушайте, Шарла...

– Шарлотта, – напомнила я.

– Шарлотта, верно. – Его глаза впились в мои. – Послушайте, если мы ничего не предпримем, то так здесь и умрем.

Мое сердце забилось чаще. Ветер усилился. Он был теплый, но я дрожала.

– Нет, – возразила я. – Мы не так далеко от берега, всего в нескольких

милях. Поблизости должен быть какой-то остров. Кто-нибудь нас найдет. – На мои глаза навернулись слезы. – Должны найти.

Грэй вздохнул.

– Здесь быстрое течение, – сказал он. – Нас унесет, возможно, дальше, чем мы думаем. – Он провел ладонью по своим песочным волосам. Их взъерошил ветер. Помолчав, он добавил: – Хотя, может, вы и правы. Пожалуй, я не стану рисковать.

Несколько часов мы сидели молча, ждали, смотрели, слушали. Часто проверяли состояние Луизы, но оно не менялось.

– Я знаю, что нас уже ищут, – сказала я. Солнце садилось, мне хотелось его остановить, чтобы оно не скрылось за горизонтом. Я до сих пор не верила в реальность происходящего.

Грэй сидел опустив голову и кашлял. Я сообразила, что он целый день не выпил ни глотка. Он не захватил с собой бутылку воды?

– Возьмите, – сказала я, протягивая ему бутылку. – Попейте.

Он покачал головой.

– Оставьте себе, – сказал он.

Я кивнула и поняла, что ужасно хочу по-маленькому, но как мне это сделать? Я прошла на нос катера.

– Не смотрите сюда, – попросила я.

Грэй кивнул.

Я спустила до щиколоток джинсовые шорты и зеленые трусы-бикини, потом сняла их совсем. Страдая от смущения, присела на корточки на носу лодки, стараясь не сорваться. Поза была далека от идеальной, но выбирать не приходилось. Я наблюдала, как ярко-желтая моча потекла по белой поверхности катера в воду. После этого я натянула бикини и шорты.

Грэй ничего не сказал, когда я вернулась. На небе уже зажглись звезды. Я положила голову на руки и заснула под покачивание лодки.

* * *

Я быстро открыла глаза. У меня затекло все тело. Ноги были холодные и чуточку мокрые. Солнце светило ярко; я загородилась от его света, поднеся ладонь козырьком к глазам, и огляделась по сторонам. Мгновенно ужас от вчерашнего происшествия всплыл в моем сознании. Разбитый катер, дрейфующий в открытом океане, труп, лежавший поодаль, и безжизненная женщина рядом со мной.

– Луиза! – воскликнула я, вскочив на ноги. Встала возле нее на колени и проверила ее дыхание, пульс.

Грэй подошел ко мне.

– Она умерла, – сообщил он без эмоций. – Скончалась ночью.

Я покачала головой.

– Нет! – закричала я. – Нет, мы должны были спасти ее!

– Мы сделали все, что могли, – сказал он. – У нее была травма головы.

Я села, обхватив колени, и заплакала.

– Я хочу немного вас успокоить, – мягко сказал Грэй. – Даже в лучших больницах с самым современным оборудованием ее, возможно, не смогли бы уже спасти.

– Откуда вы знаете? – рявкнула я. Мне тут же стало стыдно за свою резкость, но я нервничала, боялась и чувствовала себя виноватой. Ведь она умерла при нас.

Грэй не отвечал. Он снова возился с радио на носу катера.

– Короткое замыкание, – сообщил он. – И у меня нет инструментов, чтобы починить его.

Он сказал это будничным тоном, совсем не так, как сказал бы Эрик. Эрик. Я подумала о своем муже. Вероятно, он уже проснулся в нашей каюте. Или, может, не спал совсем. Может, искал меня всю ночь. *Где же он? Почему не приплыл сюда?*

– Что же нам делать? – испуганно спросила я у Грэя.

– Не знаю, – ответил он. – Лайнер должен отправиться то ли вечером, то ли этим утром дальше. Маловероятно, что они будут нас ждать.

– О чем вы говорите? – удивилась я. – Конечно, будут.

– Все круизные линии предупреждают в своих правилах, – сказал он, – если вы не возвращаетесь на судно на следующий день, они не занимаются вашими поисками. Правда, именно это написано у них мелким шрифтом. – Он произнес это уверенно, словно сам уже сталкивался с подобной ситуацией.

– Но ведь они знают, что мы потерялись, – запротестовала я. – Не то что мы просто захотели остаться тут по собственной прихоти. Мой муж скажет им.

Грэй безучастно смотрел на океан.

– Эрик сделает все, чтобы нас нашли, – уверенно заявила я.

* * *

К полудню солнце повисло прямо над головой. Я достала из сумочки солнцезащитный крем и намазала им плечи, потом кинула бутылочку Грэю.

– Спасибо, – поблагодарил он, выдавив несколько капель крема на ладони. Я смотрела, как он нанес его на плечи и шею, немного оставив для ушей и кончика носа. Его взгляд задержался на моей бутылке с водой.

– Вы ведь хотите пить? – сказала я, протягивая ему воду. – Пожалуйста, возьмите.

На этот раз он не отказался и сделал глоток. Я знала, что ему хочется еще, что он мог бы одним глотком выпить все, что осталось, но он завинтил крышечку и вернул мне бутылку.

– Нам надо подумать, как собирать воду, чтобы быть готовыми, если пойдет дождь.

Он был прав, но мне не понравилось его предложение – ведь я была уверена, что нас скоро спасут.

– Вот, – сказал Грэй, вытащил маленькое металлическое ведро из-под капитанского кресла.

Я кивнула. Течение несло нас теперь быстрее. Я не слышала гудка судна. То ли наш лайнер еще не отплыл от острова, то ли нас уже унесло слишком далеко, за пределы слышимости.

Стояла жара, меня мучила жажда, но в бутылке оставалось лишь несколько дюймов воды, и я терпела. Грэй присел возле Луизы и показал на ее странную сумочку на талии.

– Нет, – ужаснулась я. – Вы что, серьезно?

– Может, там у нее вода, – сказал он. – Или сотовый телефон.

Мне казалось неправильным рыться в имуществе умершей женщины. Я отвернулась, когда Грэй отцепил ее сумочку и сел рядом со мной. Расстегнул молнию.

– Эврика! – Он вытащил маленькую бутылочку воды. Сделал глоток, потом отдал ее мне, и я тоже отпила немного.

Потом он достал пачку розовой жвачки «Бабл гам», мяту, полурастаявшую пачку «Сникерса», гигиеническую помаду, пузырек с таблетками, пачку сигарет и зажигалку.

Грэй рассмотрел пузырек.

– Викодин, – прочитал он.

– Помню, она что-то говорила про операцию на ноге в прошлом месяце.

Грэй кивнул.

– Этот препарат вызывает очень сильную зависимость, – сказал он. Я удивилась, откуда он это знает, но ничего не спросила.

Он взял «Сникерс» и разорвал обертку. Шоколад испачкал его руку.

– Хотите кусок? – сказал он, облизав палец.

– Хочу, – сказала я. Мой желудок урчал все утро, но я старалась не обращать внимания.

Он протянул мне кусок полурастаявшей массы, и я сунула ее в рот.

Съев ее, мне захотелось еще, но Грэй убрал «Сникерс» в сумочку.

– Надо приберечь. Может, это единственная пища, которая у нас будет неизвестно сколько времени.

Тут я вспомнила про миндаль и вытащила его из своей сумочки.

– И вот это, – сказала я.

Грэй кивнул. Интересно, подумалось мне, надолго ли хватит этой пачки миндаля из «Старбакс»? Если мы будем есть понемногу, то на несколько дней? Я прогнала эту мысль. *Эрик спасет меня.*

Но, когда садилось солнце, нас так никто и не спас.

* * *

– Чем так пахнет? – спросила я на следующее утро. В воздухе висел отвратительный запах гнили.

– Трупы, – сказал Грэй. – Мне неприятно говорить об этом, но нам придется выбросить их за борт.

– Но ведь... – Мне это показалось таким жестоким, негуманным. И все же я понимала, что Грэй был прав. Мы не могли дольше плыть по океану с двумя разлагающимися трупами. Кроме того, я заметила, что из тела капитана текла жидкость, и подумала, что мы можем чем-нибудь заболеть.

– Пора, – сказал Грэй. Он подошел к капитану и убрал с его лица полотенце, а после этого стянул с него шорты.

– Что вы делаете? – спросила я с легким ужасом.

– Одежда ему больше не понадобится, – ответил он. – А нам, возможно, да.

Он стянул шорты с ног капитана. Я отвернулась, увидев, что он не носил нижнего белья. Грэй отложил шорты в сторону, достал из них бумажник, потом стащил с мертвеца майку. После этого поднял нагое тело над релингом, и оно торпедой полетело в океан.

Грэй, словно на автопилоте, направился к Луизе.

– Вас можно попросить об одолжении?

– Вы ведь не...

– Нам понадобится все, что угодно, – сказал он, снимая шляпу с ее головы. – Для защиты от солнца и для тепла.

Я посмотрела на ее розовую майку и белые капри. Они были велики мне на много размеров, и все же я понимала, что мы можем согреться ими ночью, как будто одеялом. Прошлой ночью я проснулась, дрожа от холода.

– Хорошо, – согласилась я.

Расстегнув ее штаны, я стянула их с раздутого, с растяжками, живота Луизы. Мне было жутко неприятно это делать. Неприятно видеть, что ее

белые трусы были дырявыми. Морщась от отвращения, я сняла капри с ее лодыжек и взялась за блузку. На правом плече я увидела татуировку – внутри сердечка имя Джонни. Я вспомнила про Эрла и удивилась.

Грэй поднял ее и так же, как капитана, бросил в воду. Зловещий всплеск долго звучал у меня в ушах. Эта женщина недавно сидела возле меня, живая, болтала о всякой всячине, ей не терпелось взглянуть на пиратский корабль, и вот она плыла, почти голая, в океане. Корм рыбам.

– Подождите, – сказала я и побежала на нос катера, где видела несколько искусственных цветков, приклеенных к приборной панели. Оторвала красную розу, бегом вернулась к релингу и бросила ее в воду. Роза упала возле Луизы.

– Покойся с миром, – тихо произнесла я.

* * *

На четвертый день мы доели миндаль и остатки «Сникерса». Мы дрейфовали уже так долго, что я утратила представления о том, где мы находимся и что с нами будет. Я наловчилась писать с носа катера и даже ходить по-большому, но все это было ужасно, особенно без туалетной бумаги.

– Вы чувствуете? – спросил Грэй. Я не поняла, о чем он говорил, но он улыбался, значит, это была хорошая новость.

– Что?

– Дождевая капля, – сказал он и раскрыл рот, запрокинув голову.

Мы не пили воду уже день. Моя глотка стала как пергаментная и болела, как будто ее натерли наждаком. Если пошел дождь, это хорошая новость. Очень хорошая.

– Чувствую! – воскликнула я, когда капля упала мне на щеку. – Где ведро?

– Здесь, – сказал Грэй и поднял его. Дождь усиливался. Мы с жадностью смотрели, как в ведро медленно набиралась вода.

Через полчаса дождь перестал, и сквозь тучи снова пробилось солнце. Грэй протянул мне ведро, и я сделала глоток. Пресная вода была божественно вкусной; она омыла мое пересохшее горло. Мне хотелось выпить все, но воды было совсем мало, около дюйма, а Грэю тоже нужно было пить.

– Я не понимаю, – сказала я в тот вечер, глядя на океан. – Мы плыли почти пять дней. Почему мы не видели сушу? Или самолеты? Почему никто не приплыл сюда?

Грэй взял за руку за лоб.

- В этих историях про Бермудский треугольник что-то есть.
- Можно вас спросить про одну вещь? – обратилась я к нему.

Он кивнул.

– В тот вечер на ужине в ресторане, – осторожно начала я, – вы показались мне таким... подавленным. Почему?

Он нахмурился и долго молчал, потом встал и прошел на нос катера. Потом сел в капитанское кресло и стал смотреть в ночное небо.

* * *

– Лодка дала течь! – воскликнул Грэй на следующее утро. Его слова прозвучали почти как фраза из фильма, герои произносят эти слова, когда сюжет начинает обретать драматизм. Вот только мы не смотрели кино, а жили по этому сюжету, и какие еще неприятности ждали нас по сценарию, неизвестно. Это было кошмаром. Нашим собственным, персональным кошмаром.

Я открыла глаза и опустила ноги на дно лодки. Они погрузились в воду на несколько дюймов.

– Боже! – воскликнула я. – Что происходит?

– Это было неминуемо, – сказал Грэй. – Я знал, что удар повредил корпус, но не знал, насколько сильно. Положение ухудшилось.

– Ухудшилось?

– Смотрите, – сказал он, показывая на дальний правый угол катера. – Вода набирается быстро. Мы больше не можем тут оставаться.

Я покачала головой и взглянула на океан.

– Что же нам делать?

Грэй посмотрел на спасательный плот.

– Можно вас попросить?

– Меня? – спросила я. – У меня кружится голова, даже когда я надуваю воздушный шарик.

Он протянул мне плот.

– Вам придется это сделать. – Его тон был серьезным. – У меня астма.

– О, – сказала я, – у вас есть...

– Ингалятор? Да. – Он достал его из кармана и снова убрал. – Я не знаю, сколько мы еще тут пробудем. – Он вздохнул. – Поэтому намерен тратить его как можно экономнее.

Я кивнула:

– Хорошо, сейчас начну. – Я поднесла губы к соску плота и стала вдвигать воздух в хлипкое плавсредство. Мне было страшно покидать катер, но Грэй был прав. Вода набиралась быстро. Вот она почти добралась до

сидений. Если мы промедлим, то утонем вместе с катером. Я дула все усерднее и останавливалась, чтобы перевести дыхание, только когда у меня кружилась голова.

– Простите, – сказал Грэй. – Жаль, что я не могу вам помочь.

– Все нормально, – ответила я. – Ведь вы не можете.

У меня горели щеки. Я не сомневалась, что у меня лопнули кровеносные сосуды, и я представила себе, как красные паучки прожилок покроют мою кожу. Этот плот был не из тех, какие надувают ртом. На борту должен был быть специальный насос, но Грэй не смог его найти. Впрочем, это не имело значения. Выхода не было, и я должна была надуть эту штуковину. На это у меня ушло два часа. Вода была нам уже по колено.

* * *

Катер тонул.

Грэй бросил на плот одежду, ведро и две бутылки воды. Я забрала содержимое сумочки Луизы, бумажник капитана, на всякий случай, и свою сумочку. Я забралась на плот, Грэй последовал за мной и сел рядом. Плот оказался меньше, чем я думала. Я чувствовала под ногами холодную воду, но знала, что винил скоро нагреется. Солнце пекло немилосердно, и мы не успеем оглянуться, как будем обливаться потом.

Грэй оттолкнулся веслом.

– Стойте! – воскликнула я. – Моя камера. Я забыла фотоаппарат мужа!

Грэй пожал плечами:

– Вы уверены, что вам сейчас понадобится камера?

В чем-то он был прав. Фотоаппарат лишь добавит нагрузку на уже и так перегруженный плот, и все же я поняла, что эта камера была для меня спасательным тросом. С ней мне казалось, что Эрик был недалеко, искал меня. А без нее? Ну, это будет конец всяким надеждам.

– Пожалуйста, я не могу ее оставить, – попросила я.

Грэй пожал плечами, снова взялся за весло и подгреб к катеру. Он уже накренился, готовый скрыться под водой.

– Она там, – сказала я, показав на нос лодки.

Грэй протянул руку, схватил камеру и передал мне.

– Спасибо, – поблагодарила я, когда он снова уселся рядом со мной. – Большое спасибо.

Он просто смотрел перед собой и молчал.

Мы дрейфовали несколько часов. Катер скрылся из виду.

– Вы не хотите сделать снимок? – спросил он.

– Какой?

– Сфотографировать нас. Как мы тут сидим.

– Зачем? – спросила я. Мне не хотелось вспоминать про это потом. Я хотела, чтобы появился Эрик. Я хотела оказаться дома и больше никогда не думать об этом ужасном происшествии. Я даже не была уверена, что захочу потом снова увидеться с Грэем.

– Потому что это будет, возможно, последняя фотография, которую мы сделаем, – сказал он.

И тут до меня дошло. Вот оно что. Это жизнь или смерть. Я посмотрела на Грэя, действительно посмотрела на него. Он слегка улыбнулся мне в ответ, и эта улыбка говорила все – и ничего. На мгновение, лишь на мгновение в его глазах я заметила доброту, которую не видела прежде. Я достала камеру и посмотрела в видоискатель. За его спиной садилось солнце, он сидел в его неярком свете, словно в ореоле.

Я сделала снимок и опустила фотоаппарат.

– Готово.

Грэй взял фотоаппарат в руки, а я пригладила ладонью свои светлые волосы, жесткие от морской соли. Моя косметика давно стерлась, вернее, ее смыли мои слезы и соленая вода.

– Взгляните на небо, – сказал он, показывая на оранжевые и розовые краски заката. Я повернула голову и посмотрела на горизонт, прислушиваясь, когда раздастся щелчок камеры, и с облегчением поняла, что он не стал меня фотографировать. Я не хотела знать, как выглядела сейчас. Я не хотела видеть страх в своих глазах, ужас поражения. Грэй сфотографировал два раза закат, убрал фотоаппарат в футляр, и мы молча смотрели, как солнце опускалось за горизонт. Может, мы увидим новый день, может, не увидим. Все, что я знала точно, это то, что я сидела на этом маленьком плоту и слушала, как он прыгал на волнах.

Глава 7

Шел седьмой день. Во всяком случае, я так думала. Дело в том, что мы потеряли счет дням, времени. Мы долго ничего не ели, а наши запасы воды тоже заканчивались. От того мизерного количества, которое мы смогли набрать во время недавнего дождя, почти ничего не осталось, и мы каждый час смотрели на небо с мольбой и надеждой на благосклонность Матери Природы, но она не была настроена на щедрость. Нам отчаянно была нужна вода.

Я не понимала, почему Эрик нас не нашел. Я мучительно беспокоилась за него. Я представляла себе, как он остался на Бермудах, неустанно искал меня днем в океане, а ночью проверял по айфону рапорты Береговой охраны. Вероятно, он уже позвонил моим родителям и Габби.

Папа с мамой, конечно, сходят с ума от тревоги, Габби тоже. Они уже вылетели на Бермуды, чтобы помочь Эрику. Может, они все уже здесь. Эта мысль дарила мне надежду. Тут я вспомнила про фотоаппарат Эрика. Вероятно, в карте памяти сохранились снимки нашей свадьбы. Фотографии свадьбы и нашей совместной жизни дадут мне надежду и силы, в которых я отчаянно нуждалась.

Мы с Грэем разговаривали мало. Так, иногда. Но как-то утром он посмотрел на меня так, словно его осенило.

– Почему ваш муж не поехал с вами на катере?

– У него не было билета, – ответила я.

Грэй покачал головой:

– Как странно. Почему?

– В экскурсионном бюро лайнера забыли дать ему второй билет.

– И он не заметил этого сразу?

Я прищурила глаза.

– Что вы говорите? Почему вы меня допрашиваете?

– Просто не складывается два плюс два, вот и все.

– Что не складывается? Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Грэй пожал плечами:

– Не важно. Забудьте о том, что я сказал.

Я вздохнула и отвернулась от него. *Что он говорил?* Очевидно, он перегрелся на солнце.

Я достала из сумки фотоаппарат и повернула к себе дисплей, чтобы просмотреть сделанные снимки. Сначала появились самые последние. Я ахнула, увидев на маленьком экране первый снимок. Со мной. Когда я думала, что Грэй фотографировал закат, он на самом деле направлял камеру на меня. Первым было мое лицо, снятое крупным планом. Растрепанные волосы, веснушчатый нос. Потом он крупно снял мои глаза. Зачем? Я смотрела на них и с трудом узнавала эти зеленые глаза, мои зеленые глаза. Они были озабоченные, настороженные, полные раздумий, но решительные. Если бы я уже не знала, что Грэй фотографировал меня, я бы не поверила, что это мои глаза. Я глядела на эти снимки, на женщину, которая могла упорно добиваться своего, которая ничего не боялась.

Я посмотрела на Грэя. Мне хотелось что-то сказать ему, но он дремал. Мы договорились спать по очереди, чтобы не пропустить самолет или судно. Я прислушалась к его дыханию. Его руки казались сильными, даже во сне. У Габби отвисла бы челюсть, если бы она увидела его. Он точно ее тип. Красивый. Загадочный. *Опасный*. Я сказала себе, что познакомлю их, когда нас спасут. *Если нас спасут*. Я вздохнула. Дыхание Грэя было

жестким, я надеялась, что его астма не ухудшится. Конечно, я беспокоилась больше за себя, чем за него. Если он... ну... как я смогу продержаться тут одна?

Я вернулась к фотокамере. Огонек батарейки уже мигал, но я снова просмотрела снимки. Мне хотелось увидеть как можно больше до того, как она окончательно сядет. Я перематывала их и задержалась на фотке, которую снял Эрик: я читаю книгу на балконе нашей каюты. Еще были фотографии нашего лайнера, я в купальном халате в первый день круиза. Я в белом сарафане.

Потом свадьба. При виде изображений, сделанных в основном Габби, слезы обожгли мои глаза. Вот я бросаю букет; мы с Эриком танцуем наш первый танец. Ах, Эрик... Я улыбнулась, увидев, что Габби сняла моего племянника Коннора в тот момент, когда он стянул кусочек глазури с края торта.

На остальных снимках были наш дом в Сиэтле, случайный ужин в ресторане и я на фермерском рынке за неделю до свадьбы. Я держу плетеную корзинку, а из нее торчат морковь и мангольд. У меня заурчало в желудке.

Вот и все. Я пожалела, что больше было нечего смотреть. Фотографии согревали меня, я даже не ожидала от себя такой реакции. Я порылась во внутренней памяти камеры в надежде, что Эрик хранил где-то и другие снимки. Мне нужно было увидеть дом. Нужно было вспомнить, какая чудесная жизнь течет своим чередом где-то далеко отсюда. У меня затрепетало все внутри, когда я увидела дату 12 февраля. Прямо накануне Дня святого Валентина, когда Эрик пригласил меня на ужин в ресторан «Канлис». Я тут же кликнула на это число, но ахнула при виде первого снимка, появившегося на экране.

Пара ног, не моих, на краю бассейна. Розовый лак на ногтях. *Это не мои ноги.* Выше – пышный голубой сарафан. Моя рука чуть-чуть дрожала, когда я рассматривала следующий снимок. Та же самая женщина, на этот раз в бледно-голубом платье. Спиной к фотографу, но я все же многое увидела: загорелую спину, белую бретельку лифчика, упавшую с ее правого плеча. Пышный подол, колыхавшийся при ходьбе. Кто она такая?

Я с трудом заставила себя взглянуть на следующее фото. Опять та же особа, на этот раз в белой кружевной камисоли. Я не могла определить, где она находилась. В номере отеля? На каком-то диване? Я оторвала взгляд от экрана и подумала, не начались ли у меня галлюцинации? *Такое просто невероятно. Зачем Эрику хранить эти фотографии на своей камере? Он никогда бы не стал встречаться с кем-нибудь еще.* Я внимательно

рассмотрела фото, надеясь обнаружить на нем какую-то подсказку, и заметила в углу край газеты. Я прищурилась. «Чикаго трибьюн». Тут я вспомнила. Эрик летал в командировку в Чикаго за пару дней до Дня святого Валентина. Он прилетел домой утром 14 февраля. Когда я встретила его в аэропорту, он подарил мне дюжину красных роз. Я чуть не задохнулась. *Нет, не может быть такого, мои подозрения неоправданны. Неужели я схожу с ума?*

– Смотрите! – крикнул Грэй.

Я опустила камеру и сообразила, что я слишком погрузилась в свои мысли и даже не заметила, что Грэй проснулся.

– Что такое? – спросила я.

– Самолет! – сообщил он.

Это открытие стерло всю сердечную боль, которую я чувствовала, стерла ее словно маркерная доска. Я могла думать только о том, чтобы поскорее покинуть этот плот, чтобы нас спасли. Я услышала самолет. Его рокот приближался. И тут я увидела его. Маленький самолет, вероятно летавший от одного острова к другому. Мы с Греем неистово махали руками, орали до хрипоты. Я подумала о том, чтобы воспользоваться зажигалкой Луизы, зажечь что-нибудь и помахать над головой. Но пока я искала ее, самолет уже пролетел.

– Может, они увидели нас и хотят развернуться, – предположила я. Мое сердце все еще бешено колотилось от притока адреналина.

Грэй кивнул. Мы долго не отрывали глаз от неба. У меня даже заболела шея. Но время шло, а самолет не возвращался. Я вспомнила про фотографии и снова взялась за камеру. Может, я что-нибудь пропустила. Может, это была ошибка. Я решила взглянуть еще раз и досмотреть остальные фотографии в альбоме, но экран был темный. Я выключила и включила камеру, но тут же поняла, что аккумулятор наконец окончательно сел.

– Что с вами? – спросил Грэй.

Я не знала, что и сказать. Мне казалось, что я разучилась говорить; внутри меня что-то застыло. Я вдруг заплакала. Это были бурные, сотрясавшие душу рыдания, рвавшиеся откуда-то из глубины души, из тайной каморки, которая так долго была заперта, но теперь открылась, и поток заплесневелых, презренных эмоций яростно вырвался на поверхность.

Грэй обнял меня и утешал словно ребенка.

– Ну, ну, – нежно говорил он; я даже не подозревала, что он способен на такую нежность. – Не плачь, Шарлотта. – *Шарлотта*. Он впервые

назвал меня по имени или, вернее, правильным именем. – Все будет хорошо, у тебя и у меня, вот увидишь. Скоро мы приплывем к какому-нибудь острову. Я уверен. – Я лишь кивала, рыдая на плече у этого незнакомого мужчины. Я не говорила ему, что плакала из-за разбитого сердца. Не говорила, что мне уже было все равно, доплывем ли мы когда-нибудь до суши. Я сдалась. – Не плачь, Шарлотта, – повторял он вновь и вновь. Его голос звучал возле моего уха, а меня захлестнула волна усталости. Я закрыла глаза и слышала его шепот: – Пожалуйста, Шарлотта, держись. Еще немножко. Мне надо, чтобы ты держалась.

* * *

Когда я открыла глаза, солнце уже поднималось над горизонтом. Грэй спал рядом со мной. Я была смущена, ведь я спала в его объятиях, и удивилась, что он обнимал меня все это время. Удивилась, что он не отпустил меня.

Я потеряла глаза. Прошлый вечер казался мне кошмарным сном. Я вспомнила про снимки в фотоаппарате и решила, что их, вероятно, снял кто-то другой. Эрика на них не было, так что, может, не он держал тогда камеру. Возможно, снимки имели какое-то отношение к его работе в рекламном агентстве.

Грэй зевнул рядом со мной, потом улыбнулся.

– Еще один день, – сказал он.

Я кивнула.

– Я вот что подумал, – продолжал он. – Мы можем есть морские водоросли.

– Водоросли?

– Да, – ответил он. – Например, ламинарии.

Я наморщила лоб:

– Ты можешь есть такую дрянь?

– Но ведь они продаются в «Лавках здоровья»?

– Пожалуй, да, – ответила я со скептической улыбкой.

– Тогда почему бы нам не вытаскивать их из океана и не есть свежими?

– Пожалуй, – согласилась я, пожав плечами. Честно говоря, я была такая голодная, что могла съесть что угодно. И ела. Вчера мы с Грэем поделили вишневую помаду Луизы. Даже на вкус она была не слишком плохая, и мы решили, что нефтяное желе дало нам несколько калорий.

Грэй перегнулся через край плота и подцепил веслом плеть ламинарии, длинную, зеленую и покрытую слизью.

– Ты первый, – сказала я, разглядывая круглую шишку на плети. Я сжала ее и решила, что она напоминала кухонную спринцовку для индейки.

Грэй оторвал полоску ламинарии и положил в рот. Он жевал медленно, методично.

– Знаешь, – сказал он, – в общем, не так плохо. – Он оторвал другой кусок и протянул мне. – Вот. На вкус это как... цыпленок. Попробуй.

Я немедленно попробовала. Ламинария была солоноватая и слегка отдавала рыбой. Странно, но она была на удивление сытная, если учесть, что я не ела много дней. Мы поделили остатки водорослей, потом Грэй стал вытаскивать другие. Он доставал разные морские растения, одни были длинные и гибкие, другие грубые с какими-то пузырями. Мы пробовали их, потом решили высушить их на солнце, чтобы они стали хрустящими.

Позже пошел дождь, и мы набрали в ведро несколько дюймов воды, потом черпали ладонями воду, собравшуюся на плоту, и добавляли ее к нашему запасу. Я попила, потом Грэй сделал то же самое. Не знаю, сколько прошло времени, когда у меня начались боли в животе. Через несколько часов, может, больше. Судороги были частые и свирепые, словно кто-то резал ножом мои внутренности. Грэй тоже схватился за живот.

– Это водоросли, – сказал он. – Может, мы съели что-то несъедобное.

Я сердито посмотрела на него, потому что это была его идея, потом застонала, когда начались новые судороги. Я тосковала по туалету, имодиуму, уединению.

– Мне срочно надо в ванную, – сказала я. Я велела Грэйю отвернуться и решила, что самый простой и безопасный способ – это... сделать свое дело прямо в ладони. Я присела на корточки, подставила руки, рассчитывая поймать то, что выйдет из меня, тут же бросить в волны и помыть руки. Но из меня вырвался только громкий треск. Я почувствовала себя просто ужасно, потому что Грэй это слышал. Я была страшно унижена.

– Мне тоже надо, – сказал он.

– Что нам делать? – спросила я.

– Прыгнуть в воду, – сказал он. – По очереди, чтобы не опрокинуть плот.

– Нет, – отказалась я. – Я не хочу прыгать. Боюсь акул.

Он кинул мне скомканную розовую майку Луизы.

– Тогда воспользуйся вот этим.

Я кивнула, а он спустился в воду. Он пробыл возле плота несколько минут, а я подложила майку под себя и сделала свои дела. Судороги почти прошли. Пока Грэй залезал на плот, я выбросила майку в океан. Плот зачерпнул немного воды, но мы быстро вычерпали ее.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Намного лучше, – ответил он.

– Я тоже, – сообщила я. Но при этом я чувствовала себя опустошенной, растерянной, невероятно отчаявшейся. Нам оставалось недолго. Мы оба это понимали.

Глава 8

Вокруг было темно. Я не понимала, то ли это середина ночи, то ли скоро забрезжит рассвет. Я была слабая, сонная, и, вероятно, у меня мутилось сознание. Я посмотрела на Грэя, но в тот же миг увидела лицо Эрика и не сразу поняла, что это галлюцинация. Эрик спал рядом со мной. *Почему я проснулась? Я что-нибудь услышала?* И тут же мои глаза различили вдалеке искру света. Она плясала под поверхностью океана, словно дразня меня, и сначала показалась лучом фонарика, направленным на воду. Может, близко от нас плывет лодка? Я подергала Грэя за руку, но он даже не пошевелился.

– Проснись, – сказала я. Теперь даже разговор забирал у меня энергию, которой уже не осталось. – Я что-то увидела.

– Что такое? – пробормотал он.

– Видишь те огни?

Грэй потер глаза и кивнул.

– Да, что это? – спросил он.

– Не знаю, – ответила я.

Он схватил весло и начал грести в сторону огней, но они ускользали от нас. Они двигались, словно хотели, чтобы мы следовали за ними.

Грэй взгляделся в огни, потом повернулся ко мне:

– Вероятно, это фосфоресценция.

– Фосфор... что?

– Химическая реакция, которая происходит в воде, – объяснил он. – Ее вызывают бактерии или крошечные морские организмы. Вроде океанских светлячков.

– Да? – разочарованно отозвалась я.

Грэй кивнул.

– Я видел такое свечение ночью возле дома моего деда на острове Каталина, – сказал он. – Думаю, это означает, что мы находимся недалеко от суши.

– Правда? – воскликнула я, вглядываясь в ночной мрак. Луна скрылась за облаками, и я не понимала, правда ли мы находились близко от берега или дрейфовали дальше в открытый океан. *Пожалуйста, пусть земля будет близко. Пожалуйста.*

– Возможно, – ответил Грэй. Он греб и греб, следуя за огнями. Через час или, может, больше, он устал. Я поняла это по его дыханию, хриплому и затрудненному.

– Давай я буду грести, – сказала я. Он неохотно протянул мне весло, и я стала грести быстрее – по одному гребку по обе стороны плота. Вскоре у меня заболели плечи, руки сводили судороги. Меня мучила жажда, но у нас опять кончилась вода. Голод был моим привычным состоянием, он сидел внутри меня и глодал своими челюстями мое нутро. У меня сильно болела голова. Я мечтала о таблетке адвила. Я мечтала о многих вещах. Я опустила весло в воду справа от плота и вдруг за что-то задела.

– Грэй! – закричала я.

– Что? – спросил он, садясь.

– Я ударилась обо что-то веслом.

Грэй нашел зажигалку и посветил ею за край плота, туда, где мое весло наткнулось на что-то. Огонек мигнул и погас, но Грэю этого хватило, чтобы все понять.

– Обломок дерева, – разочарованно сказал он.

– Ох, – вздохнула я. Не знаю, что я ожидала увидеть. Риф, скалу, может, землю?

Я перестала грести. Странные, фосфоресцирующие огни мерцали вокруг плота, словно ждали, когда я продолжу путь. Но я слишком устала и приуныла. У меня болело все тело. Я потеряла надежду. Грэй тоже. И только я хотела рухнуть без сил рядом с ним, как в просвете между облаками показалась луна. Она выглянула ненадолго из-за темных туч, словно бакен, словно давно забытый друг, но, скорее всего, как гигантский прожектор, осветивший темную ночь. Я поглядела влево, вправо и ахнула, когда увидела, что находилось перед нами.

– Грэй! – закричала я. – Грэй! Проснись! Смотри!

Он снова сел, сонный, и вот – перед нами был остров, прекрасный остров. Песчаный берег находился всего в нескольких сотнях ярдов от нас. Я слышала плеск волн. Грэй схватил весло и стал быстро грести до мелководья. Там он спрыгнул в воду и подтянул плот, на котором оставалась я, ближе к берегу. Я соскочила с плота, а Грэй вытащил его из океана. После этого мы без сил упали на теплый, нежный песок. Я обессилела и дрожала от холода. Грэй обнял меня своей теплой рукой. У меня не осталось ни унции энергии, я боялась засыпать, потому что могла уже не проснуться. Но я все равно закрыла глаза. У меня не было выбора.

* * *

Мне снилось, что я плавала в лагуне. Потом мы с Грэем брели в ласковых волнах и увидели вдали лодку. На ней был Эрик. Не один, а с незнакомой женщиной. Я видела только ее спину, ее красное бикини со стрингами. Мы махали им, но они нас не видели.

– Помоги! – кричала я, когда волны плескались вокруг моего лица. – Помоги мне, Эрик!

Я открыла глаза. Был день. Светило солнце. Мы лежали на песчаном берегу. Наступило время прилива. К нам подбирались волны. Грэй не шевелился. Волны подбегали к нам и отступали. Скоро они захлестнут нас.

– Грэй! – закричала я. – Проснись. Нам надо отойти подальше от воды.

Он не шевелился, и меня охватила паника. Он дышит? Я поднесла ладонь к его губам. Дыхание было совсем слабым.

– Грэй, – снова сказала я. – Пожалуйста, проснись. – Он не отзывался. Я схватила его под мышки и потащила к невысокому дереву с восковыми листьями размером с обеденную тарелку. Он был тяжелый, почти вдвое крупнее меня, и у меня подкосились от усталости ноги, когда он оказался вне досягаемости волн. Мне на лицо сел комар, я прихлопнула его. Я снова хотела закрыть глаза, но тут меня пронзила паническая мысль – плот! Я вскочила и побежала к берегу. Он уже плыл на волнах примерно в

пятнадцати футах от берега. У меня мелькнула мысль – пускай уплывает, но там были все наши вещи – лекарство, одежда. Моя камера. Я не могла позволить, чтобы море похитило наше единственное имущество. Я зашла в воду и сразу оказалась на глубине. Я быстро подплыла к плоту и попыталась ухватиться за его край. Не сразу, после трех попыток мне это удалось, и я потащила его к берегу. Там немного перевела дыхание и отволокла плот ближе к Грэю.

Песок был странный, совсем не похожий на тот, что я видела раньше. Он словно состоял из соли и перца: мелкие, белые гранулы, какие можно видеть на любом тропическом пляже, но смешанные с крошечными черными кристалликами, которые сверкали на солнце словно черные алмазы.

Я опустилась на песок рядом с Грэем. Я понимала, что нам надо найти воду, если мы хотим выжить, но я так устала, ужасно устала. Я прилегла рядом с Грэем и снова закрыла глаза.

* * *

Мне на щеку упала дождевая капля, и я проснулась. Солнце было в зените. Была середина дня, вероятно, полдень. Грэй все еще спал возле меня. Темная туча у меня над головой надвигалась на солнце. Я подползла к плоту, схватила ведро и подставила его под дождь, мгновенно превратившийся в ливень. Море стало мрачным и почти скрылось за дождевой завесой. Через десять минут в ведре уже набралось воды на несколько дюймов глубиной, еще больше воды было на плоту. Я вернулась к Грэю, который так и спал, не просыпаясь. От ливня его защищали широкие листья. Я приподняла его голову и поднесла к губам край ведра.

– Пей, – сказал я. – Давай. Ты должен попить воды, иначе ты... – Я не могла произнести эти слова.

Его веки затрепетали и чуточку приоткрылись. Я наклонила ведро, и немного воды попало в его рот. Он машинально проглотил ее, и я повторила все снова. Немного воды пролилось на его грудь, но он хотя бы чуточку попил. Я опустила его голову на песок, попила сама и опять рухнула на песок. Так я лежала в странном состоянии между сном и бодрствованием, и мне почудилось, что у меня над головой летала бабочка. Она была глубокого синего цвета, поразительно красивая и напоминала мне о другом времени, счастливом, но моя память была подорвана, и я не знала точно, снилось ли это мне или я видела это в реальной жизни. Бабочка села на ветку соседнего дерева, но тут же улетела.

* * *

Я почувствовала на своей руке теплую ладонь. Открыла глаза и повернула голову к Грэю. Он все еще лежал рядом и улыбался мне сонной, усталой улыбкой.

– Привет, – прошептал он.

Я тут же широко открыла глаза.

– Ты проснулся!

– У нас есть вода? – спросил он. Его голос звучал хрипло и слабо.

– Да, – ответила я и с трудом встала, помогая себе руками. Я отнесла ведро к плоту и на четверть наполнила его водой. Когда несла его Грэю, немного воды выплеснулось на песок, и я чуть не заплакала от огорчения.

– Пей первая, – сказал он, и я послушалась и сделала глоток дождевой воды, которая теперь нагрелась под горячим солнцем и пахла пластиком. Но другой у нас не было. Я протянула ведро Грэю, и он допил остаток, запрокинув голову.

– Нам надо поискать какую-нибудь еду, – сказал он.

Я кивнула и поинтересовалась, есть ли у него какие-то идеи.

Он порылся в песке ногой и медленно сел.

– Муравьи, – сказал он. – Они съедобные.

Я тряхнула головой:

– Я не буду есть букашек, как бы ни была голодна.

Грэй раздавил муравья между пальцами и положил в рот.

– Попробуй, – сказал он, протягивая мне второго. – Их вкус напоминает семена кунжута.

Я неохотно положила его на язык и поскорее проглотила.

– Ничего хорошего. Но я буду убеждать себя, что они покрыты шоколадом.

Целый час мы ловили и давили муравьев. Я решила, что они будут вкуснее с солью, поэтому подошла к воде, нашла большую ракушку и зачерпнула морской воды.

– Вот, – проговорила я, садясь рядом с Грэем. – Можно макать их в соленую воду. Это улучшит их вкус.

Целый час мы ели муравьев. Пожалуй, каждый из нас съел по половине чашки. Я старалась не думать о том, как они ползают в моем желудке. Я просто надеялась, что не проглотила какого-нибудь муравья живьем.

– Давай осмотрим остров? – предложила я, шлепнув еще одного москита, который сел мне на руку. – Может, тут кто-нибудь живет?

Грэй чувствовал себя уже лучше. Он кивнул и поднялся на ноги. Мы

решили пройти вдоль берега и осмотреть окрестности.

– У тебя есть какие-нибудь предположения о том, куда мы попали? – спросила я Грэя.

– Мы не могли уплыть далеко от Бермудов, – сказал он. – Здесь сотни крошечных островков. Многие из них, скорее всего, даже не нанесены на карту.

– Какой странный остров, – сказала я. – Ты где-нибудь видел такой песок?

Он покачал головой.

– Как ты думаешь, почему он такой?

– По-моему, это похоже на магнетит...

– Магнетит?

– Черный минерал с магнитными свойствами.

Я сморщила нос, смущенная его мудреным ответом.

– Откуда ты это знаешь?

Он улыбнулся:

– Из «Геологии 101», откуда еще?

Я не сказала ему, что не только *ничего* не помнила из «Геологии 101», но однажды даже заснула на лабораторной работе. Вот как на меня действовали камни.

Берег закруглялся, и мы прошли за мыс. Местность там изменилась. Роскошные пальмы сменились острыми скалами. Мы медленно перебрались через них и очутились в другой части побережья. Прямо перед нами стояло дерево с зелеными плодами. Я побежала к нему.

– Посмотри, – я протянула руку к низкой ветке, сняла плод и очистила его от мягкой зеленой кожуры. На моей ладони оказалась нежная оранжевая мякоть. – По-моему, это манго. – Я протянула плод Грэю: – Хочешь попробовать?

Он очистил плод и откусил сочную мякоть.

– Точно манго, – сказал он, садясь на песок, чтобы насладиться каждым кусочком сочного фрукта. Я сорвала еще один плод и присоединилась к нему. Мы съели по четыре манго, и мне казалось, что я могла бы съесть еще четырнадцать, но Грэй позвал меня идти дальше.

Мы прошли по берегу и увидели впереди огромное дерево. Ствол его был толщиной три фута, а толстые, крепкие ветви веером простирались над водой.

– Оно напоминает мне дерево из «Швейцарской семьи Робинзонов»^[5], – сказала я. – В детстве мне нравилась эта книжка.

– Мне тоже, – сказал Грэй. – Я всегда хотел быть Фрицем.

Я заметила, что на этой стороне острова было меньше moskitov.

– Мне кажется, нам надо перегнать плот сюда, – сказала я. – К тому же здесь мы будем ближе к манго.

Грэй согласился. И мы вернулись за плотом и осторожно обогнули по воде острые камни, чтобы не пропороть его.

– Нам надо до темноты найти какое-нибудь укрытие, – сказал Грэй.

– Может, мы устроимся здесь, под деревом? – предложила я. – Ветви защитят нас от дождя, пока мы не придумаем что-нибудь.

Грэй согласился и перенес туда поочередно все наши вещи с плота.

– Плот мы оставим здесь, чтобы он собирал воду.

Внезапно у меня учащенно забилось сердце. Я села, прижав руку к груди.

– Что с тобой? – спросил Грэй, подбежав ко мне.

– У меня очень быстро бьется сердце, – ответила я. – Не знаю почему.

Он положил ладонь мне на грудь, прямо поверх бикини.

– Это тахикардия, – сказал он.

– Что?

– Сердечная аритмия, – пояснил он. – Скорее всего, из-за голода.

– Откуда ты знаешь? – спросила я.

– Я доктор, – будничным тоном ответил он.

– Ты доктор? – Я тряхнула головой. – Значит, я все это время плыла с тобой на плоту и не знала, что ты мог... спасти мне жизнь?

– Не было повода, чтобы это сообщать, – сказал он.

Я поняла, что это третий факт, который я узнала про Грэя. У него умерла жена. В детстве он жил на острове Каталина. И он врач.

– Какая у тебя специализация?

– Я кардиохирург.

– Ничего себе!

Он пожал плечами:

– Нам все-таки надо построить какое-то укрытие. Давай посмотрим, что мы сможем здесь найти.

Побродив около часа по берегу, мы притащили к дереву сухие пальмовые листья и обломки древесины. Грэй приставил их к стволу дерева и накрыл пальмовыми листьями.

– Вот классический шалаш, – заявил он и выпрямился, любуясь своей работой.

Места в шалаше хватило на двоих. Я притащила наше скудное имущество, которое было с нами на плоту, и сложила его в убогом жилище.

– Пойдем ловить муравьев? – спросил Грэй.

Я покачала головой:

– Манго лучше.

– Это правда, – согласился он. Мы вернулись к манго и набрали плодов, сколько смогли унести.

– Вот почему ты знаешь про викодин, – сказала я.

Грэй удивленно посмотрел на меня.

– Викодин мы нашли в вещах Луизы, – пояснила я, стараясь не думать о ее разлагающемся трупe в океане.

– Ах, это, да...

Я сидела рядом с ним на песке. Думала о его жене, его прошлом. Мне много чего хотелось узнать, но у меня не было сил на разговоры. Мы легли спать и закрыли глаза. Сон пришел быстро и легко.

* * *

На следующее утро Грэй нашел острый камень и сделал зарубку на стволе дерева.

– Мы будем отмечать, сколько дней мы здесь находимся, – сказал он.

Я кивнула и спустилась на берег. Был отлив. Я взяла палку.

– Что ты делаешь? – спросил Грэй.

– Хочу написать SOS на песке, – ответила я.

Он усмехнулся и лег, опершись на локоть.

– Серьезно, – продолжала я. – Может, нас увидят с какого-нибудь самолета.

– Может быть, – отозвался он. В его голосе мне почудилась насмешка, и я нахмурилась.

Я отошла на несколько шагов, посмотрела на крупные буквы S-O-S и с печальной иронией подумала: *вот так я провожу медовый месяц.*

После этого мы съели несколько плодов манго, а Грэй нашел каких-то личинок. Белых с черной головой. Он помыл их в океане и предложил мне, но я отказалась.

– Может, разожжем костер? – предложила я. – Вдруг мимо пролетит самолет.

– Нам лучше приберечь зажигалку до той поры, когда нам нужно будет что-нибудь готовить на огне, – сказал он.

Довод убедительный, но для меня было главным выбраться с этого острова, а не готовить обед.

– Кажется, тебе все равно, спасут нас или нет, – негромко пробурчала я.

– Слушай, – возразил он, – я просто пытаюсь сделать так, чтобы мы

выжили.

Я кивнула и ткнула палкой в песок. Мне ужасно захотелось побыть одной.

– Пожалуй, я пройдусь, – сказала я.

Грэй промолчал.

Я прошла дальше по берегу, поглядывая на океан, чтобы не оказаться в ловушке во время прилива. Потом нашла на песке обломок дерева и присела, зарыв ноги в теплый песок. Мои сандалии остались в нашем импровизированном лагере. Прошло почти две недели с тех пор, как я в последний раз видела Эрика. Я потрогала свое обручальное кольцо – оно свободно крутилось на пальце. Я знала, что похудела, и, вероятно, меня это не красило. Интересно, чем занимался в этот момент Эрик? Он все еще был на Бермудах? Или уже отказался от поисков? Возможно, Береговая охрана обнаружила тела капитана и Луизы. Возможно, кто-то заметил утонувший катер. Скорее всего, нас объявили утонувшими.

Я подумала о снимках той женщины в памяти фотоаппарата. Мои щеки вспыхнули от гнева. Почему Эрик не сказал мне, что у него была другая женщина? Он обманул меня, предал. Я оказалась в дурацкой ситуации. Интересно, общался ли он с ней до сих пор? Может, те бесконечные послания от его «босса» на самом деле принадлежали ей? Как ее зовут – Лорен, Лайза или Келли? Возможно, она модель или официантка в баре, из женщин того типа, с которыми всегда встречался его близкий друг. Большая грудь, тонкая талия, визгливый смех. Вероятно, в школе она выступала с такими же девицами, как она, перед спортивными состязаниями. Я тяжело вздохнула. Но он женился на *мне*. Вероятно, то, что было между ними, уже в прошлом. Зачем ему нужно было брать меня в жены, если он любил другую?

Я смотрела на океан. Сейчас мне было уже все равно. Мое сердце забилось чаще, когда я подумала о Грэе. Он доктор. Пожалуй, если ты собираешься оказаться с кем-нибудь на необитаемом острове, лучше всего, если это будет доктор.

Впереди высились зубчатые скалы, и я обратила внимание, что они усеяны обломками морских ракушек. Я подошла ближе и поняла почему. У меня над головой пролетела какая-то птица и бросила ракушку на камни. От удара она раскрылась, и птица стала клевать мякоть. Я вспомнила, когда я в последний раз ела моллюсков – с Эриком в Сиэтле, в нашем любимом ресторане. Шеф приготовил их на пару в прекрасном бульоне из белого вина, лимона, сливочного масла и чеснока, а сверху посыпал итальянской петрушкой и луком-шалотом. При мысли об этом у меня потекли слюнки, и

я решила, что, если я быстро подбегу, мне удастся схватить ракушку, которую сбросит птица.

Я притаилась за камнем и ждала, когда птица вернется с новой ракушкой в клюве. И только она бросила ее вниз, как я тут же побежала к ракушке. Увидев меня, птица с криком улетела, а я подобрала разбившуюся о камни добычу.

Я нерешительно взяла ее в руки. Она показалась мне, мягко говоря, менее привлекательной, чем моллюски в ресторане. Раковина персикового цвета раскололась на четыре острых обломка. Я отбросила их, оставив нежную сердцевину кремового цвета. Выглядела она не слишком аппетитно, но я была голодна и решила, что мне нечего терять. Пальцами я вытащила мясо моллюска из раковины. Оно было слизистое, словно сырое яйцо, но немного крепче. Я положила его в рот и быстро проглотила. Во рту осталось странное, солоноватое послевкусие, довольно приятное. Мне надо было найти другие раковины и принести Грэю. Впереди на берегу я увидела стаю птиц. Я подошла ближе, и они тут же взмахнули крыльями и заорали. Вероятно, они давно, а может, и никогда не видели здесь людей.

Я заметила, что птицы что-то клевали на берегу. Встала на колени и порылась руками в песке. Вскоре я нашла одного моллюска, потом второго. На раковине одного были глубокие рубцы. Другой был гладким, с белой сердцевиной и коричневыми краями. Я набила ими карманы. Мы всегда сможем вернуться сюда за другими.

Я думала пойти дальше, но начиналось время прилива, поэтому я повернула назад. За пальмами, росшими на берегу, я заметила гибискус и остановилась, чтобы сорвать его красные цветки. Я не помнила, за какое ухо кладут цветок замужние женщины, а за какое одинокие. Потом вспомнила про фотографии Эрика и швырнула цветок на землю.

Какое-то время я шла молча, потом услышала, как вдалеке за моей спиной треснул сучок, и остановилась. Кто там? Животное? Человек? Сбьющимся от испуга сердцем я поспешила вернуться на берег. Полезла через скалы, оступилась, упала на острый камень и поранила колено. Порез был глубокий, идти было больно, но я не останавливалась, пока не увидела впереди Грэя. Он собрал кучу камней и, кажется, строил яму для костра.

Он оторвался от работы и взглянул на меня.

– Что случилось?

Я запыхалась от бега и не могла говорить, лишь обессиленно села рядом с ним.

– Ты поранилась, – сказал он, взглянув на мое колено. – Надо очистить рану, иначе занесешь инфекцию. – Он выпрямился и взял меня за руку. –

Пойдем.

Мы вошли в океан, и он промыл мою рану соленой водой.

– Соль немного пощиплет, но она неплохой антисептик, – сказал он.

Из пореза лилась кровь, и я ругала себя за то, что я такая неуклюжая и беспечная.

– Я слышала какой-то треск в кустах, – сказала я.

– Что это было?

– Не знаю, может, животное. Но я ужасно испугалась. Вот почему я прибежала сюда с такой скоростью.

Грэй сбегал в хижину и вернулся с куском ткани, в которой я узнала полоску от капитанской рубашки. Потом обмотал этой тканью мою рану, заткнув конец за повязку. Я чувствовала его сильные руки, когда он держал мою ногу. Я остро чувствовала его прикосновения или, вернее, сучала по прикосновениям Эрика.

– Как ты думаешь, мы здесь одни или, может быть, есть кто-то еще? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Не знаю, – ответил он, крепко надавив ладонью на мою рану. – Надо на какое-то время положить на порез что-то давящее, чтобы остановить кровотечение. И будем менять повязки через несколько часов, пока рана не начнет заживать.

Я кивнула.

– Я принесла тебе моллюсков, – сказала я.

– Моллюсков?

– Да. – Я показала на горку моллюсков, которые успела выложить на песок. Грэй не заметил их, потому что слишком сосредоточился на моей ране. – Я выкопала их из песка у воды. Я видела, как морские птицы кидали их на камни, и подумала, что мы можем делать то же самое.

Грэй улыбнулся:

– Спасибо. Я строю очаг. Мы можем поджарить их на обед.

* * *

Как выяснилось, даже с помощью зажигалки было трудно развести огонь без газет или другой растопки. Вся древесина на берегу, какую мы могли найти, была сырая, и пламя каждый раз быстро гасло от ветра. Я совершила экспедицию в кустарник и подобрала несколько сухих веток.

– Может, они помогут, – сказала я.

Грэй положил их в костер и поджег конец ветки. Она загорелась, огонь перекинулся на соседнюю ветку, а от них загорелись и большие деревяшки.

Я сбегала за моллюсками и положила их на камни у огня.

Мы наблюдали, как они жарились, как стали раскрываться их створки. Грэй взял одну раковину, но тут же отдернул руку.

– Ух, горячо.

Он сделал еще одну попытку и на этот раз перекидывал раковину в руках словно горячую картошку, но все-таки положил ее на камень, чтобы она немного остыла. Потом достал мякоть, которая затвердела и съежилась от жара, и положил в рот.

– Уж точно вкуснее муравьев, – сказал он, беря другую.

– Несомненно, – подтвердила я, пережевывая первого моллюска. Так он понравился мне больше, чем в сыром виде.

Я невольно думала все время об одном – скорее бы нас спасли. Теперь у нас горел костер, и я смотрела на небо и молилась, чтобы пролетел самолет.

– Как твое колено? – спросил Грэй.

– По-моему, ничего страшного, – ответила я.

Он достал из кармана другую полоску ткани и подошел ко мне.

– Надо поменять бинт, – сказал он. Я старалась не морщиться, когда он отдирает от моей раны присохшую ткань. Окровавленную ленту он положил на песок, а свежей умело обмотал мое колено.

– Вот, – сказал он. – Теперь следи за признаками заражения – это могут быть опухоль, усилившаяся краснота или боль.

Я кивнула.

– Я пойду спать, – сказал он. Подойдя к плоту, он взял ведро, зачерпнул из плота воды, выпил ее и скрылся в шалаше.

Я устала, но долго сидела, глядя на пламя, пока у меня не стали закрываться глаза. Тогда я тоже побрела в шалаш. Мне казалось странным делить ложе, если его можно назвать таковым, с чужим мужчиной, даже в такой ситуации.

– Извини, – прошептала я, втискиваясь рядом с ним. Он ничего не ответил, но я знала, что он не спал. Его дыхание было размеренным, не таким, как прошлой ночью.

Я тихо лежала и гадала, о чем он думал. О ком он думал. Об умершей жене? О ком-то еще? О работе? Я сообразила, что никогда ничего у него не спрашивала. Мы были так поглощены борьбой за выживание... Я прислушалась к его дыханию. Теперь оно изменилось, стало громче и ритмичнее, как у Эрика, когда он засыпал.

Я закрыла глаза, и передо мной возникло лицо моего мужа. Меня захлестнула печаль, тоска по той жизни, которая осталась далеко за

океаном. Она никогда не тяготила меня, я не собиралась расставаться ни с ней, ни с Эриком. А что теперь? Теперь я невольно думала, тот ли он человек, за которого я его принимала. На мои глаза навернулись слезы. Еще четыре дня назад я не могла бы заплакать. Вернее, я бы заплакала, но без слез, из-за обезвоживания организма. Теперь у нас было много воды, которая осталась после дождя на плоту, и слезы ручьем текли из моих глаз. Я не могла их остановить, как не могла сдержать и свои безудержные рыдания.

Я уткнулась в ворох листьев, которые Грэй положил вместо подушки; я не хотела будить его, но потом почувствовала на спине его руку. Он обнял меня и прижал к себе.

– Все будет хорошо, – прошептал он.

Я успокоилась и вздохнула. Волны бились о берег. Я боялась будущего, я все еще была голодна, у меня болело колено. Я не знала, попадем ли мы когда-нибудь домой. Я не знала, удастся ли нам выжить. Но теперь я чувствовала себя чуточку спокойнее, и этого мне было достаточно, чтобы пережить эту ночь.

Глава 9

Когда я открыла глаза, Грэй не было рядом. Я вспомнила, как он утешал меня ночью, и улыбнулась, хотя и испытывала легкое смущение.

Я выбралась из шалаша и потянулась. Грэй, нагнувшись, колдовал над костром.

– Нужна еще растопка, – сказал он. Грэй показался мне встревоженным и слегка взволнованным. То тепло, которое я чувствовала прошлой ночью, теперь не ощущалось. – Костер скоро погаснет.

Я кивнула и отправилась за ним в заросли кустарника. Мы стали подбирать сухие ветки.

– Спасибо, что ты успокоил меня ночью, – сказала я, когда он наклонился за веткой. – Мне это было очень нужно.

Он ничего не ответил, и я почувствовала себя глупо. Не надо было даже вспоминать об этом.

– Пожалуй, хватит, – сказал он.

– Хорошо, – отозвалась я, поддерживая его деловой тон. Мы отправились назад.

– Тебе нужна помощь? – спросила я.

– Нет, – ответил он, не глядя на меня.

– Ладно, – сказала я. *Может, он не утренний человек.* – Кажется, я придумала, как можно вымыться. На острове должна где-то быть пресная вода, правда?

Грэй пожал плечами.

– Давай я разожгу костер, – сказал он. – Тогда мы сможем позавтракать, а потом я пойду с тобой.

– Договорились.

Я увидела, что он уже набрал манго и моллюсков; они лежали на песке. Скоро нам надоест такой рацион, я в этом не сомневалась, но сейчас мой желудок обрадовался и заурчал при виде еды.

Я смотрела, как Грэй разжигал костер. Он методично подложил ветки под дровяшку, найденную на берегу, и поднес зажигалку. На этот раз огонь вспыхнул с первой попытки, и Грэй раздул его. Он очистил манго от кожицы, нанизал их на длинные палки и держал над огнем. В воздухе повис сладковатый запах. Моллюски уже жарились на камнях, одна раковина раскрылась. Мне тоже нужно было что-то делать, и я набрала воды из плота и принесла ведро к костру.

Когда завтрак был готов, мы молча его съели. Грэй был неразговорчив, и я не приставала к нему. Но сама думала о том, что в его душе жили какие-то демоны. Почему он был ночью такой ласковый и добрый, а утром стал отчужденным и холодным?

Он откинулся назад, опираясь на локти. Его голая грудь стала коричневой, за эти две недели он сильно загорел, не то что вначале. На ней виднелись точки от укусов москитов.

– Я нашел на плоту кусок мыла, – неожиданно сообщил он.

– Правда? – обрадовалась я. – Где?

Он встал, подошел к шалашу и вынес из него черную пластиковую сумку с красным крестом на боку. Расстегнув молнию, он вытащил тюбик зубной пасты «Crest», зубную щетку, бритву, банку консервированного мяса «Спам», две банки арахисового масла, плитки шоколадной гранолы, две банки консервированных мандаринов, пачку антибактериальных салфеток, маленький флакон шампуня и маленький кусок мыла «Айвори».

– Как же мы это проглядели? – удивилась я.

– Все это лежало в боковом кармане, – ответил он.

Грэй протянул мне мыло и шампунь. Я обрадовалась так, словно это был рождественский подарок.

– Нет шансов, что в твоём волшебном мешке окажется еще и кондиционер?

Он усмехнулся и отнес мешок в шалаш.

Мы отправились на берег.

– Сегодня ты какой-то задумчивый, – сказала я.

Грэй пожал плечами.

Какое-то время мы шли молча, потом я снова заговорила:

– Слушай, насчет прошлой ночи. Ты извини меня, я...

– Дело не в тебе, – отрезал Грэй.

Мы перелезли через камни, а когда прошли за мыс, расстояние между нами увеличилось. Он остановился, подобрал что-то в прибойной полосе, вероятно, камень, и сунул его в карман.

Пока еще мы не обнаружили никаких признаков того, что на острове были люди. Я испытывала одновременно облегчение и разочарование. Солнце пекло, поэтому мы иногда останавливались и пили воду из ведра, которое захватили с собой.

Грэй показал на просвет в густом кустарнике.

– Давай пойдём туда, – предложил он. – Поглядим, что там, в середине острова. Может, там есть источник.

– Давай, – согласилась я, неохотно покидая берег. Впрочем, с Грэем я чувствовала себя в относительной безопасности. Мы уходили все глубже в чащу, где-то рядом кричала птица. Солнечный свет не проникал сквозь густую крону деревьев; Грэй прокладывал тропу, обрывая лианы и ломая ветки.

Минут через двадцать такой ходьбы Грэй замедлил шаг и повернулся ко мне.

– Как ты думаешь, – сказал он, – стоит нам идти дальше?

Я уже хотела тряхнуть головой и сказать «нет». Мне хотелось вернуться на берег. Я устала от москитов и ходьбы. У меня болело колено, но я не хотела говорить об этом Грэю. Не хотела его беспокоить. Но тут мой слух уловил новый звук. Грэй тоже его услышал. Где-то журчала вода. Может, это был ручей или речка...

– Слышишь? – спросил Грэй. Я кивнула.

– Кажется, где-то близко.

Он пошел на этот звук, я за ним. Так мы шли несколько минут. Звук приближался, но его источник ускользал от нас.

– По-моему, это там, – сказала я.

Грэй покачал головой:

– Но мы как раз оттуда и пришли.

Я была в замешательстве; думаю, и он тоже, но в этот момент я посмотрела себе под ноги, и хорошо, что это сделала, потому что в нескольких дюймах от моих ног начинался крутой овраг. На его дне виднелся маленький пруд с голубой водой. Но не такой голубой, как в океане. Здесь вода искрилась, и у нее был легкий изумрудный оттенок. Я тут же схватила Грэя за руку.

– Посмотри! – воскликнула я. – Ты видишь!

Он уже думал о том, как добраться до этого озера, если его можно было так назвать.

– Здесь мы не спустимся, – сказал он. – Тут смертельно опасно. Очень крутой склон, ты нигде не спустишься в своей обуви. – Я посмотрела на свои сандалии. Я купила их в «Зара» перед медовым месяцем. Признаюсь, когда я их надевала в то утро на круизном лайнере, я вовсе не собиралась ходить в них по необитаемому острову.

– Можно попробовать обойти овраг, – предложила я. – Может, с другой стороны острова будет легче добраться до ручья.

– Пожалуй, это единственный выход, – согласился Грэй.

Я опять шла за ним следом через заросли кустарника. Мы спустились с холма и вышли на маленькую поляну. Я услышала плеск волн и поняла, что берег близко.

Снова оказавшись на песчаном берегу, я поняла, что на этой стороне острова ветер дул гораздо сильнее. Волосы хлестали по моему лицу, и я безуспешно старалась убрать их назад. Но когда мы немного прошли дальше, ветер утих. Я опять услышала журчание воды и поняла, что мы подходим к нашей цели. Я показала Грэю на видневшуюся впереди поляну и нырнула под цветущую лиану, свисавшую с пальмы. Розовый цветок коснулся моего лица, когда я проходила мимо.

Мы оба ахнули, когда увидели перед собой маленькую лагуну. Она была размером с бассейн, какие обычно сооружают во дворе дома.

– Как красиво! – воскликнула я и выбежала на берег. Зачерпнула пригоршню воды и попробовала ее на язык. – Свежая.

Грэй показал на ручеек, струившийся вниз по камням вдоль оврага.

– Вероятно, вода собирается тут во время дождей и течет дальше. – Он присел на корточки рядом со мной. – Она точно не стоячая, так что ее можно пить.

После нашей прогулки по острову я вспотела, меня мучила жажда. Я зачерпнула ведром воду из лагуны.

– О, – сказала я, сделав глоток. – Гораздо вкуснее, чем вода из плота.

Грэй тоже напился воды и показал мне на камни, видневшиеся впереди. Вода перетекала через них. Это напомнило мне курортные бассейны, где можно поплавать, потом зайти в бар и снова плавать, попивая «пина коладу».

– Грот, – сказал он. – Такой же есть в Вегасе, в одном отеле.

Мы посмеялись, и я стала расстегивать сандалии. Мне было чуточку неловко раздеваться при Грэе, и я решила не снимать бикини, как бы мне

ни хотелось этого. Узел на спине уже много дней натирал мне кожу.

Грэй тут же встал.

– Я вернусь на берег, а ты тут... купайся.

– Хорошо, – согласилась я.

Я с облегчением быстро стянула через голову майку, скинула шорты и протянула руки к узлу на лифчике. Я подергала за нее и пожалела, что рядом нет Эрика. Он всегда помогал справляться с этим делом. Эрик. Я подергала опять, и в конце концов узел распутался. Я буквально услышала, как моя кожа сказала *aaaaaaaaa!* Я посмотрела на свои груди. Из них словно выкачали воздух. Маленькие красные водяные пузыри выскочили в тех местах, где швы натирали мою обгоревшую кожу. Я понимала, что больше не могла носить этот купальник, но что еще мне надеть взамен? Пальмовые листья? Я посмеялась и потрогала ногой воду. Мыло и флакон шампуня я поставила на камень у воды.

Я скользнула в воду и с удивлением обнаружила, что лагуна глубокая. Я едва могла стоять у самого края, дальше мне было уже с головкой. Я взяла мыло и намылилась до пены. Мне нравилось, как она пахла. *Чистотой*. Сначала я отмыла лицо, потом руки и грудь. Я прошла вдоль края и вышла на мелкое место, где могла намылить все тело. Мыльные пузырьки ласкали меня. На мгновение я забеспокоилась, что трачу слишком много мыла. Ведь кусок только один, надо быть экономнее. Мы с Грэем можем растянуть его надолго. Но потом решила не волноваться. Я только что выдержала невыносимые испытания. Нет, я заслужила хорошее купание. И я еще раз потерла уши и руки. Мыло чуточку жгло мое колено.

Положив мыло на камень, я взялась за шампунь. Выдавила на ладонь крошечную каплю и намылила волосы, потом их промыла.

Мне не хотелось уходить из лагуны, я готова была остаться здесь на весь день, но я знала, что Грэй ждет меня. Вероятно, он тоже хотел помыться. Поэтому я вылезла и взялась за свою одежду. Я не подумала об этой части программы мытья – не было полотенца, чистой смены одежды. Я пожалела, что у нас нет стирального порошка. Я бы постирала одежду в лагуне. Я подумала про шампунь, но не хотела его тратить. Чистая одежда – роскошь, без которой мы, вероятно, будем вынуждены обходиться. Я просто прополоскала шорты и купальник в пресной воде. Моя майка тоже выглядела не лучшим образом; я и ее бросила в воду. Я хорошенько потерла ее ладонями и выжала изо всех сил.

Неподалеку в кустах треснула ветка.

– Подожди! – закричала я. – Пока я еще не одета.

– Хорошо, – сказал Грэй. – Я закрою глаза.

Верный своему слову, он появился через минуту, прикрывая глаза рукой.

– Я пойду на берег, – сказала я. – Не торопись. Моя одежда должна немного высохнуть на солнце.

Он кивнул, а я засеменила к берегу, прижимая мокрую одежду к интимным частям тела. Я забыла возле лагуны свои сандалии, но берег был в нескольких шагах, так что они были не нужны.

– Шампунь и мыло лежат на камне, – крикнула я.

На берегу я нашла плоский камень и разложила на нем одежду и купальник. Мне было необычно, странно стоять тут совершенно голый, но ведь никто на меня не смотрел. Но все же мне не хватало полотенца или чего-то подобного, чтобы прикрыться. Я остановилась и на всякий случай подняла ветку, упавшую с пальмы.

Парадоксально было то, что этот остров был одним из самых красивых мест, какое я когда-либо видела, – нет, красивее я не видела вообще ничего в своей жизни, – и все-таки мне хотелось покинуть его как можно скорее. Я повернулась к лагуне, где купался Грэй. Подошла ближе. *Что, если я?.. Нет.* Я остановилась и потрогала свою одежду. Еще влажная. Через несколько минут я обгрызла ноготь на большом пальце и снова повернулась к лагуне. На этот раз я не слушала свою совесть, на цыпочках подкралась ближе и спряталась за стволом пальмы. Отсюда я видела Грэя. Он стоял ко мне спиной. Я улыбнулась. У него были мускулистые ноги и ягодицы. Я подумала, что никогда не видела, как Эрик мылся. Он всегда просыпался раньше меня – принимал душ и одевался до того, как звенел мой будильник.

Грэй повернулся, и я отпрянула за дерево, потому что беспокоилась, что он заметит, как я таращу на него глаза. Я изрядно смутилась, увидев его совершенно голым... Я прикусила губу, когда он водил мылом по своему мужскому достоинству. Тщательно помыв его, он принялся за ноги. Я представила себе, как Габби станет расспрашивать меня обо всем. Она ахнет, когда я расскажу ей все это. Тут я отвела взгляд, чувствуя себя виноватой. Потому что я замужняя женщина. И еще по многим другим причинам. Грэй потянулся за шампунем, а я на цыпочках вернулась на берег, сгорая от стыда.

Мой купальник почти что высох, и я его надела. Когда появился Грэй, я уже собиралась натянуть шорты и майку. Он еще не видел меня в купальнике, но я вообще-то не возражала против этого.

– Привет, – сказал он. Его волосы были приглажены назад.

– Привет, – сказала я, немного нервничая. – Ты изменился.

– Теперь чистый?
– Нет. – Я дотронулась до его подбородка и тут же отдернула руку.
Что это на меня нашло? – Ты побрился.
– Да-да, – сказал Грэй. – Я забыл сказать, что я принес сюда бритву.
Она тоже была в том комплекте.
Я провела ладонью по своим ногам.
– Мне тоже надо было бы *побрить* ноги.
– Не беспокойся за свои ноги, – усмехнулся он.
– Ты говоришь это сейчас, а через несколько дней увидишь, что я буду как шерстяной мамонт, – сказала я.
– Вот и хорошо, – ответил Грэй. – Так тебе будет теплее ночью. – Он сверкнул улыбкой и повернулся к берегу. – Ну что, пойдём обратно?
– Да, – согласилась я.
На обратном пути он остановился и что-то поднял на берегу.
– Что ты подобрал? – спросила я.
– Что? – спросил он.
– Тогда, когда мы шли. Ты что-то положил в карман.
Он усмехнулся:
– Ничего.

Глава 10

Шли дни, недели. Мы с облегчением видели, что мое колено быстро заживает. Болячка, хоть и ужасная на вид, не воспалилась, и я радовалась этому, потому что после моего неуклюжего падения на камни в душе уже готовилась умереть от гангрены.

В то утро было тепло и более влажно, чем обычно. Среда, понедельник, суббота – никто из нас точно не знал, какой теперь день недели. Зарубки, которые Грэй делал на стволе дерева, говорили о том, что мы пробыли на острове четыре месяца, но сколько мы плавали в океане, мы не помнили. Грэй уверял, что мы прибыли на остров в понедельник. Я была убеждена, что было воскресенье. Независимо от этого мы стали теперь называть каждый день четвергом.

– Попробую сегодня порыбачить, – объявил Грэй за завтраком. Слово «завтрак» я употребила символически. Но с тех пор как мы научились поддерживать огонь (причудливый и немного панический процесс, заключающийся в подкладывании, помешивании, наблюдении и беспокойстве), я взяла на себя приготовление пищи, и в этом была своя ирония, поскольку для Эрика я не готовила абсолютно ничего. Ни одного блюда. Он возвращался домой так поздно, что мы всегда либо шли в ресторан, либо заказывали ужин на дом. Я вспоминала, как приятно было

находить в контактах моего сотового телефона «Счастливый дракон» и услышать приветливый голос Чена, владельца китайского ресторана, где мы с Эриком заказывали еду минимум два раза в неделю. Две порции тофу, овощи му-шу и цыпленок кунг-пао. Но нет, в то утро завтрак был чуточку более... креативный. У Грэя он вызвал улыбку. В меню: жареные моллюски, слегка приправленные морской водой, и «жареные» манго. Я придумала, как положить камни на угли, чтобы они сильнее нагревались и были по-настоящему горячими. И тогда я положила мясо моллюсков на горячие камни и дала им немного пошипеть, поджариваясь. Когда Грэй съел кусочек, он посмотрел на меня как на богиню.

Мы с ним стали худыми. По крайней мере, более худыми, чем прежде. Я перед свадьбой сбросила семь фунтов, чтобы влезть в платье шестого размера. Теперь оно болталось бы на мне как на вешалке, а не облегало мою фигуру, как в день свадьбы. Тогда я волновалась, что Габби не сможет застегнуть на нем нижние пуговицы. Пришлось обходиться без круассана на завтрак, и оно все-таки застегнулось.

Грэй тоже похудел. Его щеки впали, а живот будто прилип к позвоночнику.

– На рыбалку? – спросила я, тут же подумала о лососе и тунце, потом о суши, и у меня потекли слюнки. – Как же ты это сделаешь?

Он показал палку с острым концом.

– Я заточил ее о камни там, на берегу, – сказал он. Палка не очень походила на копье, но пусть попробует.

Я помахала ему рукой, когда он спускался на берег, и вернулась к огню. Я добавила сухих веток из нашего запаса, сложенного возле шалаша, легла на песок и стала смотреть на океан. Ласковые волны набегали на песок, рассыпаясь на пенистое крещендо. Я закрыла глаза. На миг я слышала Баха, а именно «Пусть овцы пасутся мирно». Не так давно квартет играл эту кантату на моей свадьбе, но сейчас я вспоминала не свадьбу. Вместо этого в моей памяти всплыл концерт, на который мы с Эриком ходили за месяц до этого.

– Нам обязательно надо туда идти? – спросил Эрик. Честно говоря, он всю неделю работал допоздна, и в тот единственный вечер, когда он вернулся в шесть часов, я заставила его пойти со мной на симфонический концерт. Но мне вспомнилось не его нежелание идти на концерт. Нет, его нежелание чувствовать то, что чувствовала я. Я помешала угли в костре и снова закрыла глаза. У меня в голове зазвучала музыка, нежные приливы и отливы стрóf. Мелодия захлестнула меня, как океан. Она поглотила меня всю целиком. Я вся была в ее власти, совсем как в тот вечер. Но помню, что

я повернулась к Эрику, ожидая, что он чувствовал то же самое, хотя бы немного. Но он нагнулся над своим айфоном и писал кому-то письмо. Работал.

Конечно, глупо было с моей стороны ожидать, что Эрику будет нравиться все то, что нравилось мне. Дело не в этом. Но та музыка. Эрик не чувствовал ее. Он даже не понимал, как это было красиво. Он просто все время общался с кем-то по айфону. И сейчас я вздохнула так же, как в тот вечер.

Я опять перемешала угли и подумала, что теперь, после всего, через что я прошла, я не могла доверять моему мозгу и, пожалуй, даже сердцу. Я вспомнила, как читала про ветеранов войны, которые возвращались с посттравматическим стрессом. Они набрасывались, иногда вообще без всякой причины, на тех, кто больше всего их любил. Да, это так. Я оказалась в экстремальной ситуации, и, хотя выжила, я не знала, долго ли я продержусь. Может, так бывает, когда человеческое тело переходит на режим выживания. Может, ты начинаешь сомневаться во всем и во всех. Может, ты даже уйдешь от тех, кого ты любишь.

Грэй вернулся мрачный. Он швырнул свое «копье» на песок, а сам сел на бревно, которое мы положили у огня.

– Что ж, не получилось, – буркнул он.

– Ты хромаешь, – сказала я.

Он пожал плечами.

– Для доктора ты слишком беспечно относишься к своему здоровью, – сказала я, подвигаясь к нему.

– Просто маленькая царапина, – сказал он, поглядев на подошву левой ноги.

Я опустилась на колени, подняла его ногу и увидела огромный порез, еще кровоточивший, на ступне.

– Грэй, – сказала я, – он *глубокий*. Его надо зашить.

– Я не думал, что кораллы бывают так близко от берега, – сказал он. – Они острые как бритва.

– В медицинском комплекте, который мы нашли, есть набор для наложения швов, – сказала я. – Ты можешь...

– Могу ли я зашить себе рану? Да. – Я не поняла, то ли он злился на меня за такой вопрос к нему, доктору, то ли злился на себя за то, что наступил на коралл и вернулся с пустыми руками.

Я сбегала к шалашу, достала аптечку и принесла ее Грэю.

– Вот, – сказала я. – Только я не могу смотреть. Мне становится плохо при виде крови.

Грэй взял из моих рук маленький мешочек и с улыбкой посмотрел на меня:

– Спасибо.

Я улыбнулась в ответ и спустилась на берег. Я шла и шла, пока не оказалась за пределами слышимости. Я с трудом выдерживала, когда сдавала кровь на приеме у врача, и даже не могла себе представить, каково это – зашить без заморозки собственную рану. С каждым шагом мои ноги погружались в прохладный, мокрый песок. Теплый бриз ласкал мою кожу, окутывал меня, словно хотел обнять. Над головой кричала какая-то морская птица. И тут я почувствовала под ногами что-то твердое. Сначала я думала, что это камень, оказавшийся среди песка, но потом увидела торчащий угол чего-то, сделанного из темно-коричневой кожи. Стоя на коленях, я стала разгребать руками песок вокруг этого предмета и тогда поняла, что это какая-то сумка. Я вспомнила кожаную сумку, с которой Эрик ходил каждый день на работу, но эта была больше и скорее походила на чемодан. Я рыла и рыла, отбрасывая песок, и в конце концов смогла ухватиться за ручку и вытащить чемодан из песка.

Мне было ясно, что это старый чемодан. Сделанный из добротной кожи, дорогой, с латунной фурнитурой, похоже, он был из 1940-х годов. Место на берегу было достаточно высокое, и он мог лежать десятки лет, нетронутый волнами. Но сколько именно? И как он туда попал?

Я долго глядела на замок, но потом решила открыть чемодан вместе с Грэем. Что, если в нем окажутся червяки, жуки, кости или что-нибудь еще из длинного списка жутковатых вариантов? Да, я подожду, пока освободится Грэй. Я схватила чемодан, который оказался тяжелее, чем я ожидала, и поволокла его в наш лагерь.

Я еще издали увидела Грэя. Он стоял на берегу, опустив ногу в воду. Я поморщилась, Вероятно, он промывал рану. Он повернулся ко мне, когда заметил, что я иду к нему, и помахал рукой.

– Ты собралась в поездку? – спросил он, увидев чемодан.

– Очень смешно, – с сарказмом ответила я. – Он лежал в песке, я случайно наткнулась на него и откопала.

– Ты уже открывала его?

Я покачала головой:

– Еще нет. Решила подождать и показать его тебе.

Прихрамывая, он подошел к костру. Я поставила чемодан на песок.

– Ты как, зашил? – спросила я.

– К счастью, до ампутации дело не дошло, – ответил он с улыбкой.

Я тоже улыбнулась.

– Но теперь я буду больше сочувствовать моим пациентам. – Он озабоченно разглядывал свою ногу.

– Как ты думаешь, нормально заживет?

– Нужно следить, чтобы не было инфекции, – ответил он. – Почему-то ступня распухла.

– О? – Я подошла к нему и машинально протянула руку к ране, но он отстранил ее.

– Все будет нормально, – сказал он. – Давай-ка посмотрим на этот чемодан.

– Открой его сам, – попросила я.

– Ты чего боишься-то? – насмешливо спросил Грэй.

– Я не знаю, – ответила я. – В этом есть что-то жуткое – когда ты открываешь старый чемодан. Там может оказаться... ну, что угодно.

– Ну, мы так и будем сидеть тут и любоваться на него целый день или все-таки посмотрим, что там?

У меня затрепетало сердце, когда он открыл защелку на замке. Крышка поднялась со скрипом. Неудивительно, ведь петли проржавели за много лет пребывания в тропиках. Лет или месяцев, этого мы пока еще не знали.

Мы с Грэем склонились над чемоданом. Шелковая обивка, когда-то светлая, гладкая, теперь пожелтела и покрылась пятнами. В чемодане лежала смятая одежда. Мужская. Грэй достал изъеденные насекомыми брюки и полосатый галстук. Под ними лежали дырявые белые рубашки, коричневый ремень и пара черных кожаных ботинок. Грэй посмотрел на них и улыбнулся: «Мой размер». Он достал бумажник, раскрыл его и вытащил идентификационную карту.

– Его имя Эдвард Э. Гантер, – сказал он. – Число... – Он прищурился и взгляделся в карту, – 1951 год. Этот чемодан долго тут пролежал.

Грэй нашел страховую карточку и свидетельство о страховании жизни, которое было сложено так плотно, что буквально рассыпалось в его руках.

– Похоже, старина Эдди оценил себя в сто тысяч долларов, – сказал Грэй. Еще он вытащил несколько истрепанных купюр, пятидолларовую и несколько долларовых, и протянул мне бумажник. Я посмотрела на идентификационную карту штата Калифорния, на фото мужчины с темными волосами и печальным взглядом. Он был худощавый, с квадратной челюстью. Он показался мне атлетичным, амбициозным, чуточку похожим на Эрика. Интересно, как он или скорее его чемодан оказался на этом острове.

Еще Грэй нашел блокнот или записную книжку в кожаном переплете и открыл ее. Внутри лежала пачка фирменных бланков. Наверху была

надпись жирным черным шрифтом:

Контора Э. Э. Гантера, вице-президента, «Калифорнийский Уэст-Банк».

– Значит, он банкир из Калифорнии, – сказал Грэй.

Я смотрела на фирменный бланк и представляла себе, как мистер Гантер курил сигару, сидя на удобном крутящемся кресле в шикарном офисе в Сан-Франциско с массивной пепельницей на письменном столе и смазливой секретаршей.

– Как он сюда попал? Как ты думаешь?

– Может, так же как мы. – Грэй пожал плечами. – После какой-нибудь катастрофы.

Я кивнула и достала шерстяной вязаный жилет.

– Он явно не собирался жить в тропиках.

– Значит, разбился самолет, – предположил Грэй.

– Но тогда мы увидели бы обломки.

– Мы пока осмотрели только треть острова. – Он махнул рукой вправо: – Кто знает, что там, на другой стороне.

По моей спине пробежала дрожь, когда я представила себе, как может выглядеть место падения самолета. Трупы. Кости. Я поежилась.

– Нам надо осмотреть весь остров, – сказал Грэй. – Если где-то лежат обломки самолета, там может оказаться что-нибудь полезное, что нам пригодится.

Я положила блокнот на колени, а Грэй уже хотел закрыть чемодан, когда заметил что-то еще.

– Видишь? – сказал он. – Тут есть еще одно отделение.

Он перевернул чемодан и стал возиться с замками. Мы ахнули, когда увидели, что лежало внутри: не меньше дюжины толстых пачек со сто долларовыми купюрами. То, что когда-то было аккуратными пачками, перевязанными резинкой, теперь покоробилось и загнулось от сырости.

– Теперь понятно, почему чемодан был таким тяжелым. – Грэй взял пачку долларов и провел пальцем по краю. – Мы богачи! Пойдем за покупками!

– В «Нордстром», – пошутила я. – Мне нужны новые туфли.

Грэй потер ладонью лоб.

– Очевидно, он от чего-то сбежал. Кто еще возит с собой в чемодане такие суммы?

Я разглядывала фирменный бланк, а потом заметила письмо. На нем не было почтовой марки или штемпеля, так что, скорее всего, оно не было никогда отправлено. Я вытащила его из блокнота и увидела, что оно

адресовано мисс Мэй Гантер из Сакраменто, Калифорния. Я тут же вынула листки из конверта и стала читать вслух.

9 мая 1952 года

Моя дорогая Мэй!

Когда ты получишь это письмо, я буду в тысячах миль от тебя. Моя дорогая, как я скучаю без тебя и как буду скучать до конца дней своих. В мои планы никогда не входило бросать тебя, но я должен был подумать о Патриции. Мы с тобой оба должны были подумать о ней. Я не слишком хорошо распорядился нашими финансами. Я виноват в том, что мы неудачно их вложили. Я сделал не те ставки. Я слишком долго жил не по средствам. Ты помнишь, как я принес тебе на День святого Валентина бриллиантовое ожерелье? Я надел его тебе на шею и застегнул замок, думая о том, как оно тебе к лицу, и все же мне было стыдно, потому что я превысил тогда сумму, которая была предусмотрена в нашей кредитной линии. Это был мой последний подарок тебе. Ты скоро узнаешь о финансовом банкротстве, в которое я угодил и втянул тебя. В тот день, когда ты начала разговор о состоянии нашего бизнеса, я увидел в твоих глазах презрение. Ты доверяла мне, а я тебя предал, разорил. Я разорил Патрицию. Я не мог даже обеспечить своей родной дочери медицинский уход, в котором она нуждалась.

Я обещаю тебе, моя дорогая Мэй, что наша малышка получит уход. Я не могу сказать тебе как, но я наткнулся на некоторые фонды. Ты получишь все деньги, которые тебе необходимы. Я закопал их возле куста гортензии. Ты увидишь клочок вскопанной земли. Там достаточно средств, чтобы оплатить любую операцию, какая понадобится Патриции, и любое дальнейшее лечение или медицинский уход. Пожалуйста, постарайся, чтобы она попала к лучшим докторам и лечилась в лучших больницах. Я молюсь лишь о том, чтобы это не оказалось слишком поздно.

И, пожалуйста, когда она вырастет, я надеюсь, что ты расскажешь ей обо мне. Я надеюсь, что она не будет меня презирать. Я так люблю ее. Я молю Бога, чтобы она смирилась с тем, что я совершил ужасные ошибки, но что я старался и в конце концов сделать как лучше для нее и для тебя, моя дорогая супруга.

Твое прощение – это все, о чем я прошу. Я мечтаю вернуться к тебе, вернуться туда, где мы полюбили друг друга, где ты доверяла мне. Я молю Бога, чтобы я смог когда-нибудь увидеть снова твое прекрасное лицо.

С вечной любовью и обожанием и с моими глубочайшими извинениями,

вечно твой,
Эд.

– Ох, – проговорила я, опуская письмо. – Это невероятно печально.

– Значит, он ограбил банк, чтобы спасти свою маленькую дочку, – сказал Грэй.

– Похоже, что так, – согласилась я, чувствуя слезы на своих глазах. – Но его жена так и не получила это письмо. Как ты думаешь, их дочь...

Грэй вздохнул.

– Тогда у людей не было такого доступа к медицинским услугам, какой есть сейчас у нас, – сказал он. – Если ты был беден или если у тебя не было достаточно денег, тебе были недоступны дорогостоящие хирургические операции, о которых теперь можно даже не беспокоиться.

– Что ж, – сказала я, – лучше я буду верить, что его жена нашла деньги и что Патриция жива. Мне больно предположить, что это не так. – Я покачала головой. – Но как, по-твоему, он оказался здесь?

Грэй пожал плечами:

– Может, так же как мы. Разбилось судно.

– Как ты думаешь, он спасся? Или он...

Грэй вздохнул:

– Знаешь, если бы он спасся, неужели он не взял бы с собой деньги?

Я кивнула, а сама думала про Эда. Интересно, как протекала его жизнь на острове? *Жарил ли он моллюсков, как мы? Жил ли он один много лет? Как он умер? И птицы склевали его труп, так что остались лишь кости?*

Я содрогнулась, потом мне в голову пришла другая мысль.

– Может, сегодня она еще жива, – сказала я, вскочив.

– Кто? – спросил Грэй, рисуя веткой на песке горизонтальную восьмерку. Я вспомнила, как когда-то рисовала такой же символ на дереве – знак моей вечной любви к Робби Шелтону. «Я до бесконечности люблю РШ», – драматически добавляла я.

– Та маленькая девочка, – сказала я. – Патриция. Может, когда мы вернемся домой, мы сможем ее найти и отдадим ей это письмо. Мы покажем ей, как сильно отец любил ее и как он страдал.

Грэй смотрел на океан. Начинаясь прилив. Он толкал волны все дальше на берег, они набегали на песок, играя и дразня, и медленно, но уверенно приближались к нам. Я подумала, как мало я знала об этом мужчине, с которым оказалась на необитаемом острове. Любые мои попытки заговорить с ним о его жизни кончались ничем. Мне было ясно,

что он не хотел говорить об этом. Но почему?

– Я полагаю, что нам пора подумать о том, как жить здесь дальше, – сказал он. – Мы можем застрять тут дольше, чем надеемся. Нам надо...

– О чем ты говоришь? – перебила я его. – Ты не хочешь вернуться домой? Не хочешь, чтобы нас спасли?

Грэй вздохнул:

– Я просто имел в виду, что нам нужно обдумать, как нам выжить, если мы не будем спасены в ближайшее время. Мы должны придумать, как нам хранить еду, может, засушить манго. И нужно построить более надежную хижину, прежде чем начнется сезон дождей.

– Нас уже здесь не будет в сезон дождей, – заявила я гораздо жалобнее, чем ожидала. Мои глаза наполнились слезами. Мне хотелось накричать на него, заорать. Я была готова орать на каждое дерево на острове, на каждую птицу, которая будет слышать меня.

Грэй ласково дотронулся до моего запястья.

– Извини, – сказал он. – Я не хотел тебя расстраивать.

Не думая, я уткнулась лбом в его теплое плечо. Оно пахло песком и морской водой.

– Просто я хочу домой, – рыдала я. – Я до боли хочу домой.

Грэй молча гладил мои волосы, пока я не перестала рыдать. И потом долго не отпускал меня.

Одинокая бабочка глубокого темно-синего цвета села рядом с нами и потом, словно дразня нас, улетела прочь, в сторону океана.

Глава 11

Нью-Йорк, 2 августа 1999 года

Эван рубил лук все утро. Он хорошо поработал и нарезал столько сладкого лука, что наполнил четыре контейнера. Шеф появится к полудню. Эван знал, что к этому времени он должен все закончить. Луковицы должны быть нарезаны аккуратными маленькими кубиками, так, как любит шеф. Эван молил небеса, чтобы он был в хорошем настроении, хотя в последнее время шеф никогда не был в хорошем настроении.

Кухня находилась в подвале старинного городского особняка. Кондиционера там не было, только вентилятор и открытая задняя дверь. У Эвана так слезились глаза, что даже покраснели. Однако он знал, что жаловаться нельзя ни на капризы шефа, ни на лук, ни на жару, ни на что вообще. Ему повезло, что он нашел работу сразу после кулинарной школы в одном из лучших ресторанов Нью-Йорка. В конце концов, это три звезды Мишлена, и, если ему повезет, он сделает здесь карьеру, устроится в каком-

нибудь хорошем месте или даже откроет собственное дело. И тогда ему уже не придется рубить лук.

Эван думал об этом, когда резал лук на пластинки и кубики, и сделал маленький перерыв только один раз, когда заметил маленькую фигурку в углу двери, выходящей в переулок. Ярко светило солнце. Он отложил нож, вытер руки о полотенце, заткнутое за завязки фартука, и подошел к двери.

– Привет, малыш, – сказал Эван, протягивая руку к бродячему котенку с короткой черной шерсткой, сидевшему возле его ног.

Котенок громко мурлыкал, словно хотел ему что-то сказать.

– Что ты говоришь? – прошептал Эван.

Он всегда любил животных. Еще в Литл-Рок, когда он был мальчиком, у него было много питомцев, но кошек никогда не было. У его матери, Луизы, была на них аллергия.

Котенок мурлыкал и терся о его ноги.

– Мне надо работать, дружок, – сказал он, возвращаясь к своей доске, но потом подошел к холодильнику. Там он нашел немного паштета – из личного обеда шефа – и взял маленькую мисочку.

– На, ешь, – сказал он, поставив угощение перед котенком. – Только не подведи меня, ладно?

* * *

– Сынок, мы не поняли, куда ты поедешь? – Мать Эвана никогда не понимала своего сына. Когда ему исполнилось восемь лет, он просил подарить ему на день рождения швейную машину, в десять лет он научился печь торты гораздо лучше, чем она, а теперь он хотел бросить свою работу в ресторане... ради чего?

– На Бермуды, – объяснил он. – Супружеская пара из Бостона попросила меня стать поваром на их яхте.

– Но это безопасно? – спросила мать. Если бы Эван прислушался, он услышал бы вдалеке свист поезда. В детстве он жил недалеко от железной дороги. Он любил сидеть на откосе и смотреть, как проносятся мимо поезда, мечтать о том мире, который начинался за их городком. Как ему хотелось сбежать туда!

– Конечно, мама, – ответил он.

– Я не понимаю, почему бы тебе просто не приехать домой, – продолжала она. – Нашел бы себе работу в городе в хорошем ресторане. Чем тебе не нравится папина «Итальянская пиццерия»? Ты мог бы работать там.

– Потому что я не хочу там работать, мама, – ответил он.

На другом конце провода повисло молчание.

– Мама, извини, – сказал Эван. – Я не хотел тебя обидеть.

– Все нормально, сынок, – сказала она. – Ты скроен из другого полотна. Я всегда это знала. – Она тяжело вздохнула. – Мы просто скучаем по тебе, вот и все.

Эван выглянул из своей крошечной квартирки на Манхэттене. Был волшебный час, чудесное время сразу после заката, когда уже не день, но еще и не ночь. Рядом с ним мурлыкал его кот, и Эван гладил место на его брюхе, где были вытатуированы цифры. Эван никогда не понимал, зачем коту татуировка. Кот был неудачником, как и он сам, непоседой, бегающим с места на место. Да, подумал Эван, пришло время для следующего приключения.

* * *

«Пегас» стоял в порту. Мистер и миссис Колдуэлл увидели Эвана и помахали ему. Он познакомился с ними в ресторане во время одного из частных обедов шефа. Миссис Колдуэлл прониклась к нему симпатией, как это бывает у немолодых и богатых женщин.

– Дорогой мой, – сказала она, расцеловав его в обе щеки. Мистер Колдуэлл, с сигарой в зубах, кивнул и буркнул что-то капитану. Увидев в руках Эвана сумку с котом, он громко рассмеялся.

– Ты не один, – заметил он.

– Я надеюсь, что вы не станете возражать, сэр, – ответил Эван. – Это хороший кот.

– Нормально, – ответил он, пожимая плечами. – Может, это развлечет Долорес.

Эван кивнул и нашел свою каюту, потом отправился в камбуз и стал готовить первый обед на борту.

* * *

Эван заметил, как Долорес поглядывала на него вечером во время ужина и наутро за завтраком. Он старался не встречаться с ней глазами и на верхней палубе, где он сидел, обдумывая меню на текущую неделю. Но она уселась в шезлонге рядом с ним и спросила, приготовит ли он на завтрак яйца бенедикт. Она сообщила, поправляя бретельку на бикини, что любит яйца бенедикт. Она была намного старше матери Эвана, которая никогда не носила бикини.

– Да, мэм, – вежливо сказал он, пытаясь встать. – Конечно.

Долорес протянула к нему руку и ласково дотронулась до его бедра.

– Спасибо, дорогой мой, – сказала она с ленивой улыбкой. – И, милый, тебе не нужно называть меня «мэм».

Долорес заставляла его нервничать, но он ничего не мог с этим поделать, помалкивал и день за днем готовил изысканные блюда.

Шли неделя за неделей. Как-то в штормовой воскресный вечер, когда Эван готовил ростбиф с жареным картофелем, Долорес возникла в дверях камбуза. Тонкая ткань белого платья не скрывала ее голое тело.

– Приходи сегодня вниз, – сказала она, взяв на руки кота. – Я хочу поговорить с тобой.

Он старался как можно медленнее обслуживать клиентов и подольше растянуть ужин, чтобы избежать этого разговора. Мистер Колдуэлл решил рано лечь спать, и его жена поглядывала на Эвана с улыбкой Чеширского кота.

– Я ужасно устал, мэм, – сказал Эван, моя посуду. – Пожалуй, я пойду к себе.

– Разве ты забыл? Я сказала тебе, чтобы ты не называл меня «мэм», – сказала она строго и в то же время игриво.

– Простите, – пробормотал он, ныряя в дверь. У него вспотели ладони. Он завернул за угол и наткнулся прямо на... мистера Колдуэлла.

– Куда ты бежишь, сынок? – спросил тот с лукавой усмешкой.

– Я просто...

– Иди к ней, – сказал он. – Не робей.

Эван вытаращил глаза.

– Но я...

– Тебе платят, чтобы ты нас обслуживал, и мне надо, чтобы ты обслужил ее.

– Но я не такой, – сказал он.

– Не какой, сынок? – засмеялся он. – В 1965 году она была мисс Техас. Конечно, сейчас трудно об этом догадаться, но все-таки. Закрой глаза и думай об этом.

Эван не сказал ему, что его не только не интересует миссис Колдуэлл, но его вообще не интересуют женщины. Никогда не интересовали. Он панически испугался.

– Давай, – сказал мистер Колдуэлл и отвел его за руку к трапу, ведущему на нижнюю палубу. – Она тебя ждет.

С дрожью в коленях Эван спустился вниз. Салон был полутемный, но он разглядел миссис Колдуэлл, лежавшую на диване. Она переделалась в кокетливый пеньюар.

– Пришел, мой дорогой, – сказала она. – Я жду тебя.

Эван присел на краешек дивана, как можно дальше от нее.
– Иди сюда, – позвала она. – Давай поиграем.
– Миссис...
– Сколько тебе говорить, чтобы ты называл меня Долорес?
– Долорес, – пробормотал он непослушными губами. – Я просто... я просто не могу.

– Почему, милый? Ты что, голубой?

Эван испуганно сглотнул, когда она поползла к нему, распахнув пеньюар.

– Пожалуйста, – залепетал он, ежась, когда она дотронулась до его груди. – Пожалуйста, перестаньте.

Кот прыгнул на диван между Эваном и миссис Колдуэлл.

– Этот проклятый кот, – разозлилась она. – Убери его отсюда.

Эван встал, но, прежде чем он схватил кота, миссис Колдуэлл произнесла:

– Останься сегодня со мной, иначе я выброшу за борт этого паршивца.

Эван покачал головой.

– Пожалуйста, – воскликнул он, – вы не сделаете этого!

– Сделаю.

Эван вздохнул.

– Я не могу выполнить ваше желание, мэм. Я просто не могу.

– Тогда попрощайся со своим котиком, – ответила она с улыбкой.

В ту ночь Эван молился так, как делал когда-то в далеком детстве. Он просил Иисуса успокоить странные мысли, которые бурлили у него в груди и которые его друзья в церкви называли греховными. Он молился и за своего кота. Он молился, чтобы они поскорее убрались с «Пегаса» и чтоб после этого яхта оказалась на дне океана.

Утром кот пропал. Миссис Колдуэлл не увидела за завтраком его слез, но больше она к нему не приставала.

Глава 12

– Помнишь зубную нить? – спросила я вскоре после того, как проснулась.

– Помню, – засмеялся Грэй.

– Тебе ведь не кажется сейчас это необходимым?

Он потрогал передние зубы и кивнул:

– Да.

– Забавно, как многие вещи казались нам абсолютно необходимыми.

– Например, бакалейные лавки, – сказал он. – Вот уж куда я терпеть не мог заходить.

- Я тоже.
- И подушки.
- Стиральный порошок.
- Туалетная бумага.

Мы рассмеялись.

Грэй отправился на утреннюю прогулку по берегу, а когда вернулся, я взглянула на него и улыбнулась.

– Как тебе мой новый облик? – спросил он.

Он надел изъеденные насекомыми широкие, по моде 1950-х, брюки мистера Эдварда Гантера, мятую, дырявую оксфордскую рубашку, когда-то белую, а теперь грязно-желтую. На шею он повязал галстук, так неумело, что я засомневалась, носил ли он вообще когда-нибудь галстуки.

Я хотела есть, но его костюм улучшил мое настроение, и я улыбнулась, потом кашлянула.

– Я хотела бы взять ссуду, – сказала я и встала, чтобы поправить его галстук. Я завязала узел, как когда-то делала это для Эрика.

– Зачем вам это, мэм?

– Какой вы любопытный банкир, – ответила я, шутливо закатывая глаза. – Но, если вы хотите знать, я намерена купить лодку. Видите ли, я очутилась на этом ужасном острове и думаю, что быстроходная лодка мне не помешает.

– Какой бы вы предпочли кредит? – спросил он, подыгрывая мне.

– Звездный, – ответила я, и это была правда. У Эрика кредит был куда хуже моего, но я никогда не позволяла ему брать новые кредиты, тем более что речь шла о пьяной поездке в Мексику на втором курсе колледжа (еще до нашего знакомства), с гонками на лимузине (на длинном внедорожнике), угощением всех в баре и... пустой кредитной картой.

Грэй улыбнулся и сел рядом со мной на бревно.

– Видишь, – сказала я, показав на манго, которые выложила на камни у огня. – Я придумала, как нам растянуть их на несколько месяцев.

– Замечательно, – сказал он, бросив одну в рот. Капля оранжевого сока потекла по его подбородку, и он вытер ее рукавом рубашки. – Мне нужно помыться, – сказал он.

– Да, не помешает, – согласилась я. – Мне тоже.

– Давай пройдем к ручью, а потом осмотрим остальную часть острова. Это не так и далеко. К закату мы вернемся.

– Хорошо, я упакую ланч, – сказала я.

Он понимающе усмехнулся.

– Ты имеешь в виду крабовые котлетки с лингвини, да? – Мы оба

знали, что наше меню пока что разнообразили муравьи, а иногда другие насекомые, которые находил Грэй (хотя я по-прежнему отказывалась есть личинки и разных червяков), водоросли, манго и моллюски.

– Дай волю своему воображению, – ответила я, подмигивая.

* * *

На этот раз мы решили пойти новым путем и исследовать южную сторону острова.

– Если нам повезет, – сказал Грэй, показывая вперед, – мы пройдем напрямик и вернемся обратно по берегу. Может, найдем источник где-нибудь поближе.

– Как твоя нога? – спросила я, когда мы двинулись в дорогу. Грэй повернулся и посмотрел на меня.

– Полностью зажила.

– Ого, – сказала я. – Что-то слишком быстро.

– Да, – согласился он. – В самом деле, необычно быстро.

– Ты думал, что это будет...

– Дольше, – произнесли мы в унисон.

– Правильно, потому что мы находимся во влажной, грязноватой среде. С точки зрения медицины для раны это полный кошмар. Но, – он покачал головой, – Шарлотта, по-моему, в этом острове что-то есть необычное.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, во-первых, – продолжал он, перешагивая через корень дерева, – твое колено зажило тоже очень быстро. Да и моя астма не дает о себе знать. – Он повернулся и взглянул на меня. – У меня не было ни одного симптома.

– Может, все дело в теплом воздухе, – предположила я.

Он покачал головой:

– Ты бы видела меня в тропиках, когда я там был в последний раз. Я все время сипел и свистел.

– Значит, ты хочешь сказать, – ответила я, поправив на спине мешок из-под аптечки, я взяла его на случай, если нам попадетс что-нибудь съедобное, – что в этом острове есть что-то магическое.

– Я не знаю, – сказал Грэй.

Я взяла палку, чтобы опираться на нее при ходьбе, и направилась за ним по неровной местности. Наклон стал круче, и я осторожно спускалась вниз, хватаясь за лианы и ставя ноги на корни деревьев.

– Тут какой-то парк Юрского периода, – проворчала я.

– Точно, – согласился Грэй. – Такое чувство, будто сейчас из кустов выпрыгнет тирекс, правда?

– Абсолютно, – подтвердила я, остановившись на минутку, чтобы перевести дыхание. Я хотела есть, но за эти недели жизни на острове поняла, что разумнее всего игнорировать голод.

Грэй тоже остановился.

– Слышала?

Я покачала головой и вдруг застыла. Вдалеке трещали кусты. Мы переглянулись, когда услышали, как хрустнула ветка.

– Что это? – в панике прошептала я.

– Не волнуйся, – ответил он. – Вероятно, это просто животное.

У меня встали дыбом волосы на руке.

– Какое еще... животное?

Грэй осторожно пошел дальше, я не отставала от него. Через мгновение кто-то выскочил из кустов. Я даже не поняла, кто это, а просто видела, как промелькнуло что-то темное с густой шерстью. Грэй выхватил у меня палку и отступил на шаг.

У меня громко стучало сердце. Я даже не услышала мурлыканье у своих ног.

– Это просто... кот, – сказал Грэй. Он наклонился и разглядывал ласковое животное, крутившееся у наших ног.

Я перевела дух.

– Слава богу, я думала, что это...

– Лев? – засмеялся Грэй.

– Ну, возможно!

Он протянул руку к маленькому черному коту, а тот лизнул его палец и замурлыкал еще громче.

– Интересно, как он сюда попал?

Я пожала плечами и вспомнила про кошку, которая много лет жила у Габби. Сколько теперь лет Аннабелле, 16 или 17? Габби подобрала ее котенком, когда она жалобно мяукала возле ее заднего крыльца. Мисочка консервированного тунца – и с тех пор они стали неразлучной парой.

Грэй выпрямился, и мы продолжили свой путь к середине острова. Кот следовал за нами.

– Если он надеется, что мы его накормим, то он ошибается, – вздохнула я. В это время кот вскочил на ствол большого дерева, потом на верхний сук и протянул лапку к связке зеленых плодов.

– Постой, – сказал Грэй, подходя ближе. – Это ореховое дерево?

Я протянула руку к низкой ветке, сорвала маленький зеленый плод и

осторожно попробовала его. Он был горький, я поскорее отвернулась и выплюнула его.

– Я бы не сказала, что это что-то съедобное, – сообщила я, покрутив перед глазами маленький шар. – Но, возможно, если очистить зеленую кожуру, внутри окажется орех.

Грэй с интересом наблюдал, как я очистила кожуру. Внутри оказалось что-то коричневатое и действительно похожее на орех.

– По-моему, это орехи макадамия, – предположила я. – Во всяком случае, похожи на них. Мы можем потом поджарить их на огне. Тогда и посмотрим, хорошие ли они.

– Уж наверняка лучше, чем моллюски и муравьи.

– Точно, – усмехнулась я.

Мы набрали много загадочных орехов. У меня потекли слюнки, когда я вспомнила про орехи макадамия в молочном шоколаде, которые мама делала каждый год на Рождество. Меня пронзила острая тоска по дому – сильная, словно электрический ток. Интересно, испытывал ли Грэй такую же тоску? Бывали у него такие приливы тоски по дому? По ком он скучал? Мне многое хотелось бы узнать о нем.

Грэй завязал пластиковый мешок и повернулся к коту, сидевшему у его ног. Тот моментально лег на спину и показал свое брюхо и то, что он действительно кот. Я погладила его, и он замурлыкал.

– Что это? – спросила я, показав на нечто, похожее на татуировку на его коже.

Грэй взгляделся и покачал головой.

– В моей резидентуре при Вашингтонском университете есть лаборатория по исследованию приматов, где держат обезьян. Кажется, макак. Некоторые заражены ВИЧ, гепатитом В. Сомнительная такая контора. Но там работал мой приятель, и я бывал там и видел их. – Он показал на цифры на кошачьем брюхе – 36987. – У обезьян тоже были номера.

Я покачала головой:

– Как странно.

Грэй пожал плечами:

– Мы можем звать его 36987 или назовем его еще как-нибудь.

– Но как?

– Может, Мак? – предложил он, чуточку подумав. – Сокращенно от макадамия.

– Неплохо, – усмехнулась я.

Он кивнул:

– Значит, Мак.

* * *

Не знаю, сколько прошло времени, пока мы вышли на другую сторону острова. Здесь было много скал. С утеса я увидела, как на берег набегали одна за другой бурные волны. Над нашей головой уже нависла темная дождевая туча, и падали первые капли.

Грэй протянул мне бутылку воды, и я сделала глоток.

– Похоже, что надвигается шторм, – сказал он, глядя на небо, словно на человека, которому он не доверял. – Нам надо возвращаться.

Я пошла за ним по тропе. На развилке он остановился и растерянно посмотрел на меня.

– Подожди, нам направо или налево?

– Направо, – сказала я. – Кажется.

Мы двинулись дальше, но когда одолели большой отрезок пути, то увидели большую скалу. Я поняла, что местность совершенно незнакомая.

– Грэй, кажется, нам надо вернуться назад.

– Пожалуй, ты права, – согласился он. – Но нам ничего не остается, как идти вперед. Боюсь, если мы вернемся назад, то путь до лагеря окажется еще длиннее. Скоро стемнеет. Может, нам даже придется здесь заночевать.

Мак, по-прежнему бежавший за нами, впервые мяукнул, словно соглашаясь со словами Грэя.

Мы шли еще час. Небо становилось все темнее, и на меня снова упали капли дождя. Сначала редкие, потом все чаще, и вот небеса разверзлись и вылили на маленький островок все свои запасы дождевой воды.

– Давай пока не останавливаться, – сказал Грэй.

– Что? – переспросила я, почти не слыша его из-за дождя. Я вся насквозь промокла – и волосы, и одежда. Я осторожно ставила ноги, потому что почва, казавшаяся твердой, превратилась в скользкое месиво.

– Пойдем дальше, – крикнул Грэй. – Если мы доберемся до берега, дальше нам будет проще вернуться в лагерь.

Еще через несколько минут почти весь солнечный свет был поглощен мраком. Я не видела Мака. Я едва видела Грэя, просто его силуэт вдалеке. Я сделала шаг, наткнулась на что-то твердое и закричала от острой боли во лбу.

– Что случилось? – спросил Грэй, подбежав ко мне.

– По-моему, я налетела на дерево.

Грэй посмотрел на мою рану.

– У тебя течет кровь. Тебе надо где-то укрыться.

Я вытерла с глаз воду или, может, кровь.

– Пойдем туда, – сказал он, показав куда-то вперед. Я не видела то, что видел он, но побрела за ним. У меня кружилась голова. Впереди виднелась какая-то темная масса. Я решила, что это какая-то грубо сложенная хижина. Но оказалось, что это был нос... судна.

– Что за... – Грэй лишь покачал головой, онемев от удивления.

– Как же это...

– Я не знаю, – ответил он. – Может, шторм был такой сильный, что зашвырнул его сюда.

– Может, ураган, – предположила я.

Грэй пролез в дыру на носу судна, я за ним. Даже несмотря на кромешный мрак и мою уверенность, что вокруг нас были пауки размером с ладонь, приятно было спрятаться от ливня. Я прислонилась уставшей спиной к стене.

– Кажется, я захватил зажигалку, – пробормотал Грэй, роясь в мешке. – Вот, нашел. – Я ничего не видела, но слышала, как он щелкал зажигалкой. Но безуспешно – то ли было слишком сыро, то ли она была уже пустая.

– Проклятье! – воскликнул Грэй.

– Что такое?

– Я уронил ее.

Я пошарила ладонями по полу. Там было много трещин и зазубрин.

– Наверное, она провалилась, – вздохнула я. – Придется ждать до завтрашнего утра.

Грэй наклонился и высунул голову наружу.

– Нет, – сказал он. – Я должен принести тебе аптечку. Возможно, придется зашить рану.

Я прикусила губу, подумав об операции без анестезии. Жаль, что мы выложили аптечку, когда отправились в нашу экспедицию. Я хотела освободить место для возможных находок, и, как оказалось, напрасно.

– Дождь немного стих, – сказал он. – Светит луна. Отсюда до лагеря не больше мили. Я пройду по берегу, возьму аптечку и фонарик и вернусь за тобой.

– Не надо, – запротестовала я. – Сейчас слишком темно. Что, если...

– Все будет нормально, – заверил он.

– Но как же я? Неужели ты собираешься... бросить меня тут? – У меня испуганно забилося сердце.

Грэй постучал ладонью по стене.

– Ты сейчас просто не сможешь идти. Здесь тебе будет нормально. Как

бы эта посуда ни попала сюда, тут она лежит уже долго и с места не тронется. Ты просто сиди тут, и все. Я скоро вернусь. Обещаю.

Я кивнула в темноте сама себе.

– Хорошо. – Его шаги затихли вдалеке. Но мне было далеко не хорошо. У меня болезненно пульсировала рана на лбу, и я еще никогда в жизни не боялась так, как теперь.

* * *

Прошел час, может, больше. Снова пошел дождь, поднялся ветер. Я прижала колени к груди и положила кровоточащую голову на локти. Сколько мне еще ждать Грэя? Сколько сидеть тут в темноте одной?

Я подумала о судне, где я укрылась от непогоды. Это военный корабль? Частная яхта? Э-э... пиратское судно? Что случилось с командой? Все погибли? Совсем рядом оглушительно загремел гром, и я задрожала всем телом. Что-то коснулось моих ног, и я подтянула ноги поближе к себе. Ветер крепчал. Он хлестал по корпусу судна, словно пытался унести его, или меня, или нас обоих.

Новый грохот, затем сверкнула молния, такая яркая, что осветила небольшое пространство, где я сидела. На долю секунды перед моим взором предстала ужасная картина. В шести футах от меня лежал скелет. Я издала дикий вопль, когда Мак прыгнул мне на колени. Я боялась пошевелиться. У меня бешено колотилось сердце. Укрыться снаружи было негде, но я все равно должна была выбраться отсюда. Я не могла оставаться тут ни минуты.

Цепляясь за доски, я пролезла в дыру. Хлестал дождь, у меня кружилась голова, я не знала, куда идти. Мак был рядом, он терся о мою левую ногу. Несколько минут я вслепую брела куда-то, но дождь затих, тучи расступились, и лунный луч осветил дорогу. Я с облегчением увидела впереди большое дерево и спряталась под его кроной. Мак устроился у меня на руках. У меня отяжелели веки и закрывались сами собой, несмотря на все мои усилия. Я больше не могла бороться с усталостью. Она ударила по мне, словно громадная волна.

* * *

18 марта 2008 года, Сиэтл

Габби сжала мою руку, когда меня повезли в предоперационную.

– Может, мне надо было сказать Эрику? – спросила я.

Ее глаза на миг метнулись в сторону, но потом она снова взглянула мне в глаза.

– Нет, – уверенно заявила она. – Ты скажешь ему, когда будешь к этому готова.

Я вздохнула, потянув за край больничной рубашки. Я запланировала эту операцию и свое выздоровление на время его командировки в Нью-Йорк, где он помогал открыть новый филиал их компании. «Поскорее прилетай ко мне», – просил он меня вчера перед посадкой на самолет. Я сказала, что постараюсь, но сама знала, что у меня ничего не получится. Мне еще предстояло шесть недель приходить в себя, и ни о какой поездке не могло быть и речи.

Несколько месяцев я знала про операцию. В моей памяти навсегда осталось то ужасное утро, когда я сделала УЗИ, навсегда изменившее мою жизнь. Доктор Ланистер поправил очки и выдавил мне на живот каплю геля. В моей левой руке зажужжал телефон – это Эрик прислал сообщение. Я сунула его в сумку, не отвечая.

Доктор прижал к моему животу прибор на длинном шнуре, плавными движениями размазал холодную массу по моей коже, а я смотрела на экран, висевший на стене.

– Вот, посмотрите, – сказал он, показывая на экран. – Вот этого я и боялся. – Он покачал головой. – И вот здесь, на стенке матки. Они повсюду. Я еще никогда не видел ничего подобного.

Полипы. Доброкачественные, но полипы. Дюжины их росли словно грибы на моих репродуктивных органах. Вот почему у меня были такие болезненные месячные, объяснил доктор Ланистер; боль ножом пронзала меня от низа живота до спины.

– Вы можете... удалить их, ведь правда? – спросила я, вцепившись в край кушетки; бумажная подстилка шуршала под моими пальцами.

Доктор Ланистер положил прибор и стянул перчатки.

– Шарлотта, – сказал он, – я боюсь, что у вас зашло все слишком далеко. Полипов слишком много. Их невозможно удалить, не повредив ваши яичники. И если даже мы это сделаем, они снова будут расти. – Он тяжело вздохнул. – Я рекомендую вам гистерэктомию.

Я вытаращила глаза и порывисто села.

– Гистерэктомию? Вы имеете в виду, что все – целиком? Навсегда? Значит, у меня никогда не будет детей?

Доктор Ланистер мрачно кивнул и начал распространяться на медицинском жаргоне о моем состоянии, о риске слишком долгого ожидания операции, о том, что в наши дни есть другие способы стать родителями. Но я почти не слышала его. Его голос звучал где-то далеко, за завесой моих мыслей. Что скажет Эрик, мой жених? Как мне сказать ему,

что женщина, на которой он скоро женится, никогда не родит ему ребенка?

Доктор сжал мне руку, вырвав меня из горьких раздумий.

– Пора, Шарлотта.

Габби помахала мне, когда меня повезли в операционную. На потолке горели яркие лампы, люди были в масках и балахонах.

Женщина-доктор наложила на мой рот дыхательную маску и велела сделать глубокий вдох.

Когда я проснулась, то была уже бесплодной.

** * **

– Шарлотта! Шарлотта!

Я медленно открыла глаза. Где я? У меня затекло все тело. Болела голова.

– Шарлотта!

Я увидела Грэя, и все встало на место. Остров. Обломки корабля. Рана на моей голове.

Грэй сел на корточки возле меня.

– Шарлотта, все в порядке?

– Кажется, – сонно сказала я, щурясь от лучей утреннего солнца, которые пробивались сквозь густую крону дерева.

– Прости, что я так долго добирался до тебя. Этот остров – настоящий лабиринт.

– Все нормально, – сказала я и попыталась встать. Мак мяукал неподалеку, и я порадовалась, что он пережил шторм. Поднявшись на ноги, я схватилась за живот. Вчера я пила немного воды, но мне надо было в туалет – срочно.

– Пойдем в лагерь, – сказал Грэй. – Надо промыть твою рану и, возможно, наложить швы.

Я кивнула:

– Только секунду. Я сбегаю вон туда. – Я показала на кусты.

Грэй усмехнулся:

– Ладно, давай. Я отвернусь.

Я отошла в сторону и присела за кустом. Сняла шорты – и ахнула. На моих трусиках-бикини я увидела пятна крови.

Глава 13

Грэй осмотрел мою рану.

– Тут понадобится три стежка, не больше.

– Правда? – вздохнула я.

Он кивнул.

– Рана зияющая. Вот, – сказал он, протягивая мне какую-то бутылку. Я поднесла ее к глазам. Виски.

– Где ты это нашел?

– В чемодане старины Эда Гантера, помнишь?

– О да, – ответила я и сделала глоток. Вкус был какой-то бензиновый, но я глотнула еще, когда увидела, как Грэй взялся за аптечку.

– Теперь не шевелись, – сказал он. Я снова сделала глоток и поставила бутылку рядом. Тело наполнилось теплом, но потом, когда Грэй проткнул мне кожу иглой, меня пронзила боль.

– Ой! – вскрикнула я.

– Прости, – ласково сказал он. – Уже почти все. – Я опять вскрикнула. Потом он сел и кивнул. – Все. Готово.

Я прислонилась к дереву. У меня кружилась голова, и я слегка опьянела.

– Почему ты не осталась прошлой ночью на корабле?

– Я увидела там скелет, – ответила я.

Грэй взял фонарь, встал и направился к кораблю.

– Пойдем, – сказал он, – давай посмотрим.

Я чувствовала в бикини теплую сырость. После той операции разве у меня могли быть... месячные?

Грэй остановился, поджидая меня.

– В чем дело?

– Хм, я...

Он прищурился.

– Кажется, у меня менструация.

– О, – с легкой улыбкой отозвался Грэй. – Извини.

Я покачала головой:

– Ты не понимаешь. У меня ее не может быть.

– Но ведь есть.

– Нет, я имею в виду, это невозможно физически. Несколько месяцев назад у меня была гистерэктомия.

– Тогда это непонятно.

Я вздохнула:

– Вот именно. Почему у меня идет кровь?

Он покачал головой.

– Когда у тебя была операция?

– В прошлом марте.

– В таком случае не может быть, чтобы это было как-то связано с

послеоперационным периодом.

– Тогда что же со мной происходит? – спросила я. – Ты доктор, у тебя должны быть какие-нибудь предположения.

Он беспомощно поднял руки, и в это время красивая бабочка глубокого темно-синего цвета села на мою руку.

– Честно признаюсь, что я понятия не имею. Как не представляю, почему у меня нет никаких симптомов астмы. Вообще никаких. Шарлотта, тут странное место. – Он покачал головой. – Но я уверен, что если мы пошарим внутри корабля, то найдем какие-нибудь обрывки ткани, которые ты сможешь использовать для...

– Спасибо, – торопливо ответила я, потрясенная. – Да.

Я тяжело вздохнула, набралась духу и полезла следом за Грэм в пролом. У меня заколотилось сердце, когда я увидела вчерашний скелет, сидящий прямо, словно он или она умерли, прислонившись спиной к стене. Но он был там не один. Другой лежал неподалеку, и третий тоже.

– Дальше там еще скелеты, – сказал Грэй, посветив фонариком.

Я содрогнулась.

– Давай пойдем отсюда.

– Еще рано, – возразил Грэй. – Давай посмотрим, нет ли тут чего-нибудь полезного для нас.

– Ты посмотри, – сказала я. – Я подожду снаружи.

Он кивнул, а я опять вышла на свежий воздух. Через несколько минут появился Грэй. Он нес веревку, какие-то инструменты, одеяла, а на плече у него висела сумка, чем-то наполненная. Сложив все это, он снова нырнул в корабль и вернулся на этот раз с маленьким сундуком, молотком и очень ржавым топором.

– Шарлотта, ты должна зайти внутрь и посмотреть, – сказал он.

Я наморщила нос.

– Что?

Он покачал головой:

– Ты просто зайди, прошу тебя.

Я пролезла следом за ним в дыру и спустилась по шаткой лестнице в трюм. Там по обе стороны висели койки, а в них скелеты, а повсюду валялись контейнеры.

Грэй махнул рукой:

– Туда, ближе к корме.

Еще несколько шагов, и перед моими глазами предстала такая сцена: еще один скелет был привязан к столбу.

– Как ты думаешь, это был пленник? – ахнула я.

– Кто бы это ни был, его за что-то наказали.

У меня волосы встали дыбом.

– Пойдем скорее отсюда, – сказала я.

Грэй кивнул, но потом остановился и что-то поднял с пола.

– Карманный нож, – сказал он и повернулся к скелету.

Я смотрела, как он осторожно перерезал веревки, придерживая скелет, потом положил его на пол корабля, чтобы он наконец обрел покой. Я поежилась, представив себе, как этот незнакомый человек извивался у столба, а его руки и ноги были в ссадинах от веревок.

Я оторвала лоскут от одеяла, туго сложила его и, присев за деревом, сунула его в трусики. Мы с Грэм в полном молчании возвращались в лагерь. Там я занялась костром, а Грэй вернулся через полчаса со свежими моллюсками. Мы поджарили их вместе с собранными вчера орехами. Когда они стали золотисто-коричневыми, мы положили их на камень остывать.

– Вау! – воскликнул Грэй, вонзив зубы в орех. – Они правда вкусные.

Я тоже попробовала и согласилась.

– Поразительно. И, ты подумай, без нашего кота мы бы их не нашли. – Наш хвостатый друг мурлыкал возле меня, и я погладила его по спине.

Насытившись орехами, моллюсками и манго, мы залезли в шалаш и улеглись на ложе из травы и листьев, которые собрали и аккуратно уложили. Я лежала, опираясь на локоть и повернувшись к Грэю, а он смотрел куда-то вдаль, задумавшись.

– Этот корабль... какой-то странный, – сказала я.

– Да, согласен.

– А ты молодец.

– Ты о чем?

– О том, как ты срезал веревки и положил скелет на пол.

Он кивнул, глубоко задумавшись.

– Ни один человек не должен умирать таким образом. – Его взгляд снова устремился куда-то далеко.

– Как ты думаешь, что там случилось?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Может, это был пиратский корабль.

Я покачала головой:

– На полу я видела навигационные карты ВМФ. Непонятно, почему там держали пленника.

– Может, они все сошли с ума от цинги, – предположил Грэй.

– А в манго есть витамин С? – спросила я, внезапно испугавшись за нашу собственную участь.

– Есть, – успокоил меня Грэй.

– Вот и хорошо. – Я вздохнула с облегчением.

Мы долго молчали. Потом я снова повернулась к Грэйю:

– Когда ты расскажешь мне?

Дело в том, что я слышала, как во сне он часто повторял имя Селеста.

Он внезапно сел, долго вглядывался в мое лицо, а потом неожиданно ушел.

* * *

Солнце село, а Грэй все не возвращался. Я уже начинала волноваться, но успокаивала себя, что с ним все нормально и что он, скорее всего, просто отправился погулять по берегу. Что он скоро вернется. Я примерила саронг, который соорудила из огромной майки Луизы – разрезала ее спереди и подвязала веревкой. Так приятно было избавиться от бикини и реже надевать ужасные джинсовые шорты.

Я съела еще горсть жареных орехов и ушла в шалаш. Одежда, найденные на корабле, были изъедены молью и затхлые, но я была им рада по многим причинам. Когда поднимался ветер, я накидывала одеяло на плечи и закутывалась.

Но где же Грэй? Без него я чувствовала себя одинокой и немного побаивалась. Хоть я и мало его знала, но без этого мужчины мне было здесь не справиться. Неужели я перешагнула через какую-то запретную черту, спросив его про Селесту? Но вскоре я услышала снаружи шаги. Я села.

– Привет, – сказал Грэй, заглядывая в шалаш. Луна освещала его лицо.

– Ой, наконец-то ты вернулся! – радостно воскликнула я.

– Прости, что так неожиданно ушел, – сказал он. – Мне надо было побыть одному.

– Я понимаю, – сказала я, легко коснувшись его руки, когда он вошел в шалаш и лег рядом со мной. – Зря я спросила про нее.

– Думаю, что ты, как и все остальные, видела сообщения в новостях, – продолжал он. – Пожалуй, было глупо надеяться, что ты ничего не знала. Но я все-таки думал, что ты видела во мне нормального человека, а не...

– Ты о чем?

Он тряхнул головой.

– Ты хочешь сказать, что?..

– Грэй, я спросила тебя про Селесту только потому, что ты часто произносил ее имя во сне. Я догадываюсь, что она была...

– Да, это моя жена.

Я кивнула.

– Она умерла четыре года назад. Почти на таком же острове.

- Не рассказывай об этом, если тебе не хочется, – прошептала я.
Он покачал головой:
– Я хочу рассказать тебе свою историю.

7 июля 2004 года

– Грэй, милый, принеси мне бокал шампанского, – попросила она, взмахнув своими ресницами. Было ясно, что она из тех женщин, которые добиваются того, чего хотят, в любое время.

Ее муж улыбнулся и кивнул, взял пустой бокал и направился к бару. Он был спокойный, уравновешенный. Одним словом, доктор. Симпатичный, но совсем не ослепительный красавец. Он никогда не мог понять, что Селеста находила в дизайнерских сумочках. Но всегда дарил ей новые на Рождество и четырнадцатого мая, ко дню ее рождения.

– Еще бокал для леди? – спросил бармен.

Грэй кивнул, оглянулся и посмотрел на жену, сидевшую в дальнем конце стола рядом с сестрой, ее будущим мужем и горсткой людей, чьи имена он не запомнил, – все приехали на завтрашнюю свадьбу. Все взгляды, как всегда, были устремлены на Селесту. Она практически была королевой бала, что неудивительно. Селеста всегда была королевой бала. Но Грэй жалел ее сестру Клодину. Да, ей всегда не хватало обаяния ее старшей сестры. Нос у нее был чуточку великоват, а рот слегка маловат. Но это был ее предсвадебный ужин. Селесте нужно было держаться скромнее и незаметнее.

Грэй вернулся к столу. Жена хлопала его по руке, сказала «спасибо, дорогой» и, сделав большой глоток, повернулась к шаферу жениха – как-там-его, молодому адвокату из Нью-Йорка. Селеста быстро затеяла беседу. Когда поблизости оказался официант, Селеста показала на свой бокал, чтобы он снова наполнил его. Грэй и Клодина переглянулись.

– Селеста, – сказал Грэй, легонько кашлянув. – Может, нам пора уходить?

– Ах, милый, – ответила она. – Ты ведь знаешь, что я не сторонница твоего безумного больничного режима. – Она повернулась к этому-как-там-его: – Мой муж просыпается в шесть часов утра, даже когда не работает в больнице.

Как-там-его покачал головой:

– Я до полудня совершенно никакой.

– Я тоже, – поддакнула Селеста.

Грэй пожал плечами и посмотрел на Клодину, словно говоря:

я пытался.

– Тогда ладно, – сказал он, вставая, потом нагнулся и поцеловал жену в щеку. – Я пойду в бунгало.

– Не жди меня, милый, – сказала Селеста, хлопая ресницами.

Грэй прошел вдоль пляжа, мимо лужайки, где завтра должна была пройти свадебная церемония, мимо бассейна и бара к бунгало на пляже. На полу лежали, раскрытые, четыре огромных чемодана его жены. Он перешагнул через них, взял свой небольшой рюкзак и достал майку. Потом снял видео для своей матери, жившей в Денвере. Он любила это место. Они недолго поговорили по телефону и попрощались. Грэй достал флакон с лекарством из бокового кармана рюкзака, сунул пилюлю в рот, сделал глоток из бутылки с водой «Фиджи», стоявшей на столике, и закутал ноги простыней. Еще никогда рай не казался ему таким одиноким.

* * *

Грэй открыл глаза. В дверь бунгало громко стучали. Спросонья он ничего не понимал. Может, ему все снилось? Окончательно проснувшись, он увидел, что рядом с ним не было Селесты. Ему слабо вспомнился кошмарный сон. Кровь на его руках. Крики. Мольба на лице его жены. Он сел в постели с бешено бьющимся сердцем.

– Кто там? – Он вскочил с кровати и поискал на полу свои брюки. Надел их, застегнул молнию и отпер дверь. Там стояла Клодина. На ней лица не было. По ее щекам текли слезы, смешанные с черной краской для ресниц.

– Селеста умерла! – воскликнула она.

* * *

– Грэй, ох, я... не знаю, что и сказать.

– Ее убили, – продолжал он.

– Кто?

– Мы не знаем, – ответил он. – Но у меня есть подозрения.

– Я... у меня нет слов.

– Не надо ничего говорить, – вздохнул он.

Мы надолго замолчали, потом я снова задала ему вопрос:

– Вы были счастливы?

– Когда-то давно – да, были.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда мы только что познакомились, – ответил он. – Тогда она была другой. Не такой материалисткой и пресытившейся особой, какой стала потом. Когда мы познакомились в колледже, в ее словаре не было слов «Луи Виттон». Она была милой, простенькой девочкой из Айовы. Селестой Литлтон. Он улыбнулся.

– Она так изменилась? Почему?

– Вероятно, по моей вине. Я много работал. Уходил в шесть утра и иногда возвращался домой около полуночи. На нее у меня почти не оставалось времени.

– И она была недовольна?

Он кивнул:

– Я пытался найти способ вернуться к тому, с чего мы начинали, но после всех лет это было... слишком поздно.

– Мне жаль, – вздохнула я.

Он отвернулся.

– Грэй, – сказала я после паузы, – почему ты отправился в круиз?

Он улыбнулся себе под нос.

– В наш медовый месяц мы ездили в такой же круиз. Мне хотелось вспомнить, как все было... в счастливые времена.

Я кивнула.

– Кстати, – сказал он, привстав, – как твой лоб? – Я почувствовала кожей его пальцы, и мое тело наполнилось зарядом энергии, какого у меня не было со времен... Эрика. Я скучала по таким прикосновениям. Я скучала по... любви.

– Лучше, – сказала я, застыв, не шевелясь, когда его рука переместилась с моего лба на голову и ласково погладила мои волосы. А я закрыла глаза и думала, какую боль он носил с собой после смерти жены. Мы лежали и смотрели друг на друга, потом я, поддавшись порыву, дотронулась до его щеки, а его рука скользнула с моей головы на шею. Он провел пальцем по моей ключице, и меня внезапно пробил от головы до пальцев ног электрический разряд.

Грэй прижал меня к себе, и я уступила, с наслаждением ощущая его тело, прижавшееся ко мне. Я чувствовала его всего, целиком, и когда его губы сблизились с моими, я не сопротивлялась.

Наше прошлое было скорбным. Наше будущее неизвестным. Но одно не вызывало сомнений: сейчас мы нуждались друг в друге.

* * *

На следующее утро, когда я открыла глаза, я почувствовала губы Грэя

на моей щеке.

– Привет, – улыбнулся он.

– Привет, – прошептала я. Где-то недалеко закричала морская птица. Я вспомнила, что случилось прошлой ночью. Руки Грэя, обнимавшие меня, его поцелуи, мои крики. На моей ноге засохла кровь, но он ничего не сказал о моих месячных.

Я внезапно села, подумав об Эрике. Подумав о моем муже.

Грэй тоже сел.

– Все в порядке?

– Нормально, – ответила я. – Все нормально. – Я встала, стесняясь, прикрыла свое голое тело майкой и обтрепанными шортами и вышла наружу, чтобы одеться снаружи. – Сейчас я займусь завтраком.

Я хлопотала у огня. Через некоторое время Грэй подошел ко мне.

– У меня для тебя сюрприз. – Он держал руку за спиной.

– Что?

Он показал мне небольшую рыбку, с ее плавников текла свежая кровь.

– Это групер, морской окунь, – сказал он. – Во всяком случае, я так думаю.

Я кивнула.

– Я только что проткнул его перочинным ножом. Он плавал в луже, оставшейся от прилива.

– Ого, – бесстрастно отозвалась я. – Спасибо.

– Ты не рада? – спросил Грэй, обиженно посмотрев на меня, и сел рядом.

– Нет, – ответила я, – то есть да, конечно рада. Просто... слушай, то, что было ночью... не должно повториться. Я замужем. Я...

– Это не повторится, – ответил Грэй строгим тоном, словно разговаривал с сиделкой в больнице.

Он вытащил из рыбы нож, оставил ее на камне у костра и снова ушел на берег.

* * *

Грэй вернулся к вечеру с четырьмя рыбинами. Две мы поджарили на огне и молча поужинали. Остальных я предложила провялить на камнях, и Грэй согласился. У нас будет вяленая рыба. Он спокойно разделал окуней на филе, а я притащила с берега топливо и сложила его возле нашего укрытия. Молчание между нами было просто оглушительным, а я, как ни пыталась, не могла выбросить из головы прошлую ночь. Запретную и одновременно чудесную. Когда он разделял ножом рыбу, я невольно

любовалась игрой мускулов на его руках. Он взглянул на меня, и когда наши глаза встретились, у меня запылали щеки. Я быстро отвернулась.

Глава 14

Я заснула до того, как Грэй вернулся в лагерь. На следующее утро, когда я проснулась, он спал рядом со мной. Я смотрела, как вздымалась и опускалась его грудная клетка – размеренно, словно чириканье птиц в кроне дерева и удары волн о берег, – вдох и выдох, вдох и выдох. Он пошевелился, а его лицо мгновенно изменилось, стало напряженным. Интересно, как проходила его жизнь дома. Я подумала про боль, печаль, которые он носил с собой. Я видела их в его глазах с первого вечера, когда я встретила его на лайнере, они не покидали его на острове. Но в ту ночь... они ненадолго покинули его.

Я крепко сжала веки и открыла глаза снова, словно пытаюсь изгнать воспоминания, чувства, которые так отчаянно просили, чтобы я их вспоминала, чувствовала снова и снова. Грэй пошевелился.

– Доброе утро, – поздоровалась я, когда он открыл глаза и посмотрел на меня долгим взглядом.

– Доброе, – ответил он, зевая, и сел. – Я вот что подумал, – продолжал он. – После завтрака давай сходим к кораблю и посмотрим, можно ли там спасти что-нибудь еще. Я хочу построить для нас новое жилье, а то скоро начнется сезон дождей.

– Ладно, – сказала я. Он встал и пошел в то место на берегу, которое мы уважительно называли «туалетом». Я потянулась, тоже вышла из шалаша и помешала угли в костре. Когда Грэй вернулся, мы перекусили моллюсками и манго.

Рыба вялилась на солнце, и через неделю она станет нам хорошим обедом, если мы сможем уберечь ее от птиц. Грэй предложил ее немного закоптить, каждый день понемногу держа филе над огнем.

– Я вот что думаю, – начала я, раскрыв раковину и с тоской вспоминая масляно-лимонный соус, в который так вкусно макать мясистую сердцевину.

– Что? – спросил Грэй, поднимая глаза от сочного манго.

– Кот, корабль, беглец с его чемоданом... – Я замолчала, собираясь с мыслями. – Может, у них есть что-то общее?

Грэй прищурил глаза:

– Например, что?

– Возможно, – продолжала я, – каждый человек, каждое существо убегали или сбежали от чего-то, поэтому и попали сюда.

Грэй пожал плечами:

– Не знаю. По-моему, тут большая натяжка. К тому же твои слова говорят о том, что ты тоже убегала от чего-то.

– Это не так, – ответила я, думая об омраченной жизни Грэй и о моей. Я подумала о моей операции, о страшной правде, которую я утаила от Эрика. Секреты. Да, у каждого из нас свои секреты. Возможно, у обитателей этого острова они были всегда. Может, этот остров – гавань для секретов, глубоких и темных. Может, он жаждет их, притягивает их к себе словно магнит. Может, как раз поэтому мы и оказались здесь.

– Слушай, – сказал Грэй, вставая. – Ты можешь говорить про этот остров, про чертова кота и про все остальное что угодно, но никогда не намекай, будто я от чего-то сбежал. Мне нечего прятать. – Он швырнул в кусты недоеденный плод манго и взял в руки нож. У меня побежали по спине мурашки.

– Давай, пора идти! – рявкнул он. – Если повезет, мы вернемся до темноты.

* * *

По дороге к кораблю мы практически не разговаривали. Грэй, казалось, глубоко задумался, я тоже. Внезапно я перестала вообще что-то понимать. Я была растеряна больше прежнего, меня терзала паника за мое будущее, я уже сомневалась, выживу ли я здесь. Услышав мяуканье Мака, я наклонилась и погладила его, радуясь его компании. Мы остановились, перекусили жареными моллюсками и сушеными манго и продолжили путь.

Бабочка глубокого синего цвета пошевелила крыльшками, усевшись на ветку возле меня, потом полетела впереди нас, словно показывая дорогу. Через несколько мгновений показался старый корабль.

– Это действительно нечто, – сказал Грэй, остановившись, чтобы посмотреть на него. Он сделал глоток и передал воду мне. Я поежилась, вспомнив, как недавно ему пришлось зашивать рану на моем лбу, и порадовалась, что мне уже лучше и что все заживало быстрее, чем я думала.

– Вот как он очутился здесь, так далеко от берега? – продолжал Грэй. – Вероятно, волна была огромной, невиданной силы.

Я кивнула, обходя вокруг кормы корабля, но замерла на месте, когда услышала поблизости явственный звук шагов.

– Грэй! – окликнула я его полусшепотом.

Он прибежал ко мне.

– Все в порядке?

– Я что-то слышала, – сообщила я. – Как будто шаги.

– Вероятно, это Мак, – сказал он, показывая на нашего кошачьего друга, который мурлыкал рядом со мной.

– Нет, – возразила я. – Это был не Мак. Кот все время был рядом со мной.

– Тогда, может, еще какое-нибудь животное. Тут наверняка водятся животные, с которыми мы пока еще не встречались. Даже дикие кабаны.

Я кивнула, опасливо огляделась вокруг и подошла поближе к нему.

– Как ты думаешь, тут живут другие люди, кроме нас?

Грэй пожал плечами:

– Сомневаюсь. Мы уже обошли несколько раз этот остров и заметили бы следы других людей.

Я кивнула и внимательно посмотрела на корабль, стараясь найти на нем какие-нибудь отметины для его идентификации. Ржавый металл, облезающая полосами краска, чудовищно поврежденный корпус. Но потом я отвела ветку пальмы от бока корабля и сразу увидела черные буквы, во всяком случае то, что могло быть буквами когда-то давно.

– Смотри, – сказала я, – по-моему, это название корабля.

– U.S.S., – прочел он, прищурясь и пытаясь разобрать остатки названия. – Ци...

– Цикло... сложила я и помолчала, обдумывая результат. – Циклон?

Грэй покачал головой:

– О господи.

– Что?

– Шарлотта, я думаю, что это тот самый «Циклоп».

Я покачала головой, не понимая, что он имел в виду.

– Я когда-то читал об этом, – сказал он. – «Циклоп» пропал, кажется, в 1920 году, ну, примерно в то время. На борту находились сотни моряков. Последний радиосигнал пришел из Бермудского треугольника. Это одна из крупнейших нерешенных загадок в истории ВМФ США и по сей день.

Я пожала плечами:

– Но это невозможно.

– Возможно, – сказал Грэй, погладив ладонью остатки букв, потом удивленно покачал головой.

– За все это время никто его не нашел, – сказала я.

– Поверь мне, – сказал Грэй, – не потому, что его не искали. В конце семидесятых правительство возобновило поиски «Циклопа». На выяснение того, что с ним случилось, ушли миллионы.

Я нахмурилась:

– Ты понимаешь, что это значит, не так ли?

Он мрачно кивнул.

Мои глаза наполнились слезами.

– Если весь морской флот не смог отыскать этот корабль, нас вообще никогда не найдут.

Он слегка дотронулся до моего плеча.

– Не плачь, Шарлотта.

– Почему не плакать? – сказала я дрожащим голосом. – На что нам надеяться? Зачем жить?

Его рука спустилась по моей руке к пальцам. Он переплел свои пальцы с моими.

– У нас есть этот день, – сказал он. – И другие дни, если нам повезет. У нас есть эта жизнь. И хотя она проходит не дома, хотя она проходит на этом богом забытом острове среди неизвестно чего, у нас есть этот остров.

Я с сомнением подняла на него глаза.

– Хотелось бы мне обладать твоим оптимизмом.

– Это не оптимизм, а правда. Мы можем позволить ей нас уничтожить, или мы можем принять ее. – Он взял другую мою руку. – Мы здесь и пока что никуда не собираемся. Так что давай распорядимся ею как можно разумнее и конструктивнее.

Я кивнула, но потом отвела глаза в сторону. Он взял меня за подбородок и заставил посмотреть на него.

– Обещай мне, что ты тоже будешь стараться.

– Я... обещаю, – ответила я.

– Хорошо. Теперь давай посмотрим, что можно взять с этого корабля.

* * *

Мы провели несколько часов, вытаскивая из корабля испортившиеся припасы. Ящики, наполненные банками бог знает чего. Длинные деревяшки. Крепко свернутые рулоны парусины, перевязанные веревками. Сундук с ржавым замком, который Грэй легко открыл, а когда он это сделал, я уселась рядом с ним на корточки.

Я вытаращила глаза, когда мы увидели его содержимое: письма, перевязанные шпагатом, кажется, многомесячная (многолетняя?) переписка между миссис Идой Фриленд и мистером Максом Морганом. Кто он был, капитан корабля или просто член команды? Фотография красивой девушки-испанки, вся в пятнах сырости, и несколько других официальных документов в конвертах с машинописной надписью.

– Тут для нас нет ничего ценного, – сказал Грэй, закрывая крышку сундука.

– Подожди, – сказала я. – Давай хотя бы возьмем письма.

Он странно мне улыбнулся:

– Зачем?

– Кто знает. – Я пожала плечами. – Может, их интересно будет почитать.

Я протянула руку за письмами, но тут мои пальцы наткнулись на что-то твердое, лежавшее под ними: на книгу в кожаном переплете. Но это был точно не роман. Страницы были исписаны красивым, стремительным почерком, таким затейливым и выцветшим, что я с трудом разбирала слова.

– Грэй, – крикнула я. – Кажется, я нашла чей-то дневник.

Он заглянул мне через плечо, и я открыла первую страницу, датированную 7 марта 1918 года.

«Пожалуй, сегодня самый подходящий день, чтобы начать дневник. Шторм, шторм. Мой предыдущий дневник пропал в Рио. Скорее всего, он был украден. Жалко, честное слово, потому что пропали все мои наблюдения за флорой и фауной за последние пять лет, вероятно, их выбросили в море. Возможно, это сделал тот хитрый лейтенант с «Квинс» или, может, чин повыше – капитан-лейтенант Эймс, который никогда меня не жаловал. Этот морской поход, кажется, не задался, а то и был проклят, с того самого дня, когда я взошел на борт. Сначала короткое замыкание в столовой, и мы ели при свечах, потом крысы в грузовом трюме, и вот... открытие, о котором мне даже страшно писать. Прошлой ночью, когда я вышел на нижнюю палубу подышать воздухом, я услышал женский крик. Поначалу я решил, что мне это почудилось. В конце концов, в последний раз я видел женщин много месяцев назад, в Рио. Но крик этот не выходил у меня из головы, и когда мой сосед по койке уснул, я поднялся на верхнюю палубу. Дверь в капитанскую каюту была приоткрыта достаточно, чтобы я мог увидеть, что там внутри. В свете лампы я увидел девушку, ну, молодую женщину, вероятно, испанку. Ей было не больше 17 лет. Одежда на ней была разорвана. Женщина была привязана к стулу, а во рту у нее был кляп».

Я остановилась и посмотрела на Грэя:

– Ты можешь поверить этому?

– Жуть, – сказал он.

Я попробовала читать дальше, но чернила расплылись от воды, а почти вся нижняя треть страницы была покрыта плесенью. Наконец я нашла более понятное место и продолжала читать вслух.

«Я не знал ни слова по-испански, но как-то завоевал ее доверие. Ее звали Эстелла. Когда мне удастся, я приношу ей из столовой еду. Теперь надо понять, почему ее держат пленницей на нашем корабле... и почему оставили в живых.

** * **

Вероятно, капитан теряет рассудок. Прошлым вечером кто-то из команды видел, как он разгуливал без штанов, но в головном уборе и с тростью. Это крайне огорчительно для всех нас. Когда прошлым вечером я ходил проведать Эстеллу, я слышал, как он говорил с Эймсом о «сокровище». Он часами стоял над картами. «Оно должно быть где-то здесь, – сказал он. – Мы можем быстро забрать его, никто и опомниться не успеет. Девчонка знает, где оно, но не хочет говорить». Эймс кивнул и предложил немедленно избавиться от нее. К счастью, капитан не согласился. «Она может еще быть полезной».

Я подняла глаза от дневника и нахмурилась.

– Почему ты перестала читать? – спросил Грэй, наклоняясь ко мне ближе.

Я перелистала остальные страницы и закрыла дневник.

– Это все, что было. Дальше чистые страницы.

Грэй поднял брови:

– Как ты думаешь, что с ним случилось?

Я покачала головой:

– Может, капитан обнаружил, что за ним шпионят, и убил его?

– Возможно.

Я взяла фотографию женщины. Меня поразили ее глаза – такие печальные и затравленные.

– Как ты думаешь, это она? – Я протянула фотографию Грэю. – Эстелла?

– Возможно, – согласился он. – Боже, как все ужасно.

– Вот видишь, – сказала я многозначительно.

– Что вижу?

– У всех, кто попадал на этот остров, было какое-то свое прошлое.

Грэй покачал головой:

– Не верю.

– А я верю. – Я тяжело вздохнула. – И вот почему.

Он посмотрел на меня.

– Я должна тебе что-то рассказать. Про мою тайну.

Грэй насторожился и нахмурил брови.

– Я утаила от своего мужа важную вещь.

– Что ты имеешь в виду?

Я на миг закрыла глаза и увидела лицо Эрика, такое красивое, радостное. Он протянул ко мне руки. Я крепче зажмурила глаза, чтобы подольше сохранить это дорогое воспоминание, словно рамку от реалити-шоу моей жизни. Но тут я почувствовала на своем плече руку Грэя.

– Я не могу иметь детей, – сказала я.

Он покачал головой, словно ничего не понял.

– Ты уже знаешь про мою гистерэктомию. Гинеколог обнаружил у меня полипы и кисты, вся матка и яичники покрыты ими. Поэтому другого выхода не было. – Я вытерла слезу, побежавшую по щеке. – Я не могу иметь детей.

Он взял меня за руку.

– Эрик ничего не знает. Я не сказала ему об этом.

– Ты боялась. Это можно понять.

– Но я должна была сказать ему, – возразила я. – К тому же это стало известно еще перед свадьбой. А он хочет детей. Он стал бы превосходным отцом. С моей стороны это было обманом, предательством. Худшим обманом.

Грэй пристально смотрел на меня.

– Но ведь недавно у тебя...

– Да, конечно. Но почему? Ведь это невозможно.

Глаза Грэя на миг устремились куда-то в небо, но он тут же посмотрел на меня.

– Здесь что-то еще.

– Что?

– До того, как мы попали сюда, – он с трудом сглотнул, – у меня была... болезнь.

– Какая болезнь?

– Острый тенденит правой руки, – сказал он. – Звучит не очень страшно, если ты не оперирующий доктор и твоя рука не работает так, как должна работать. – Он разжал руку и сжал ее в кулак. – А теперь боль прошла. Полностью.

– А твоя астма...

– Мне кажется, здесь что-то происходит, – кивнул Грэй. – Нечто за пределами нашего понимания.

Мои руки покрылись гусиной кожей. Я подумала, нет ли в истории Грэя чего-то еще. Может, дело вовсе не в тендените?

– Я жалею, что ничего не сказала Эрику. – Я вздохнула.

Он взял меня за руку, я не отдернула руку.

– Плюнь ты на это.

– Что ты имеешь в виду? – Я удивленно посмотрела на него.

– Я сказал тебе просто и ясно: плюнь на это.

Я вздохнула.

– Мы с тобой на острове, – продолжал он, – боремся за то, чтобы выжить. Чтобы встретить следующий день. Я считаю, что ты должна простить себя. – Он помолчал. – Я бы тебя простил.

– Правда? – Я сжала его руку.

Он кивнул. В его лице было столько нежности, прощения, желания утешить, что мне захотелось быть с ним близкой. Наши руки уже переплелись. Наши тела тоже сблизились, как две половинки целого, которые должны быть вместе. Неодолимая сила тянула нас друг к другу, в наших сердцах бурлила страсть.

– Я уже давно полюбил тебя, – сказал Грэй, не отрывая от меня глаз.

По моей щеке потекла слеза. Мне казалось, что меня покинули силы. На какой-то миг я онемела, но кое-как смогла вымолвить несколько слов.

– Я знала это, – сказала я. *Когда это случилось? Как два чужих человека могли полюбить друг друга? У нас обоих позади была сложная жизнь, но на острове все стало проще. Любовь тоже проще.*

– Знаешь, – продолжила я и улыбнулась, – я даже не знаю твоей фамилии.

– Лоутон. А твоя?

– Грин, – сказала я. – Вообще-то она была такой до...

Он дотронулся пальцем до моих губ, потом поцеловал меня, сначала нежно, но потом все с нарастающей страстью, голодной страстью. Мы оба знали, что это любовь, пожалуй, даже больше, чем любовь.

Глава 15

Палм-Спрингс, 24 апреля 2007 года

– Моя мама сказала, что нам надо остановиться и выпить финиковый молочный коктейль, – сказала Габби, высовывая правую руку из окна взятого напрокат серебристого «Мустанга Конвертибль». Она плавно взмахивала рукой в теплом воздухе, словно воображаемый акваплан, несущийся на волне.

– Финиковый молочный коктейль, да? – спросила я, крепко держа рулевое колесо. Мы с Габби были абсолютно разными, какими только могли быть две лучшие подруги, но наши различия никогда не могли помешать нашей любви друг к другу. Сейчас мы ехали в «Мустанге»

в Палм-Спрингс на музыкальный фестиваль «Коачелла». После разрыва с Полом она решила, что поездка – это то, что как раз ей и надо. Музыка, долгие поездки, холодные коктейли под звездами – лекарство от уныния под названием «Палм-Спрингс».

– Да, – продолжала она. – Я думаю, это старинное место притяжения. Моя мама ездила туда каждый год на Рождество с семьей, вот даже как.

Через двадцать минут, соблазненная придорожной рекламой упомянутых молочных коктейлей с финиками, я остановила машину, и мы заглянули в кафе, которое, похоже, не изменилось с 1964 года.

Габби шикарно выглядела в богемном сарафане с открытой спиной и в коричневых сандалиях. Мы нашли столик и пару стульев на улице в тенистом месте и сидели, потягивая сладкие, кремовые и по-настоящему божественные коктейли.

– У меня никогда не будет того, что есть у тебя, – вздохнула она.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Ну, того, что у тебя есть с... Эриком.

– Перестань, – заявила я. – Все у тебя будет.

– Знаешь, я не то чтобы не радовалась за тебя. Я рада. Честно, Шар, я очень и очень рада, что летом у вас будет свадьба. Просто... ну...

– Трудно радоваться, когда тебе самой больно, – сказала я. – Мне все понятно, и не нужно извиняться. – Прошло всего два месяца, после того как Пол ушел от нее после трех лет близких отношений – причем сообщил об этом в письме, – а у Габби не было заметно никаких признаков исцеления.

Она кивнула, глядя на бесплодную землю за обочиной дороги, на пятна кактусов.

– Просто я вижу повсюду счастливые пары и не знаю, будет ли у меня когда-нибудь счастье.

– Будет, – уверенно пообещала я. – Я уверяю тебя, будет.

– А вдруг нет, и я превращусь в чокнутую старуху, которая живет в Аризоне с четырнадцатью кошками и коллекцией хрусталя?

Я едва не подавилась молочным коктейлем от смеха.

– Коллекцией хрусталя?

– Но я правда этого боюсь, Шар, – сказала Габби. Ее мимолетная улыбка снова сменилась хмурым унынием. Она наклонилась ко мне поближе. – Как ты узнала, что Эрик был настоящим? Потому что я думала, что Пол такой, но, очевидно, я ошиблась.

– Понимаешь, – сказала я, – это не было как разряд молнии или что-то подобное. Скорее просто выбор.

– Выбор?

– Да, – продолжала я. – Я хочу сказать, что это звучит не слишком романтично. Пойми меня правильно, я очень люблю Эрика и думаю, что он идеально подходит для меня, но, пожалуй, я хочу сказать, что, в конце концов, за твою жизнь сотни, может, даже тысячи людей задевают твое сердце, но дело вот в чем: у нас только одна жизнь, и все дело в выборе. Все сводится к тому, какого человека мы выбираем, чтобы вместе с ним прожить жизнь. Эрик выбрал меня, а я его.

– Тебе не кажется, что должно быть что-то еще? – спросила Габби.

– Что? Душевная близость, рука судьбы, все такое?

Она кивнула.

– Я не уверена, – честно призналась я. – Но совместимость точно должна быть.

– Да, – согласилась Габби. – Эрик такой веселый.

– Да, точно. И я никогда не смогу быть рядом с унылым человеком, с которым не посмеешься.

– Я тоже, – поддакнула Габби. – Пол редко меня смешил. Пожалуй, слишком редко.

– Вот видишь, – улыбнулась я. – Ты начинаешь видеть свет в конце туннеля.

Она бросила пластиковый стакан в контейнер для мусора, и мы пошли к машине.

– Вероятно, мне что-то подмешали в коктейль.

* * *

Мы поселились в отеле, стареньком, но чистом, на окраине Палм-Спрингс, потом лежали возле бассейна. Габби выглядела стройной в розовом, цветастом бикини.

– Ты великолепна, – сказала я, глядя на ее худенькую фигуру. Себе я поклялась сбросить к свадьбе десять фунтов.

В сумке зазвонил телефон. Я увидела номер Эрика.

– Эй, – сказала я.

– Привет, детка. Как у вас дела?

Я переглянулась с Габби и улыбнулась.

– Две девушки нежатся возле бассейна.

– Сделай селфи и пришли мне!

– Хорошо!

– Так вы идете сегодня на музыкальный фестиваль?

– Да, – сказала я. – Габби хочет послушать группу Bright Eyes и еще

некоторых исполнителей. – Я повернулась к ней: – Как имя того парня, которого ты хочешь опять увидеть?

– Джошуа Радин, – сказала она. – А можно мне поговорить секундочку с Эриком? Я хочу спросить у него одну вещь.

– Конечно, – сказала я, протягивая ей телефон.

– Эй, горячий парень, привет, – пропела она в трубку, скорчив мне рожицу. – Да-да, я буду сегодня вечером защищать твою женщину от легионов наркоманов и пьянчуг. Не беспокойся.

Я листала журнал, а Габби расспрашивала Эрика о должности проектного менеджера в его компании; ею интересовалась ее подруга по работе. Я не слушала ее и высматривала в кулинарном разделе рецепты, которые могли бы понравиться Эрику, ведь он всегда был разборчивым в еде. Я радовалась, что лучшая подруга и жених так хорошо ладили друг с другом. Прошлой осенью они даже несколько раз встречались тайком за ланчем, обсуждая, какое кольцо Эрик мне подарит. Габби даже давала ему советы, как сделать мне предложение. Я всегда буду ей благодарна, что она отговорила его от идеи, чтобы торжественный обед проходил под виолончельную мелодию «Люби меня нежно»^[6]. Нет-нет, я с самого детства любила эту песню, но если бы ее исполняли на виолончели, то я бы не знала, куда мне деться от неловкости.

Через пять минут Габби вернула мне телефон, но, когда я приложила его к уху, Эрик уже отключил связь.

– Ему надо было звонить куда-то еще, – сообщила Габби.

– Ну и ладно, – я убрала телефон в сумку. – Подожди-ка. – Я снова его достала. – Эрик хотел, чтобы я сделала селфи.

Габби села, взяла сумочку и достала компактную пудру и помаду.

– Но ведь это всего лишь для Эрика, – удивилась я.

– Ну и что? Я все равно не хочу выглядеть как старуха. Подожди, я только накрашу губы.

Я с насмешливым видом закатила глаза. Уж я точно не думала ни о какой помаде.

– Ну вот, – пропела Габби, слегка взбила волосы и приняла томную позу на шезлонге. – Готово.

Я подвинулась к ней ближе и выставила телефон перед нами. Мы улыбались, я щелкала, потом мы просмотрели фотки.

– Нет, – заявила она, ткнув в экран. – Только не этот. Я получилась ужасно.

Я покачала головой, пролистала еще несколько снимков, и она наконец остановилась на таком, который ее больше всего устраивал. Я и послала его

Эрику.

Он немедленно написал: «Две красотки», о чем я сообщила Габби. Она радостно улыбнулась, встала и раскинула руки. А ее ноги были длинными, словно река Амазонка, и загорелыми.

– Давай пойдём поплаваем, – предложила она.

Я отложила журнал и подошла к краю бассейна. Мы с ней прыгнули в него с брызгами и воплями радости, будто маленькие дети.

* * *

«Коачеллу» можно описать в трех словах: дымно, громко и жарко. На второй день мы решили туда не ходить, а прокатиться на велосипедах по центру Палм-Спрингс, где-нибудь перекусить и прошвырнуться по магазинам и лавочкам. Габби любила старинные вещи, и ее лицо озарилось, когда она увидела в боковой улочке антикварную лавку.

– Давай посмотрим, может, найдем какие-нибудь сокровища, – зашебетала она. Мы пристегнули велосипеды к столбу и пошли по улочке. Я радовалась, что она немного приходила в себя.

– Может, хрусталия прикупим, – пошутила я.

Лавка была полна реликтов из чужих жизней: стопки пепельниц ар-деко, бокалы для мартини, приставные столики 50-х годов и диваны. Габби тут же влюбилась в барную тележку и стала обсуждать с владелицей лавки, как доставить ее домой. Я тем временем прошла в глубину торгового зала, где заметила что-то ярко-синее на угловом столике. Под стеклом в деревянной рамке была бабочка с такими синими крыльями, каких я не видела в своей жизни. Я мгновенно перенеслась мыслями в дом моих родителей в Поулсбо, штат Вашингтон, где я выросла. Мне было десять лет, и я кормила сахарной водой с деревянной зубочистки бабочек-монарх, которых мой папа заказывал по каталогу.

– Ох! – воскликнула Габби, подходя ко мне. – Ты только посмотри! Какая красота! Если ты не будешь ее покупать, тогда куплю я.

– Нет-нет, я куплю. – Я взяла бабочку со стола и направилась к кассе.

– А-а, бабочка, – сказала хозяйка, немолодая женщина. – Этим утром я сказала своему мужу Теду, что тот, кто купит ее, заслуживает специального бонуса.

Я удивилась.

– Вам разве не известна легенда о синей бабочке?

Я покачала головой:

– Кажется, нет.

Женщина поправила очки в темной оправе. Мы с Габби внимательно

слушали ее.

– Синие бабочки встречаются очень редко, и легенда гласит, что они символизируют перемену в судьбе. Некоторые люди даже думают, что синие бабочки исполняют желания.

– Ничего себе! – удивилась я, протягивая ей кредитную карточку. – Я никогда не слышала об этом.

Она завернула рамку в газету, закрепила края липкой лентой и протянула мне покупку вместе с карточкой «Виза».

– Будьте с ней поаккуратнее, – сказала она. – Мне даже жаль, что теперь ее не будет в моем магазине, но, как всегда говорит Тед, я не могу оставлять у себя все сокровища, которые нахожу. – Она посмотрела на меня долгим взглядом. – Кроме того, мне кажется, что вам эта бабочка пригодится.

Я улыбнулась, сунула рамку под мышку, и мы с Габби вернулись к нашим велосипедам.

Глава 16

Зарубки, которые Грэй делал на дереве, покрывали теперь нижнюю половину ствола. Три месяца сухой погоды сменились дождями, и мы решили соорудить более надежное укрытие. Мы принесли с корабля в наш лагерь инструменты и куски древесины и теперь целыми днями строили нечто, похожее на дом. Четыре стены, крыша – и даже дверь, благодаря петлям, которые Грэй нашел на корабле.

Теперь у Грэя была густая борода. Мы загорели и еще больше похудели, чем нам хотелось бы. Как-то вечером, когда мы сидели у костра, я пошутила, что когда мы вернемся домой, то заработаем миллионы, продвигая «Островную диету».

– Ты только подумай, – фантазировала я, – миллионы богатых женщин, недовольных лишним весом, сменяют протеиновые коктейли и велотренажеры на жареных муравьев, сушеные манго и тяжелую работу под солнцем.

– Этот бестселлер принесет «Нью-Йорк таймс» гарантированную прибыль, – улыбнулся Грэй.

В эти дни мы почти не говорили о доме. Мысль о том, что мы покинем остров, казалась все менее реальной с каждым закатом. Я все еще искала глазами самолеты в небе и осматривала горизонт – не появится ли там судно. Но все тщетно. Дни мы заполняли всякими делами. Искали пищу. Ночами сидели, обнявшись, и смотрели на звезды, называя неизвестные нам созвездия придуманными именами. Одно я назвала миссис Эллисон в честь моей учительницы. Грэй назвал маленькое, тускловатое созвездие

Дюк в честь собаки, которая была у него в детстве.

Однажды ночью хлынул ливень, и мы с Грэем прибежали в наше укрытие, или «новый дом», как мы его теперь называли.

Я положила голову на подушку, набитую травой, и вдруг почувствовала под ней что-то твердое.

– Что это? – Я села и пошарила под подушкой. Пальцы нащупали что-то похожее на гладкий камень. Вообще-то их там было несколько, и я взяла один из них в руку.

– Ты не должна это видеть, – сказал он, выхватывая у меня непонятный предмет.

– Почему?

– Глупая, это сюрприз для тебя.

– Значит, теперь уже не сюрприз.

– Ну ладно, – вздохнул Грэй. – Ты в детстве тоже всегда портила себе впечатление от рождественских подарков?

– Хватит, ну скажи мне, что это такое! – засмеялась я.

Он приподнял подушку и показал мне кучку морского стекла. Я их собираю, – сказал он, выбрал несколько стеклышек и показал мне. При лунном свете я увидела их нежный цвет – бледно-розовый, светло-зеленый.

– Какие красивые, – сказала я.

– Я хочу сделать для тебя мозаику.

– Ничего себе! – Я была тронута. – Но как?

– На той стороне острова растут несколько сосен. Я наберу смолы, растоплю, смешаю с углем с «Циклопа», и получится клей. Когда-то так его делали индейцы.

Я улыбнулась:

– Не знаю, что меня больше поразило: факт, что тебе известно, как делали клей индейцы, или то, что ты планируешь сделать мне такой необыкновенный подарок. – Я сжала его руку. – Спасибо.

Он нежно поцеловал меня, и мы снова легли, но я так и не смогла успокоиться.

– Я совсем про них забыла, – сказала я, глядя на пачку писем, которые мы принесли с корабля.

Грэй сел и зажег керосиновую лампу, обнаруженную на корабле, одной из многих спичек, которые лежали в чемодане Эдварда Гантера. Потом он пошарил в нашем маленьком доме – размером в лучшем случае с небольшой шкаф-купе – и нашел то, что искал.

– Вот, – сказал он, протягивая мне другую пачку писем.

– Прочитать их вслух?

- Как сказку на ночь? – усмехнулся он.
– Да. – Я вытащила первое письмо.

*2 ноября 1917 года
Дорогой Макс!*

Мне кажется, неправильно, что я даже пишу тебе. Мне стыдно, что я позволила нам зайти так далеко в ночь перед твоим отъездом, стыдно еще и перед Бобом. Но все было волшебным, и я все время думаю о тебе, и, ну, Макс, все так... непонятно. Как тебе известно, я должна была этим летом выйти замуж за твоего брата. Должна была пройти к алтарю и поклясться любить его до смерти. Но как смогу я дать эту клятву, если мое сердце принадлежит другому? Если мое сердце отдано тебе?

Не беспокойся. Боб не знает. Сегодня он повезет меня на обед в «Палмс». Я надену новое платье, которое он даже не заметит. Ты ведь знаешь, что твоего брата не интересуют такие вещи. Ему интересны только бизнес и сигары. Я буду очень стараться быть приветливой, но все время я буду думать о тебе. Это ужасно и в то же время чудесно.

Я сижу в своей спальне, она наверху, над кухней. Я была там, когда ты помахал мне рукой с дороги – это был наш последний миг, и потом ты вышел в море на «Циклопе». Я включила радио и сидела одна, слушала музыку и плакала так сильно, что на маминой любимой кружевной подушке остались пятна.

Макс, увижу ли я тебя снова? Я молюсь, чтобы увидеть. Пожалуйста, напиши мне и скажи, что ты думаешь обо мне.

Твоя Ида.

– Да, – проговорила я, кашлянула, прочищая горло, и взялась за следующее письмо. – Теперь послушай ответ ее возлюбленного.

– Жду с нетерпением, – пошутил Грэй.

*19 ноября 1917 года
Дорогая Ида!*

Когда сегодня пришла почта в Нортпорт в Новой Шотландии, я едва сдерживал свое волнение. Я молился, чтобы от тебя пришло письмо или хотя бы открытка – что угодно, чтобы я знал, что ты думаешь обо мне так же много, как я думаю о тебе. И потом я увидел конверт с моим

именем, написанным самым красивым в мире почерком. Я понял, что это письмо от тебя, и не ошибся. Видела бы ты мое лицо! Два человека, стоявшие рядом, посмеялись надо мной.

Ида, прежде всего позволь мне сказать тебе, как мне жаль, что наша встреча поставила тебя в такое затруднительное положение. Я испытываю такой же стыд, о котором ты пишешь, и все-таки разве неправильно, что этот стыд, у меня во всяком случае, оттесняется на задний план огромной радостью встречи с тобой? Ида, я всю жизнь ждал встречи с такой женщиной, как ты. Я мечтал о тебе. Я молился о тебе. И вот ты появилась предо мной, под руку с моим... братом.

Ты права, Боб не наделен тонкими чувствами и фантазией. Ты никогда не будешь счастлива с ним, а я очень опасаясь, что моя военная служба затянется на слишком долгий срок. Я боюсь просить тебя, чтобы ты меня ждала, и все-таки я не могу этого не сделать. Ты будешь меня ждать, моя сладкая Ида? Будешь?

Мое сердце принадлежит тебе.

С любовью,

Макс.

– Он украл невесту у своего брата! – воскликнул Грэй, качая головой.

Я шутливо толкнула его локтем.

– Ладно тебе. Неужели ты не веришь в большую любовь? Кроме того, Боб, по их описаниям, невероятно скучный. Я за Макса.

12 декабря 1917 года

Дорогой Макс!

Весь последний месяц я постоянно бегала к почтовому ящику, ждала, гадала, получу ли от тебя письмо. На меня уже обратил внимание наш почтальон Фред. Вчера он сказал, что если бы не знал меня (он знает, что я помолвлена с Бобом), то мог бы заподозрить, что я жду письмо от парня. Он сказал, что у меня в глазах всегда нетерпеливое ожидание. Конечно же, он прав. Разумеется, я сказала ему, что мне просто не терпится узнать новости от моей подружки Эллы, которая уехала в Миссури.

Так приятно мне было читать твои строчки... Необычайно приятно. Я перечитывала твое письмо по крайней мере дюжину раз, а сегодня перечитаю еще и буду перечитывать каждый вечер до твоего

возвращения.

Приближается Рождество. Мама с папой недавно поставили елку, и мы всей семьей наряжали ее. Как мне хочется, чтобы ты был здесь в рождественский вечер...

Макс, я очень беспокоюсь и должна поделиться с тобой своей тревогой. Буду ждать твоего нового письма.

Твоя

Ида.

5 января 1918 года

Дорогая Ида,

с опозданием поздравляю тебя с Новым годом и Рождеством и желаю счастья. Сейчас мы в Рио, и вся команда, включая меня, в жалком состоянии. Многие болеют ужасной инфлюэнцей, которая свирепствует в этом полушарии. Все в унынии, а наш капитан совершенно не может справиться с ситуацией. Я опасюсь, что у нас может вспыхнуть мятеж, если вышестоящее командование не возьмет ситуацию под контроль. Мне не следовало бы, конечно, писать об этом, я рискую своей безопасностью, сообщая этот секрет, но не сказать об этом не могу.

Мысли о тебе утешают меня в дни долгого плавания в океане и в жаркие дни в порту. Порой меня терзают сомнения, будешь ли ты счастлива со мной? Сумею ли я обеспечить тебе достойную жизнь? Спокойную и надежную. Я хочу спросить тебя, Ида, ты уверена? Ты уверена, что ты хочешь выбрать в спутники жизни именно меня?

Дорогая моя девочка, чем ты хочешь поделиться со мной? Я не нахожу места от беспокойства. Ты здорова? Тебя не обижают? Тебе не грозит какая-нибудь опасность? Прошу тебя, сообщи мне немедленно.

Мое сердце разрывается от волнения за тебя на расстоянии в миллион миль.

Со всей моей любовью,

Макс.

27 января 1918 года

Дорогой Макс,

спасибо за твое письмо. Мне было так жаль узнать о ваших трудностях. Я молюсь, чтобы ты не заразился этой ужасной инфлюэнцей и чтобы настроения на корабле улучшились. Все это меня пугает.

Ах, Макс, как мне хочется, чтобы ты был здесь, посмотрел мне в глаза, обнял меня, как в тот вечер, когда мы были вместе. Потому что известие, которое я должна сообщить тебе, довольно тревожное. Я даже колеблюсь, писать ли тебе о нем. Но, Макс, ты должен знать – на тот случай, чтобы не было слишком поздно.

Макс, я жду ребенка. Наше дитя. Зачатое в любви, в нашей любви. Ребенок родится в августе. Я вне себя в равной степени от страха и от счастья. Сейчас почти все дни я не знаю, улыбаться мне или плакать. Я чувствую себя ужасно, и это тяжело. Утренняя дурнота терзает меня с полной силой. Я ничего не ем, и мама уже подозревает, что со мной что-то неладное. Со временем мне придется рассказать ей об этом.

Мне надо придумать, как сообщить об этом Бобу, как расторгнуть нашу помолвку. Но пока я буду ждать твоего письма и мечтать о том, как мы будем жить с тобой в радости.

Твоя всем сердцем,
Ида.

Я взглянула на Грэя.

– Она беременна! Так я и знала.

– Прямо-таки мыльная опера, – вздохнул Грэй.

– Ой, мне не терпится узнать, что там дальше, – проговорила я, доставая из конверта следующее письмо.

11 февраля 1918 года

Моя дорогая, любимая Ида,

я получил от тебя драгоценнейший подарок. Мое сердце переполнилось радостью при известии о том, что я стану отцом. Отцом твоего ребенка. Нашего ребенка. Я обливался слезами радости, читая твое письмо. Как ты себя чувствуешь? Когда ты поделиться этой новостью со своей семьей, с Бобом? Я провел много бессонных ночей, думая, как быть с Бобом, и пришел к выводу, что, когда ты скажешь ему об этом, лучше всего, если рядом с тобой будет твой отец. Я не доверяю нраву Боба. Жаль, что рядом с тобой не будет меня. Ты не должна делать это одна. Ох, Ида, милая моя Ида...

Дни длинные, моря бурные. Капитан держит себя хуже прежнего. Многие моряки опасаются, что он окончательно потерял рассудок. Я не знаю точно, но ради собственной безопасности лучше не высовываться и

просто делать свое дело. Я стараюсь не задавать вопросов и не противоречить ему. Еще шесть месяцев, и я вернусь домой, к тебе, еще до рождения ребенка.

Ох, любовь моя, как я тоскую по тебе.

Я вернусь домой, и мы поженимся. Я буду заботиться о тебе и о нашем милом малыше. Обещаю тебе.

Со всей моей любовью к тебе,

Макс.

Я грустно покачала головой.

– Это последнее письмо. Мне даже не хочется его читать. Что, если оно будет... печальным?

Грэй уже не мог притворяться равнодушным. Он заинтересовался:

– Давай послушаем, что случилось.

Я стала читать дальше.

19 февраля 1918 года

Дорогой Макс,

как ты видишь, я отправила тебе назад все письма, которые ты мне присылал. Пожалуйста, не обижайся на меня за это. Макс, я люблю тебя, но я поняла, что наши отношения были ошибкой. Когда я сообщила свою тайну родителям, папа плохо воспринял это известие. Он запретил мне общаться с тобой.

Макс, я обманула моего жениха и опозорила семью. Может, я еще увижу тебя. Я надеюсь. Но пока я должна уехать. Я должна исправить свою ошибку. Я должна быть одна, пока не родится ребенок. Я не могу еще больше позорить мою семью. Приятные супруги из Сиэтла примут меня. Я буду жить у них до рождения ребенка, потом мы посмотрим, что делать.

Конечно, я рассказала про все Бобу. Он был потрясен. Но, уверяю тебя, я не сказала ему, кто отец ребенка. Он требовал, настаивал, но правда еще сильнее разбила бы его сердце. Твоя тайна не нарушена.

Это мое последнее письмо, Макс. Пожалуйста, помни, что я молюсь каждый вечер о твоей безопасности. Я люблю тебя и буду любить всегда.

Навеки твоя,

Ида.

P.S.

Если родится девочка, я назову ее Роуз, в честь твоей матери. Она всегда была добра ко мне.

– Это последнее письмо, – сказала я, покачав головой. – Немыслимо.

Грэй воздел руки к небу. Сейчас он напоминал парня, который клянется, что терпеть не может телесериал «Холостяк», а сам украдкой смотрит его из кухни, когда его подружка сидит перед экраном.

– Что? Она отправила ему обратно все его письма?

– Она оберегала его, – сказала я, утирая слезу. – Какая прекрасная история.

– Нууу... Не знаю. Но ведь в конце концов она его бросила, – добавил Грэй.

Внезапно в моей памяти всплыло мимолетное воспоминание, о котором я почти забыла.

– Роза, – проговорила я. – На круизном лайнере я познакомилась с пожилой женщиной по имени Роуз. Она рассказала мне, что ее отец пропал вместе с кораблем где-то в Бермудском треугольнике. Она рассказывала о...

– Не может быть, чтобы это была она.

– Может быть, – сказала я. – Может быть.

– Хотя, возможно, ты права. Ведь мы наткнулись на этом острове на корабль, который наши власти не нашли до сих пор. Так что все возможно.

Я кивнула, а сама вспоминала Роуз, вспоминала, как она рассказывала о любви своей матери к отцу.

Грэй стал устраиваться поудобнее на нашем ложе из одеял с корабля и пальмовых листьев, нашел наконец удобное положение и с улыбкой взглянул на меня.

– Я бы сказал, что это не сказка на ночь, а скорее история трагической любви.

– Как печально, – вздохнула я. – Ты представляешь, что такое быть женщиной в 1918 году, беременной и мечущейся между двумя братьями?

– По-моему, это похоже на фильм, какие показывают по каналу «Лайфтайм».

– Я согласна с тобой, – сказала я. – Но такое не выдумаешь! – Я положила письма на подушку и бережно перевязала их бечевкой.

Грэй обнял меня за талию и прижал к себе, но через пятнадцать секунд его дыхание стало другим, и я поняла, что он заснул. А я не чувствовала усталости. Я лежала и думала про Иду и Макса, про их ребенка и про все тайны, которые хранил этот остров, в том числе и мою собственную.

Глава 17

21 августа 2007 года

Восемьдесят девять лет не самый подходящий возраст для первого круиза. Роуз это понимала. Ей придется иметь дело с ужасной морской болезнью, трапами и непрерывной качкой. К ее годам четыре подруги сломали шейку бедра, на похоронах одной из них она присутствовала месяц назад. Но все же Роуз решилась на это путешествие. Каждая косточка в ее теле просила об этом.

Ее сопровождали дочь Дебора и внука Эми. Они будут ходить с ней на обед, помогать ей спускаться по трапу, чтобы посмотреть на какой-нибудь живописный остров.

– Боже, какой грандиозный лайнер! – восхитилась она, крепко сжимая руку Деборы. Эми была прелестна в сарафане, с длинными, волнистыми светлыми волосами, совсем как Роуз когда-то, в двадцать один год, и как ее мать.

Сейчас Роуз много думала о матери, которая умерла от сердечного приступа в шестьдесят восемь лет. Ее бедное сердце перенесло слишком много несчастий. Сейчас Роуз жалела, что не была рядом с матерью, когда та встретила старость. Но у нее была собственная семья, надо было растить детей. Роуз ждала второго ребенка, а Деборе едва исполнилось три года, когда мать серьезно заболела. Ах, если бы она могла ее тогда утешить. Никто не должен умирать в одиночестве.

Они нашли свою каюту. Дебора и Эми разместились на одной из двухспальных кроватей; на второй будет спать Роуз. Она зашла в ванную, чуточку попудрила нос и, раздвинув стеклянную дверь, вышла на балкон.

Дебора дотронулась рукой до ее плеча.

– Ты довольна, мама? – спросила она.

– Да, милая, – ответила Роуз.

Через час они вышли на пляжную палубу. Вдалеке играли на стальных барабанах музыканты. Пассажиры пили фруктовые коктейли и улыбались, подставляя волосы ласковому ветру. Роуз обратила внимание на прошедшую мимо нее молодую пару. Вероятно, у них был медовый месяц, судя по тому, как они держались за руки, как смотрели друг на друга. Ей не хватало любви. Фрэнк умер десять лет назад. Ей не хотелось признаваться в этом, но иногда она не могла вспомнить звук его голоса. И какой он любил пить кофе, черный или с сахаром? Или со сливками? Ужасная штука старость.

– Ты расскажешь нам, бабушка? – спросила Эми. – Почему мы здесь?

Почему ты решилась на это путешествие?

Роуз кивнула, услышав гудок лайнера – сигнал отправления.
– Со временем, милая. Со временем.

* * *

Первые дни плавания выдались тяжелыми, и когда капитан объявил, что большой шторм еще впереди, Роуз пожалела о своей затее. Эми лежала с приступами морской болезни, у Деборы дела тоже шли не лучше. Вечером накануне прибытия на Бермуды Роуз отважилась пойти на ужин одна, а когда возвращалась в каюту, решила немного постоять на палубе.

Она узнала молодую женщину, которую заметила в первый день плавания. Молодую, красивую, влюбленную. Они обменялись несколькими фразами про аквамарин, красивый камень – талисман моряков, приносящий им удачу, – про отца Роуз, спаси Господь его душу. Держась за релинг, она смотрела на бескрайний простор океана, где закончил свою жизнь ее отец. Интересно, она сейчас близко от него? Узнает ли его, если увидит его во сне?

Она спустилась в каюту. Дебора и Эми уже спали. Она тоже утомилась, но все же сидела на балконе и слушала, как лайнер рассекал бурные бирюзовые воды.

* * *

На следующее утро Роуз проснулась поздно и решила заказать завтрак в каюту, чтобы посидеть с книгой на балконе, а не подниматься на пляжную палубу и стоять в очереди за лососем и булочками. Эми и Дебора пытались уговорить Роуз, чтобы она сошла с ними на берег и хоть чуточку посмотрела Бермуды, ведь они будут стоять в порту много часов. Но Роуз чувствовала усталость и решила остаться и дочитать роман Лори Колуин, узнать, чем все там закончится. Роман был о семейном счастье, о котором она всегда мечтала.

– А вы ступайте и развлекайтесь, – сказала она дочери и внучке. – Когда вернетесь, я буду тут, и мы вместе пообедаем.

Она немного вздремнула, потом почитала роман. Эми с Деборой вернулись к пяти, щебеча, как им понравилось на Бермудах. Эми даже познакомилась в ресторане с мальчиком из университета Дьюка. Они обменялись телефонными номерами, несмотря на неодобрительные взгляды его матери. В конце концов, он ведь из «Лиги плюща».

В ресторане был торжественный ужин. Роуз надела синее платье с блестками, которое купила пять лет назад к свадьбе внука. Оно по-

прежнему хорошо сидело на ней. Дебора выбрала простое, но классическое черное платье с вырезом под горло. Эми была, как всегда, красива в чем угодно, но в этот вечер она надела облегающее красное платье с асимметричным подолом.

Они сели за столик и заказали вино. Заиграл квартет, но ему помешало объявление по корабельному радио.

– Прошу прощения за беспокойство, – проговорил голос с сильным акцентом. – Говорит капитан. Двое наших пассажиров не вернулись сегодня с экскурсии на берег, и мы задержим наш лайнер еще на час и попробуем их найти.

В зале прозвучал хор ахов и охов.

– Будьте готовы к корректировке расписания. Мы планировали отплытие на 8 часов пополудни. Желаю приятно провести вечер.

Снова заиграла музыка.

– Как вы думаете, что с ними случилось? – спросила Эми.

Дебора пожала плечами:

– Вероятно, засиделись в баре и потеряли счет времени. Теперь мы все должны расплачиваться за их безответственность.

Роуз увидела мужа той приятной молодой женщины, как там ее звали – да, Шарлотта. Он расхаживал по палубе за окном, и она забеспокоилась.

* * *

Лайнер отбыл после полуночи. Роуз помнила, как ее разбудил рокот двигателя, и она посмотрела на часы. 0.35. Хорошо, подумала она. Шарлотта нашлась.

Утром они отправились завтракать на пляжную палубу. Весь лайнер гудел.

– Ты представляешь? – говорила мужу женщина средних лет. – Как это страшно. Муж на борту. Его не отпустили ее искать. Как он, должно быть, беспокоится.

Потом Роуз увидела постер с фотографией женщины, Шарлотты, и другого мужчины. «ПРОПАЛИ, – было напечатано крупным черным шрифтом. – С любой информацией, пожалуйста, обращайтесь к охране лайнера».

Роуз подошла к постеру и дотронулась пальцами до лица женщины.

– Я знаю ее, – сказала она.

– Ой, мама, откуда? – удивилась Дебора.

– Я знаю, – твердо повторила Дебора. – я разговаривала с ней позавчера, пока вы обе спали. Она была чудесная. И вот теперь она...

Дочь похлопала ее по плечу:

– Ее найдут. Не волнуйся.

– Пойдите, – сказала Эми, удивленно качая головой, и показала на мужчину на постере, которого Роуз не узнала.

– Разве это не... тот парень, который убил свою жену и убежал из тюрьмы?

Дебора кивнула:

– Вроде он.

Лайнер качало на волнах, и Роуз схватилась за релинг. В это время мимо нее под полуденным солнцем пролетела бабочка цвета глубокой синевы, каких она не видела никогда в жизни.

Какая прекрасная и трагическая жизнь, подумала Роуз.

Глава 18

После того как мы прочитали письма Иды и Макса, меня мучили кошмарные сны – один за другим, про Грэя и про мою прежнюю жизнь. В одном Эрик снял со стены в гостиной мою синюю бабочку и отдал ее кому-то. В другом я вернулась с острова, а Габби меня не узнала. Но от самого жуткого сна я проснулась в холодном поту. Я как будто смотрела фильм, и там был Грэй; он смеялся, как психопат, а его руки были в крови. Я так громко заорала, что Грэй проснулся и успокаивал меня, пока я снова не заснула.

* * *

– Доброе утро, – поздоровался Грэй, когда я вышла.

Я посмотрела на солнце, оно стояло уже высоко. Вероятно, было 11 часов или даже ближе к двенадцати.

– Привет, – сонно поздоровалась я.

– Ты помнишь, как проснулась ночью от кошмара?

– Да, – ответила я и содрогнулась, когда в памяти всплыли детали того сна.

– О чем он был?

Я нахмурилась:

– Тебе лучше не знать.

– А все же попробуй рассказать, – сказал он.

– Даже не знаю...

– Шар, это всего лишь сон. Почему ты не хочешь мне рассказать?

– Ну ладно, – вздохнула я. – Ну... ты был в каком-то медицинском заведении вроде больницы.

Грэй удивленно раскрыл глаза.

– И, кажется, в середине операции или чего-то, потому что на столе кто-то лежал. – Я покачала головой, словно прогоняя от себя ту картину. – На твоих руках и повсюду была кровь. А ты... смеялся...

– Перестань, – сказал Грэй, вставая.

– Но ты же сам сказал...

– Не знаю, что я сказал, но я больше не хочу это слушать. – Он бросился от меня прочь и скрылся за изгибом берега. У меня упало сердце.

* * *

Грэй вернулся через несколько часов с двумя только что пойманными рыбинами и положил их на камни у огня, потом повернулся ко мне.

– Прости, что я так убежал, – сказал он. – Слушай, я не знаю, как это сказать, но...

– Не надо ничего говорить, – ответила я. – Ты не обязан ничего мне говорить.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я вот что подумала, – сказала я. – У тебя есть свои секреты. Я знаю, тебя что-то угнетает. Но что бы это ни было, я решила, что лучше мне не знать про них.

– Почему?

– Потому что я полюбила тебя таким, какой ты сейчас, – объяснила я. – Твоя прежняя жизнь не имеет для меня значения.

Он смутился:

– Но ты ведь сама все время говоришь о доме, о том, что надо выбраться отсюда. Ты всегда высматриваешь в небе самолеты, а на горизонте суда.

– Да, – согласилась я. – Я правда мечтаю о доме. Я скучаю по нему, но, – я замолчала и вытерла слезу, – случилась странная вещь. – Я обвела рукой вокруг нас. – Все это начинает казаться мне домом, и, вероятно, это единственный дом, который у нас будет.

– Шарлотта, – ласково сказал Грэй. – Не сдавайся.

– Я не сдаюсь, – сказала я. – Я просто принимаю нашу жизнь такой, какая она есть.

Грэй задумчиво кивнул. Мы замолчали и несколько минут не говорили ни слова.

Мак выскочил из кустов и устроился у моей ноги. Я погладила его, и его мурлыканье нарушило тишину.

– Наплюй на это, – сказала я наконец.

Грэй удивленно посмотрел на меня.

– Когда-то ты сказал так про мой секрет, про мой стыд, – продолжала я. – И ты тоже так сделай. Что бы там ни было, я надеюсь, что ты сможешь сделать так, чтобы эти мысли больше не преследовали тебя.

Грэй протянул ко мне руки, и я упала в его объятия. Он погладил меня по спине и обнял за плечи. Мы сидели и смотрели, как волны бились о берег, каждый из нас был погружен в свои мысли, но мы были вместе с нашей любовью. **Глава 19**

18 мая 2004 года

6 часов утра. Селеста, конечно, еще спала. Ее занятия йогой начинались не раньше десяти, и она никогда не снимала с глаз черную маску раньше девяти, ни на минуту. Вот и сейчас она спала в белой кружевной ночнушке. Просто ангелочек. Но вот если он дотронется до нее, ее лицо сразу станет хмурым, и она отшатнется и буркнет: «Я сплю», или «Не сейчас», или какую-нибудь другую пренебрежительную фразу. Она давно уже пренебрегала им.

Грэй смотрел на нее, на свою красавицу жену. Смотрел и размышлял, как рассказать ей о секрете, который он хранил уже два месяца.

И хранил его старательно. Каждое утро вставал в 6 часов, принимал душ, варил кофе, очищал френч-пресс, чтобы Селеста без хлопот сварила себе кофе, когда наконец-то проснется. Потом он надевал свой хирургический костюм, вешал на плечо сумку и шел к машине. Но ехал не в больницу. Больше не ехал. После того случая...

Он умело, ловко скрывал свое состояние. Пожалуй, даже от себя самого. Принимал от дрожи пропраналол, адвил, а потом викодин от боли. И ничего, справлялся и был уверен, что тендинит не разрушит его медицинскую карьеру.

Деградация началась постепенно. Сначала медсестра увидела, как он уронил инструмент. Потом ординатор увидел, как он сделал неровный надрез. Такие мелкие ошибки говорили о больших проблемах, особенно для Грэя, который был в числе лучших в Гарварде и теперь стал одним из самых известных кардиохирургов в стране.

Нет, Грэй не мог так просто уйти. Родители растили его не для этого. Ты выдержишься. Ты преодолешь. Ты найдешь способ избавиться от проблемы. Он как-нибудь справится с этим досадным состоянием, как справлялся с другими проблемами.

Но потом, в одно вроде бы ничем не примечательное утро четверга, Грэй делал обычную операцию – шунтирование коронарной артерии, которую он проводил тысячу раз, а то и больше. Он мог бы выполнить эту

операцию даже во сне, с закрытыми глазами.

Пациентка лежала перед ним. Семидесятилетняя женщина с обесцвеченными перекисью волосами и длинными ногтями с красным маникюром. Он не забудет это до конца жизни. С ним был анестезиолог Джон. Грэй всегда относился к нему с симпатией и вот и теперь поговорил с ним о «Чикаго Беарз»^[7].

Грэй знал, что у него слегка дрожала рука, когда он сделал первый надрез, но сказал себе, что все может держаться под контролем. Он уже принял лекарства, и все будет нормально. Конечно же. Как всегда говорили его отец и дед, оба хирургии: «Лоутоны не ошибаются».

И вот он направил скальпель, уверенный, что рука выполнит его команду, но что-то пошло совсем не так. Незначительный тремор перешел в рывок. Словно его тело непроизвольно дернулось.

– Доктор Лоутон, – закричал ординатор. – Вы задели артерию!

Хлынула кровь. Много крови.

Медсестры суетились вокруг него. Доктор Грин, коллега-хирург, которому Грэй никогда не передавал своих больных, возился с пациенткой минут пятнадцать, потом выпрямился и вздохнул:

– Она умерла.

Грэй молча вышел из операционной. Предстояло расследование. Бесконечные заседания администрации больницы. Налетят как стервятники страховые компании. Женщина умерла на его столе, из-за его ошибки. Его дни практикующего хирурга сочтены. Он это знал.

С того дня прошло два месяца, но он так ничего и не сказал Селесте. Через два месяца была намечена свадьба ее сестры. Грэй представлял себе их лица, когда они узнают, что он лишился медицинской лицензии. Но больше всего он думал о Селесте, как ее разочарует такая новость.

Как и каждый день в эти два месяца, он поставил машину на парковке «Старбакс» на противоположном краю города, где его никто не знал. Заказал большой американо и сел в угол, размышляя, что ему делать со своей жизнью, глядя на свои чудовищные руки, убившие женщину. В какие-то дни он сомневался, действительно ли он такой монстр. В другие дни чувствовал себя именно так.

– Простите, – обратилась к нему какая-то женщина лет сорока, с круглым, приятным лицом. – Вы доктор Лоутон?

Она показалась ему знакомой, но он не помнил, где мог ее видеть – то ли это была официантка из их любимого ресторана, то ли кассирша из «Лавки здоровья», то ли... бывшая пациентка.

– Нет, – поспешно ответил Грэй.

– Ах, – сказала женщина, отступив назад, – простите. Просто вы... вы смотрите как кардиохирург, который спас мне жизнь.

Он кивнул и вернулся к газете, которую кто-то оставил на столе, потом поднял глаза и посмотрел, как женщина подошла к двери и вышла на улицу.

Он спас ей жизнь, так же как спас жизни тысяч людей. Но он также загубил одну жизнь. И будет расплачиваться за это до конца своих дней.

Глава 20

– Что ты съешь первым делом, когда вернешься домой? – спросила я у Грэя, когда на следующий день мы шли к ручью купаться.

– Трудно сказать, – ответил он. – Пожалуй, хороший стейк и печеную картошку со сливочным маслом.

– Сливочное масло, – мечтательно повторила я.

– Нет, – продолжал он. – Пожалуй, я пойду в мой любимый маленький турецкий ресторан и закажу кебаб и тарелку кукурузы. Ты была когда-нибудь в Стамбуле? – спросил Грэй.

Я покачала головой:

– Нет, но мне очень хотелось бы там побывать. А ты?

– Да, – ответил он и добавил после долгой паузы: – Вообще-то там я встретился со своей женой.

– Ух ты... – протянула я. Впервые я почувствовала укол ревности к той, которую Грэй когда-то любил. И не важно, что его жена умерла. Мне все равно было больно думать, что он любил ее или кого-то еще.

– Тогда она была моделью, а у меня было несколько свободных месяцев между окончанием медицинской школы и моей хирургической резидентурой. – Мы сидели на бревне возле маленького озера с пресной водой, где мы купались и пополняли запасы воды. Его взгляд устремился вдаль, словно воспоминания потревожили его сердце. – Селеста была тогда совсем другой.

Он с нежностью произнес ее имя, и это царапнуло мне сердце.

– В тот вечер, когда я познакомился с ней, мы прошли в Стамбуле по всему району Бебек, – продолжал он, – заглядывали в бары и ночные клубы, любовались видами Босфора. Это было волшебно. – Он оторвал от бревна кусок коры. – Мне всегда хотелось съездить туда еще раз, но она отказывалась.

– Ты скучаешь по ней? – спросила я.

– Я скучаю по идеальной Селесте, – ответил он. Я отвернулась, и он взял меня за руку. – Я скучаю по тому, что могло бы быть, а не по тому, что было у нас. Мы никогда не были счастливы, Шарлотта. По-настоящему – никогда. Мне не нужно было жениться на ней. У нас было мало общего для

счастливого брака. Она это знала, я это знал.

Я кивнула, стараясь осмыслить его слова. С прошлым всегда трудно мириться, и я подозреваю, что Грэй тоже нелегко думать о моей прежней жизни. В конце концов, я все же замужем.

– А ты скучаешь по Эрику? – осторожно спросил он.

Я тяжело вздохнула и долго молчала, подыскивая нужные слова.

– Конечно, скучаю.

Грэй отвернулся.

– Никто из нас не может отбросить свое прошлое. Мы не можем отменить то, что уже когда-то случилось: нашу любовь, поступки. Как не можем изменить сейчас нашу ситуацию. По-моему, жизнь – это забавное лоскутное одеяло из воспоминаний, старых и новых. Иногда лоскутки не вписываются в общую картину, если ты смотришь на них пристально, но, когда ты видишь пэчворк в целом, в нем все гармонично.

Грэй покачал головой.

– Как хорошо ты сказал.

Я пожала плечами:

– Так вот, та девушка, которая вышла замуж за Эрика, скучает по нему. Но сейчас я другая версия самой себя. Да и ты тоже.

Он кивнул и снял свою майку, потом на землю упали и шорты. Мое сердце забилося учащенно, как всегда, когда я видела Грэя обнаженным.

– Пойдем со мной, – сказал он, протягивая руку за куском мыла, которого осталось совсем немного.

Я разделась и пошла за ним в прохладную, чистую воду. Когда она коснулась моей кожи, я испытала настоящее блаженство. Я нырнула под воду, а когда вынырнула, то почувствовала рядом тело Грэя, сильное и уверенное, здесь и сейчас.

– А эта твоя новая версия правда меня любит? – спросил он.

Грэй прижался ко мне, и я обхватила его ногами.

– Да, – сказала я. – Очень.

* * *

Мы постирали одежду и разложили ее на камнях возле берега, чтобы она просохла.

– Как забавно ходить голышом, – сказала я. – Мне всегда было неловко это делать. Я не переодевалась даже при Габби.

– Габби? – спросил Грэй, оглядываясь на меня.

– Моя лучшая подруга. Она очень красивая. На пляже я всегда казалась себе дурнушкой рядом с ней. Она из тех женщин, на которых смотрят

буквально все, когда она появляется в бикини. Все – я не преувеличиваю.

– Может, они смотрят на тебя? – усмехнулся Грэй.

– Сомневаюсь, – возразила я. – Габби сногшибательная красотка, и все же ее внешность не помогла ей по части любви. У нее позади много неудач в личной жизни.

Тут мне вспомнились снимки загадочной женщины в фотоаппарате Эрика. Прошло столько времени с тех пор, как я их увидела; я вспоминала их с трудом, но это оставляло у меня неприятное ощущение. Я представила себе, как расскажу об этом Габби. Я представила себе выражение ужаса на ее лице, потом ее заверения. «Эрик никогда не стал бы тебя обманывать, – скажет она. – Он не из таких. К тому же он по уши влюблен в тебя».

– С тобой все в порядке? – спросил Грэй, подойдя ко мне.

– Все нормально, – ответила я. – Наша одежда, наверное, уже высохла. Пойдем?

* * *

Мы решили пройти длинным путем вокруг острова и посмотреть, изменилось ли что-нибудь за те месяцы, пока мы там не были.

– Надо присматривать за вещами, – сказал Грэй. Но я знала, о чем он думал на самом деле. Я знала, о чем мы с ним иногда думали – нас слегка нервировал вопрос, есть ли на острове еще кто-то, кроме Мака и корабля, полного скелетов.

Однажды мы слышали какие-то шаги, приближающиеся к нашему лагерю, да и раньше случалось что-то похожее. Грэй тогда выбежал, чтобы проверить, есть ли кто-то рядом, но звук шагов быстро стих в ночном мраке. В такие ночи я с трудом могла заснуть, и я знаю, что Грэй тоже. *Были или нет здесь другие живые существа? Опасны они или нет?*

– Смотри, – сказал Грэй, останавливаясь и показывая на песок. – Шарлотта, вот... отпечатки ноги.

Я подбежала и наклонилась над тем местом, куда показывал Грэй. Следы ног, несомненно. Но маленьких. Почти детских.

Мы переглянулись и неслышно пошли по этим следам. Они привели нас на поляну среди пальм. Прямо впереди мы увидели маленький домик, по своей конструкции более искусный, чем наш. Казалось, он стоял там много лет.

– Эй! – негромко крикнул Грэй. – Эй! Есть здесь кто-нибудь?

В домике послышался шорох, и я крепко сжала руку Грэя.

– Давай вернемся, – сказала я. – Что, если...

Но тут со скрипом открылась маленькая дверь, из нее вышла молодая

женщина. Низенькая, черноглазая, с темными волосами. На ней было длинное бежевое платье с высоким воротом и оторванной подпушкой. Платье было старым. А женщина по-детски хорошенькая. Ей было лет шестнадцать, не больше.

– Привет! – поздоровался Грэй. – Ты кто?

На ее лице отразились недоверие и опаска. Она медленно приблизилась к нам. Ее глаза метались между Грэем и мной.

– Не думаю, что она говорит по-английски, – шепнула я Грэю.

Она что-то сказала на языке, который мы не понимали.

– Ты говоришь по-английски? – спросил Грэй.

– Америка, – сказала она, плюнула нам под ноги и убежала в свой домик.

– Пойдем отсюда, – сказала я, взяв Грэя за руку.

Когда мы уходили, Грэй оглянулся.

– Мне кажется, она просто испугалась.

– Возможно, – сказала я. – А может, она сумасшедшая. Я бы не стала к ней приставать сейчас.

Казалось, Грэй не хотел уходить, но все-таки отправился за мной по берегу. Мак, как обычно, бежал за нами.

– Интересно, как она сюда попала? – спросил он, явно не в силах опомниться от такой неожиданности – еще одно человеческое существо на нашем острове!

– Кто знает. – Я пожала плечами.

– Интересно, есть ли у нее семья или она здесь одна. – Грэй остановился и потрогал меня за плечо. – Что с тобой? Почему ты приуныла?

– Я не приуныла, – ответила я, повернув к нему голову. – Пожалуй, ее присутствие немного меня пугает. Не знаю, можем ли мы ей доверять, вот и все.

– Мы могли бы подружиться с ней, – заметил Грэй.

– Не знаю.

– Она молоденькая девочка, – продолжал Грэй. – Она не причинит нам вреда.

– Она молодая женщина, – возразила я. – И она вполне может что-то сделать.

* * *

Мы вернулись в лагерь, и я решила немного отдохнуть. Перед тем как лечь, я взяла бумаги, обнаруженные на корабле: письма, дневник и

испещренную пятнами черно-белую фотографию молодой женщины. И у меня волосы встали дыбом.

– Грэй! – крикнула я. – Иди сюда, скорее!

– Что такое? – спросил он, вбегая в дом. – Все в порядке?

– Да, – ответила я. – Но посмотри на это. – Я протянула ему карточку.

Он взглянул на нее и тоже удивился.

– Ведь это точно как...

– Девушка, которую мы только что видели, – договорила я за него.

– Не может этого быть, – возразил Грэй. – Скорее всего, это ее внучка или какая-то родственница.

– Конечно, – сказала я. – Это единственное объяснение.

Но никто из нас в это не поверил. Просто ни он, ни я не знали, во что теперь верить.

Глава 21

1 марта 1918 года, Рио-де-Жанейро

Эстелла и ее сестра Хуанита любили вторники. В этот день отец и мать отпускали их после обеда из пекарни. Эстелле было семнадцать, а Хуаните лишь четырнадцать, и Эстелла всегда одерживала верх в спорах о том, как им распорядиться драгоценными часами свободы. Сегодня мать сунула им в руки две сумки болиньо де чувас^[8] и поцеловала дочек, торопя покинуть дом, пока их отец не передумал, как это иногда бывало. Мать была доброй и великодушной, а вот отцу этого не хватало, и Эстелла относилась из-за отца ко всем мужчинам скептически.

Хуаните хотелось прогуляться по Рио-де-Энтрада и поглазеть на красивые платья в витринах магазинов. Эстелла была против. Сегодня она хотела пойти в порт, полакомиться булочками с корицей и сахаром и поглазеть на корабли.

Вообще-то Эстеллу не очень интересовали корабли. Но ее интересовал мир, начинавшийся за портом. Какой он там? Какие там люди? Увидит ли она когда-нибудь мир за пределами Рио?

– Пойдем, – сказала Хуанита.

Эстелла упрекнула ее в неряшливости и велела вытереть сахар с лица, но тут заметила корабль, входивший в порт. Она встала.

– Посмотри, – обратилась она к сестре. – Американский корабль.

Вместе они прошли вдоль дока как можно ближе к воде, и грузчики не прогнали их, не засвистели.

Эстелла была по-своему красива, такая девчонка-сорванец. Мать всегда говорила ей, как надо причесаться, что надо надеть чистое платье,

больше улыбаться. Ты ведь хочешь, чтобы мальчики обращали на тебя внимание? Скоро тебе надо выходить замуж. Но Эстеллу не интересовали мужчины и замужество. Она больше любила ловить бабочек, читать книжки и мечтать о большом мире, про который она ничего не знала.

– Пожалуйста, пойдём отсюда? – вздохнув, попросила Хуанита.

– Сейчас, ещё немножко, – сказала Эстелла, вглядываясь в группу моряков, возбужденно спорившись о чем-то. Один был американцем, она поняла это по его акценту и плохому знанию языка. У него были злые глаза и агрессивная поза.

– Ты сказал мне, что приведешь девчонку, – крикнул он.

– Простите, сэр, – ответил грузчик-бразилец, вытирая лоб. Он был ненамного старше Эстеллы, ниже, чем американец, и явно боялся его. – Мы очень старались.

Американец шагнул к нему и поднес кулак к его носу.

– Хуан, или как тебя там, ты обещал нам, и мы изменили из-за этого маршрут корабля. За такую ошибку ты нам заплатишь по полной.

Грузчику хотелось убежать или спрятаться за пирсом. Его глаза метались словно зверь в клетке, мечтающий о побеге, и внезапно остановились на Эстелле.

– Постой, – сказал он. – Вот ведь она. Мои люди только что привели ее сюда.

Эстелла не сразу поняла, что парень говорил про... нее.

Американец подошел к Эстелле и положил потную руку на ее голое плечо.

– Так, так, так, – сказал он. – Значит, ты все-таки сдержал слово.

Эстелла вырывалась, а грузчик нервно улыбался.

– И она знает дорогу?

– Да, ее отец был опытным капитаном, который знал назубок те проливы. Она выросла на море.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – закричала Эстелла. – Отпустите меня!

– Сейчас она наговорит что угодно, чтобы ее отпустили, – сказал грузчик. – Я заплатил за нее отцу хорошую деньгу.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – закричала Эстелла. Она взглянула на младшую сестру. Та, окаменев, стояла в нескольких шагах от нее. – Хуанита, беги! Позови кого-нибудь на помощь! – Младшая сестра послушно повернулась и побежала по доку, споткнулась, упала, но быстро поднялась и исчезла за углом.

Американец протянул грузчику конверт.

– Там внутри обещанное.

Они обменялись еще парой слов, потом американец схватил Эстеллу и поволок на самый большой корабль, который она когда-либо видела.

– Тихо-тихо, испанская красotka, – сказал он. – Если будешь мне помогать, я оставлю тебя в живых.

Эстелла раскрыла рот и хотела закричать, но не получилось. Ее сердце билось в грудной клетке словно барабан. **Глава 22**

11 августа 2008 года, Бермуды

Лайза и Том вышли из маленького зафрахтованного самолета на бетонированную площадку. Воздух был теплый, даже слишком теплый, и Лайза волновалась, что на ее лице потечет грим, который она нанесла утром. И сейчас некогда зайти в туалет и проверить, все ли в порядке, или подкрасить глаза. Лодка должна уже быть готова. К тому же ей не хотелось, чтобы Том подумал, что с ней много хлопот. Конечно, он любил хорошеньких женщин – за свою жизнь он встречался с несколькими моделями, одна даже позировала для каталогов «Викториас сикрет». Лайза вздохнула и провела пальцами по своим растрепавшимся волосам.

– Как тут шикарно, – пропела она сладким голосом.

Том отвлекся, он смотрел на свой мобильный.

– Мы должны к пяти добраться до лодки, – сказал он. – Я хочу отплыть до темноты.

Лайза надеялась, что они остановятся в городке и пообедают, может, выпьют, но не протестовала. Для Тома эта поездка очень важна, она это знала. Он много лет к ней готовился, собирал информацию. «Циклоп» и его сокровища. Это будет его величайшая победа. Он уже близок к ней, чувствует ее своим острым нюхом.

Мама уговаривала ее не доверять этому мужчине. Он слишком развязный, делает все напоказ. Нельзя доверять человеку, который ездит на красном спортивном автомобиле, говорила она, который в свои тридцать с лишним встречается с девочкой, только окончившей колледж. Почему она не хочет встречаться с таким приятным мальчиком, как Джеймс Этвуд из ее школы? Или с Броком Фарландом из их церкви? Мама никогда ее не понимала. И, конечно, не поняла ее, когда они тайком сбежали на прошлой неделе. Но даже несмотря на свое неодобрение, она выслала им на дорогу чек на пять тысяч долларов, так она любила свою дочь.

Лайза росла в семье с небольшим достатком. Отец работал в угольной шахте, а мама растила ее и младшую сестренку. Они жили скромно, но счастливо. До тех пор, пока в их дверь не постучалась беда. Лайзе тогда

было тринадцать. Мама упала на колени прямо в дверях. Лайза даже не спрашивала, что случилось. Шахта забрала у них отца. Он не вернулся домой.

День похорон был дождливый, Лайза и ее сестра промочили ноги в кладбищенских лужах. На следующий день возле их дома остановился роскошный автомобиль. Из него вышел юрист из Нью-Йорка. Он сказал, что угледобывающая компания виновна в смерти их отца. Он может отсудить для них деньги, если они подпишут одну бумагу. Лайза смотрела, как мама села за кухонный стол и написала черными чернилами свое имя. Сью Эллен Смит, с завитушкой на «т».

Год спустя они получили по почте чек на два миллиона долларов. Разумеется, юрист получит солидное вознаграждение, но мать Лайзы не возражала. Хотя никакие деньги не вернут ей мужа.

Они купили новый дом, скромный, но гораздо лучше прежнего, а остальное мама положила в банк, для безопасности.

Про деньги никто не знал. Она сказала о них только своей лучшей подруге Дженнифер. И Тому, конечно. Ведь он, в конце концов, был ее мужем, во всяком случае, с прошлой недели.

Их медовый месяц будет деловым. Том шел к своей цели, а она сопровождала его. Он наметил маршрут. Остров был близко, он это знал. Когда они доберутся до него, они найдут «Циклоп» и все его сокровища. И все-таки Лайза жалела, что у нее не будет традиционного медового месяца, а ведь так хорошо было бы провести его в приятном отеле на Гавайях или в Мексике. Они бы поздно вставали и валялись целыми днями возле бассейна. Но Лайза вышла замуж за необычного мужчину.

Парусник был приятный, но маленький – совсем не такой шикарный, как другие. Том купил его. Впрочем, там было неплохо. Кровать, кухонька, туалет и маленький душ. Они найдут корабль и вернуться, Том сказал, что все будет быстро. Туда и обратно.

Но все пошло не так. Один день превратился в два, два в четыре. Четыре в одиннадцать.

– Он должен быть здесь, – сказал Том однажды днем, в тысячный раз склонившись над картой.

Лайза не хотела жаловаться, но припасы подходили к концу, а она соскучилась по дому. Они много дней плавали вне зоны сотовой связи, ей хотелось услышать голос мамы.

– Том, милый, – сказала она. – Может, повернем назад?

– От этой экспедиции зависит вся моя карьера! – зарычал он. – Конечно, тебе это не понять. Тебе не светит никакая карьера.

Верно, она вылетела из школы, где училась на стоматолога-гигиениста, когда познакомилась с Томом, но только из-за того, что он увез ее на выходные в Лас-Вегас и она пропустила экзамен. Его замечание больно укололо ее, но даже теперь она понимала, что должна поддерживать мужа.

– Извини, – прошептала она.

– Ты не пожалеешь, когда мы найдем сокровища, – заявил он.

Прошли еще три дня и еще три. Лайзе казалось, что Том теряет рассудок. Однажды утром он наорал на нее, а поздно вечером разрыдался. Она пыталась его утешить, но он так рявкнул на нее. Ей не хотелось признаваться в этом, но муж начинал... пугать ее.

– Том, – осторожно сказала она как-то раз после заката. – Прошу тебя. Пожалуйста, давай вернемся. – У них закончились все свежие фрукты и овощи. Хлопья, которыми в основном питалась Лайза, тоже были давно съедены.

Лучше бы Лайза вообще не открывала рта. Она поняла это, когда по лицу Тома пробежала тень. В этот момент она внезапно догадалась, что не знала мужчину, за которого вышла замуж, совсем не знала.

– Ах ты, сладкая куколка, – сказал он. – Мы вообще не вернемся, неужели тебе не понятно? Мы разыщем этот груз во что бы то ни стало или умрем.

Лайза удивленно покачала головой:

– Том, что с тобой происходит?

Он только расхохотался, как маньяк.

– Ты ничего не понимаешь, правда?

– Том, о чем ты говоришь?

– Ты не знаешь, да?

– Что не знаю?

– Тупая сучка, – сказал он, глотнув виски из бутылки. – Ты думаешь, что я женился на тебе по любви? – Его смех напоминал кудахтанье. – Я очистил банковский счет твоей мамы прямо перед тем, как мы сели на самолет.

Конечно, Лайза слышала его слова, но не могла этому поверить. Том не любил ее. Том забрал все деньги ее матери. Но потом до нее дошло, и это было очень болезненно. Том *использовал* ее.

Лайза знала, где лежало оружие. Она видела его под кроватью в тот день, когда они поднялись на борт. И когда Том пошел на корму, чтобы снова взглянуть на карту, Лайза спустилась вниз и взяла револьвер. Металл приятно охладил ее кожу, когда она взялась за ствол. Она быстро убьет его, столкнет за борт, выбросит револьвер, а потом пошлет сигнал бедствия

Береговой охране. Ее спасут, она вернется к маме и постарается найти украденные деньги.

Только ее планы рухнули в самом начале. Том положил руку на ее плечо.

– Что там у тебя, куколка?

– Ничего, – ответила она, пытаясь спрятать оружие, но было слишком поздно. Он отобрал его и сунул дуло прямо ей в лицо, потом нацелился прямо ей в лоб.

– Ты думаешь, что можешь меня перехитрить, сучка? – сказал он. – Ты ошиблась. Я перехитрил тебя. – Но не успел он нажать на курок, как Лайза оттолкнула его руку, и пуля ударила ей в грудь, а не в голову.

Боли не было, только онемело все тело. Когда она упала на колени, Том положил револьвер на койку, а сам взял последние картофельные чипсы с кухонного стола. Лайза схватила оружие.

– Теперь посмотрим, кто из нас умнее, – сказала Лайза, всаживая несколько пуль в грудь Тома. Он упал на палубу, хрипя и задыхаясь. Наконец он затих.

Лайза знала, что времени у нее мало. Надо было сбросить его за борт, а потом разобраться, как направить лодку к острову. Тогда она вернется домой к маме. И встретит другого мужчину, хорошего. И у нее начнется жизнь, о которой она всегда мечтала. А это была просто... ужасная ошибка, вот и все.

Напрягая все силы, она бросила Тома, все его шесть с лишним футов, в океан, а за ним револьвер. Она не собиралась падать туда сама, но ее тело было таким слабым. Ужасно слабым. И когда волна ударила в нос яхты и качнула его, Лайза потеряла равновесие. Ее окружила вода.

Дело в том, что Лайза никогда не училась плавать.

Глава 23

Год спустя Остров

Я проснулась раньше Грэя. У меня ломило все тело, я чувствовала тошноту. Те грибы, которые мы нашли в середине острова под высокими деревьями, вероятно, были ядовитыми. Либо моллюски оказались несъедобными. А может, еще какая-нибудь пища, которую мы ели год и еще много месяцев. Я застонала, когда меня захлестнула новая волна тошноты.

Я ужасно тосковала по дому, по чашке горячего кофе, мягкой постели, музыке, вину. И хотя по Эрику я не скучала, уже не скучала, мои мысли невольно возвращались к нему. Как он там? Все еще горюет обо мне?

Продал ли он тот маленький дом, который мы купили вместе?

Я думала о родителях и друзьях, о Габби. Как они пережили мое исчезновение? Похоронили меня? Много ли присутствовало народу? Я вспомнила о моем боссе и поморщилась. Забавно, все это время я почти не вспоминала ту маленькую каморку, в которой я работала с понедельника по пятницу. Там пахло клеем Элмера. Я улыбнулась.

Странно, что я этим утром не видела Мака. Обычно он ждет нас у костра. По утрам я угощаю его жареным моллюском.

– Мак! – позвала я. – Кис-кис-кис.

Я немного прошла по берегу, заглянула за мыс и увидела кота. Он лежал, растянувшись на песке. Грелся на солнце.

– Вот ты где, лентяй, – сказала я и присела на корточки, чтобы почесать ему шею, это было его любимой лаской. Но не успела я дотронуться до его мягкой шерстки, как увидела на его животе кровь.

– Мак! – закричала я, потрогав его. – Мак! – Он не шевелился. Я схватила его и понесла в лагерь.

– Грэй! – рыдала я.

Он вышел из домика, еще сонный.

– Что такое?

– Смотри, – сказала я, обливаясь слезами. – Он...

Грэй взял у меня Мака и положил на песок. Присел возле него и коснулся того места в груди, где прежде билось его маленькое сердечко.

– Он умер, Шарлотта.

Я была в отчаянии.

– Нет, не может быть. Неужели ты не можешь спасти его? Неужели мы...

Я упала на колени.

– Почему? – кричала я. – Почему он умер?

Грэй взял меня за руку.

– Этот проклятый остров, это он виноват, – говорила я. – Он злой. Все тут злое.

– Ты огорчена, – сказал Грэй. – Иди приляг. В последнее время ты неважно себя чувствуешь.

– Я не хочу ложиться, – рыдала я. – Я...

И тут мой глаз заметил в океане какое-то пятнышко. Поначалу оно было совсем маленьким. Вероятно, обломок дерева. Может, дельфин. Мы с Грэем видели дельфинов несколько раз. Я всегда испытывала к ним ревность, потому что они были свободные и плавали где хотели.

Пятно становилось все больше. Нет, это был не дельфин. Я разглядела

мачту. Я увидела, что это была лодка, и направлялась она *прямо к острову*.

– Посмотри, – сказала я, показывая на океан.

– Что за...

– Это лодка!

– Я вижу, – ответил он.

Я неистово замахала руками, заорала, когда лодка приблизилась еще ближе.

– Давай разожжем большой костер? – предложила я. – Пошлем дымовой сигнал?

Грэй покачал головой:

– Нет. Они уже видят нас оттуда. По-моему, они направляются к берегу.

Мы смотрели, как лодка, белый парусник, покачивалась на волнах.

Грэй подошел к самой воде.

– Странно, – сказал он. – Такое впечатление, что лодкой никто не управляет. Похоже, она плывет сама по себе.

– Ты никого не видишь на борту? – спросила я, напрягая зрение.

– Нет, – ответил он. – Сейчас я сплаваю туда и попробую забраться на борт.

– Только будь осторожнее, – сказала я, глядя, как он сначала шел по мелководью, потом поплыл. Он смог залезть на лодку и осмотрел ее.

– Никого нет! – крикнул он мне.

У меня упало сердце.

– В моторе осталось немного бензина, – сказал он. – Сейчас я пригоню ее.

Через несколько минут Грэй прыгнул в воду и подтащил парусник к берегу. Я порадовалась, что на этом краю острова не было острых камней, как на восточном берегу, иначе они пропороли бы дно судна.

– Иди посмотри, – сказал Грэй. Я забралась в лодку.

– Скромненько, но приятно, – сказал он и спустился по трапу в маленькую спальню под палубой. – Такая маленькая кухня... – Он открыл холодильник и показал на упаковку из шести бутылок пива «Корона». – Шарлотта, пришла наша лодка.

Я улыбнулась, когда Грэй открыл две бутылки и протянул одну мне. Пиво было теплое, но все равно мы наслаждались его вкусом.

– Интересно, чей это парусник?

– Кто знает, – ответил Грэй. – Может, шторм просто унес ее из прибрежных вод и она плавала по волнам несколько месяцев.

– Нет. – Я покачала головой. – Тогда почему тут лежит багаж? – Я

перешагнула через два небольших чемодана и открыла один из них. В нем лежала женская одежда – бикини, шорты, несколько маек и сексуальная ночная рубашка из черных кружев. Я подняла ее, чтобы определить размер. – Вот как раз о такой я и говорил, – игриво улыбнулся Грэй.

В другом чемодане лежали мужские вещи.

– Похоже, у хозяина был большой размер, – сказала я Грэйю. – Кто-то обзавелся новым гардеробом.

Словно маленький мальчик в магазине «Лего», Грэй разглядывал содержимое лодки.

– Шар, посмотри – ящик с инструментами, – сообщил он. – Как кстати! Он нам пригодится. А вот тут, – продолжал он, доставая из-под кровати большой ящик, – тысячи спичек. И консервы, и консервный нож.

Все это напоминало рождественское утро. Но мое сердце упало. Впервые я поняла, действительно поняла, что Грэй не собирался покидать этот остров. Для него лодка была не средством, с помощью которого мы могли покинуть остров. Нет, для него это был сундук сокровищ, которые облегчат здесь нашу жизнь.

Я сидела и смотрела, как он складывал в кучки вещи, чтобы отнести их в лагерь.

– В чем дело? – спросил он, заметив мое молчание.

– Ты не хочешь уезжать, правда?

Он сел на корточки, держа в руках сковородку.

– Шарлотта, я...

– Ты никогда не хотел уезжать. Скажи мне правду.

Он отвел взгляд.

– Ну а я хочу, – заявила я.

– Ты что, серьезно? – спросил он.

– Да.

– Что, ты будешь дрейфовать вот так, бесцельно, сквозь штормы и бог знает что еще, пока, возможно, тебя случайно не обнаружит какое-нибудь судно?

– Я подниму парус, – сказала я, показывая на мачту.

– Ты не умеешь ходить под парусом.

– Я брала уроки, когда заканчивала школу. Так что все вспомню.

– Не делай этого, Шарлотта. Это безумие. Ты никогда не справишься с лодкой.

Мои глаза наполнились слезами.

– Ты хочешь сказать, что не поплывешь со мной?

Он подошел ко мне:

– Теперь это наш дом, Шар. Твой и мой. Мы больше не принадлежим к тому миру.

– Нет, принадлежим, – возразила я. – И мы можем жить в доме. В красивом доме. Мы начнем все сначала... вместе.

Глаза Грэй потемнели, в них мелькнула злость.

– Я никогда не вернусь туда, – сказал он.

– Почему? – взмолилась я. – Я тебя не понимаю.

– Поверь мне, – сказал он, – я тебе говорю, что *не могу туда вернуться*.

Холодок пробежал по моей спине, когда я подумала про секреты, которые хранил Грэй. Неужели они настолько мрачные? Я отошла от него на шаг.

– Что ты утаиваешь от меня? – спросила я, вспомнив сны, которые я видела, страшные сны.

– Какое это имеет значение? – небрежно бросил он.

– Какое *значение*? – Я вытаращила на него глаза. У меня бешено заколотилось сердце. – Это как-то связано с твоей женой? Ты виноват в ее смерти?

Его лицо стало таким, как в тот вечер, когда я увидела его на лайнере. Мрачным и раздраженным.

– Вот что ты думаешь?

Я всплеснула руками.

– А что я *должна* думать, Грэй?

Он бросил на берег ящик с инструментами и несколько спичечных упаковок из ящика.

– В океане они тебе не понадобятся, остальное останется у тебя.

– Постой, что ты делаешь?

– Я отпускаю тебя, потому что ты этого хочешь.

– Пожалуйста, Грэй, – взмолилась я. – Не надо так.

– Это твой шанс. Ты всегда хотела покинуть остров.

– Я хочу, чтобы ты отправился со мной, – проговорила я сквозь слезы.

– Нет, ты не хочешь, – сказал он. – Не очень хочешь.

– Хочу, – возразила я. – Очень хочу.

– Но ведь ты сказала, что не знаешь меня.

– Не знаю?

– Очевидно, что не знаешь. – Он выпрыгнул из лодки. – Я упакую твои вещи. Тут на лодке есть вода, но тебе понадобится больше, а еще манго, орехи. Я дам тебе вяленую рыбу, которую сделал вчера.

Я откинулась на спинку сиденья в лодке и разрыдалась.

– Вот, – сказал он, возвращаясь с припасами. – Я положил туда письма с корабля и тот дневник.

– Спасибо, – сказала я.

– Будь осторожнее, – напутствовал меня Грэй, и его голос слегка дрогнул.

– Грэй, – прорыдала я.

– Пльви, – сказал он.

– Не отпускай меня.

– Ты сама знаешь, что я вынужден это сделать. – Он столкнул лодку в прибой. – Запусти мотор. Он нужен тебе, чтобы выйти за линию прибоя.

Я повозила с мотором, он завелся, сначала с перебоями, но потом выпустил облачко дыма. Я уплывала. Я на самом деле уплывала. Этого мне хотелось?

Я повернулась к Грэю. Он стоял и смотрел, как я уплывала от острова, который стал нашим домом.

Он помахал мне рукой.

– Я люблю тебя, – сказала я сквозь слезы. Они ручьем текли по моим щекам. – Я всегда буду тебя любить.

Я видела, что шепчут его губы. Это были его последние слова.

– Я люблю тебя.

Мы долго смотрели друг на друга, пока он не превратился в точку на горизонте, и я тоже.

Я заглушила мотор и поставила парус. Был полный штиль, и я просто плыла куда-то среди океана. Я почувствовала новый приступ тошноты и глубочайшее одиночество, глубочайшую печаль, какую я еще никогда в своей жизни не испытывала.

Господи, что я наделала?

Глава 24

Дни тянулись мучительно долго, это медленное течение времени причиняло мне физическую боль. Прошлой ночью мне снилось, что я убегала от кого-то на острове. От мужчины. Рядом не было Грэя, чтобы спасти меня, а еще у меня ужасно болел живот. Когда я проснулась, боль не исчезла. Я прижала руки к животу и орала под звездным небом. Я кричала, звала Грэя и Эрика. Я звала на помощь мое прошлое и настоящее, а еще будущее, до которого все-таки надеялась дожить.

С тех пор я больше не спала, просто смотрела, как луна опускалась в океан, уступая место солнцу. Это была ночная битва между светом и тьмой, где не было настоящих победителей.

Я открыла последнюю банку тушеных бобов и погрузила в нее вилку.

Бобы напомнили мне о летних днях в доме моей бабушки. О клеенке, постеленной на столе в дворике возле кухни, где бабушка готовила барбекю для семьи. О счастливых временах.

Я находилась между двумя мирами – островом и тем миром, который я когда-то называла своим домом. Все было расплывчатым словно расфокусированная линза. Наш с Эриком домик в колониальном стиле на холме Королевы Анны с белым сайдингом, черными ставнями и красной дверью. Георгины и розы в саду, обувница, которую Эрик купил мне для нашего шкафа. Дом, милый дом, вот только... ждут ли меня там? Вернется ли хоть что-то из моего прошлого?

Я легла на койку и закрыла глаза.

* * *

Прошли еще восемь закатов и рассветов. А на девятый я почувствовала ужасную дурноту и слабость, которые меня по-настоящему напугали. У меня закончилась еда. Манго были давно съедены или сгнили. Орехи макадамия тоже. Консервы я тоже съела, не осталось и бутылок с водой. Я выставляла кастрюли и сковородки, чтобы собирать питьевую воду, но дожди случались очень редко. Я могла тут умереть. И где-то в душе уже хотела этого.

* * *

Вчера мне показалось, что я видела корабль. Конечно, это была иллюзия. Просто темное пятно на горизонте. Океан сыграл со мной одну из многих своих злых шуток. Я понимала, что времени у меня почти не осталось. Моя глотка пересохла. Я с трудом могла глотать.

Меня найдут. Когда-нибудь. К этому времени я уже давно умру. Меня расклюют морские птицы. Меня высушит солнце. Моя кожа сгниет. Я содрогнулась.

В ящике я нашла блокнот и ручку.

Тому, кто меня найдет:

Я – Шарлотта Беллуэзер. Я отправилась на Бермудах на экскурсию с моим мужем Эриком Беллуэзером. У нас был медовый месяц. Я провела почти два года на маленьком острове с человеком по имени Грэй Лоутон, который, как и я, уцелел, когда наш катер налетел на риф. Все остальные погибли, включая капитана. Я покинула остров, когда эту лодку прибило к берегу. Я старалась изо всех сил добраться до дома, но не получилось.

Пожалуйста, передайте моим родителям, что я люблю их. И, пожалуйста, сообщите моему мужу...

Я вскинула голову, когда услышала корабельный гудок. *Не может быть.* Когда гудок раздался снова, я взгляделась в ночь. *Это было судно. Огромное судно.*

Адреналин пробежал по моим сосудам подобно электрическому току, вдохнув жизнь в мое тело, которое уже потеряло последние силы. Я должна была зажечь сигнальный огонь. Я знала, где лежали фальшфейеры – в шкафчике возле кухни, в аварийном отсеке. Собрав в кулак свою волю, я стала спускаться по ступенькам, но оступилась и упала, сильно разбив лоб. По щеке потекла кровь. Но мне было некогда думать об этом. Помогая себе руками, я встала на колени и поползла к шкафчику, нашарила там нужный отсек. Достала фальшфейеры, кое-как встала на ноги и отыскала спички, которые оставила возле чайника.

Я выползла на палубу и попыталась зажечь первую спичку. Руки не слушались меня, спички вываливались из пальцев. *Давай, Шарлотта. Это твой шанс. Пожалуй, твой единственный шанс.* Я сделала еще одну попытку и на этот раз зажгла пламя, красивое, оранжевое пламя. Я поднесла спичку к концу фальшфейера, и он загорелся. Я подняла его вверх и... но мои пальцы разжались, и он упал на моих глазах в воду.

Нет! Нет, нет, нет, нет.

Судно двигалось в ночной тьме полным ходом. Меня просто не заметят. *Мне надо зажечь другую ракету.*

Я расставила ноги, чтобы не упасть, и зажгла новую спичку, на этот раз с лазерной точностью сосредоточившись на фальшфейере. Получилось, я сумела зажечь его и подняла над головой. Я лихорадочно размахивала над головой сигнальным огнем, пока не обессилела. Тогда я рухнула в кресло, но все равно продолжала размахивать правой рукой.

– Пожалуйста! – кричала я. – Пожалуйста, заберите меня!

Судно продолжало движение по своему маршруту.

– Подождите! – закричала я. – Пожалуйста, остановитесь!

По моим щекам текли ручьями слезы. Я прижала к груди колени и уронила на них голову. *Вот и все. Это конец.* Я знала это. Я чувствовала.

И тут я услышала гудок. Я вскинула голову и посмотрела в ночь. Увидела вспышку, гораздо более яркую, чем от фальшфейера, который держала в руке. Эта вспышка была как на шоу в честь Четвертого июля.

Я снова встала. У меня кружилась голова, путалось сознание, но я из

последних сил вцепилась в борт парусника и велела своим ногам стоять. *Не подведите меня*, – умоляла я их.

Я не знала, заметили они меня или нет. Но тут прозвучал еще один гудок и последовала еще одна вспышка. Судно, казалось, повернуло назад. Повернуло ко мне.

Я все еще размахивала фальшфейером. Я стояла до тех пор, пока судно не приблизилось ко мне настолько, что я увидела сначала отражения его огней на воде перед собой, а потом они осветили мою лодку.

Меня заметили. Меня увидели. Слава богу!

Потом я услышала голос – кто-то обратился ко мне по мегафону:

– Мы вас видим и идем к вам на помощь. Берегите силы и оставайтесь на месте. Мы высылаем к вам шлюпку.

Я опять помахала фальшфейером, как бы говоря «да» и «спасибо».

Через несколько минут я увидела шлюпку. В ней было трое, и когда они подплыли к моему паруснику, мне хотелось обнять их всех.

– Я Джон, – представился один из моряков. – Это Рэнди, а это Пит. Судно принадлежит «ЭмЭсСи Зо»^[9]. Мы везем груз в Уилмингтон, Северная Каролина. Вы американка?

– Да, – ответила я. – Меня зовут Шарлотта... Я...

– У нас будет еще много времени, чтобы выслушать вашу историю, – сказал Джон. – А сейчас вам не до этого. Вы еще живы. Мы доставим вас на борт.

Он протянул мне руку.

– Подождите, – сказала я и спустилась вниз. Там я схватила письма, дневник и фото молодой женщины, которые мы нашли в корпусе «Циклопа». После этого я взялась за сильную, мозолистую руку Джона.

Он помог мне перебраться в шлюпку и набросил мне на плечи оранжевое одеяло.

– Вы были тут одна? – спросил он.

Я кивнула сквозь слезы. Они потоками лились по моему лицу.

Глава 25

Первая ночь после моего спасения прошла в тумане. Ко мне то возвращалось сознание, то снова уплывало. Я помню укол иглы – мне сделали внутривенное вливание. Надо мной маячил силуэт корабельного доктора, а может, и медсестры. Они шепотом разговаривали о моем состоянии. Яркий свет бил в глаза. Мое исхудавшее тело накрыли колючим шерстяным одеялом.

На следующее утро, когда я открыла глаза, в маленький иллюминатор справа от меня светило солнце. В дверях с подносом в руках появилась женщина в черном брючном костюме.

Я осторожно села.

– Я Пам, – представилась она. – Доктор Свансон попросил меня отнести вам вот это. Он советует вам есть как можно больше, но потихоньку. Вероятно, ваш желудок отвык от больших порций.

Я кивнула и посмотрела на поднос, который она поставила мне на колени. Омлет с тертым сыром. Тост. Блюдо с разными фруктами. Чашка кофе. Для меня это была невиданная роскошь. Я взялась за вилку и начала с омлета. Он буквально таял у меня во рту. Я никогда не любила завтраки, но сейчас я не представляла себе ничего вкуснее. Яйца. Я решила, что они божественно вкусные.

Пам села рядом со мной на койку.

– Я сотрудница грузовой компании, – сказала она. – Мы рады, что смогли вас выручить.

– Спасибо, – пробормотала я, не переставая жевать.

– Я хочу, чтобы вы знали, что у нас вы в безопасности, – сказала она.

Я кивнула.

– Насколько я поняла, вас зовут Шарлотта.

– Да, – ответила я. – Шарлотта Беллуэзер.

Она удивленно раскрыла глаза.

– Пойдите, вы сказали Шарлотта Беллуэзер?

Я кивнула.

– Не может быть.

– Почему? Что вы имеете в виду?

– Неужели вы та самая... – Она замолчала и покачала головой. – Вы та самая женщина, о которой я читала в новостях? И это было уже довольно давно? Та самая, которая пропала с круизного лайнера во время своего медового месяца?

– Да, – ответила я тут же. – Это я.

– Ничего себе! – воскликнула Пам. – Я даже не знаю, с чего и начать.

Я тоже не знала и взяла тост со сливочным маслом. *Сливочное масло.*

У меня текли слюнки.

– Как же вы?..

Я отложила хлеб, взяла кофе и с наслаждением сделала глоток. Вероятно, это был «Фолджерс» или и того хуже. Но мне его вкус показался божественным.

– Вы хотите выслушать мою историю? – спросила я. – Всю историю?

Она поудобнее устроилась на стуле и приготовилась слушать.

* * *

– Я в себя не могу прийти, – выдохнула она. – Как же вы выживали все это время?

Я допила последний глоток кофе.

– А тот мужчина, Грэй, он все еще там?

Я кивнула и перевела взгляд на иллюминатор.

Она дотронулась до моей руки.

– А вы... любили его?

Я долго молчала.

– Да, – прошептала я.

Но прежде чем она смогла что-то сказать, меня захлестнула волна тошноты, и я легла на левый бок, потом перевернулась на правый.

– Пам, – проговорила я. – Я, я... меня тошнит.

– Вот, – сказала она и быстро подала мне пакет, куда я и извергла содержимое своего желудка. – Сейчас я приведу доктора Свансона.

Через минуту она вернулась с доктором, мужчиной под шестьдесят с лысым черепом и добрыми глазами. Он осмотрел меня.

– Вероятно, это сочетание нервов и недоедания. Ваша пищеварительная система не привыкла есть так, как когда-то. – Он немного

помолчал. – Но сейчас нам надо исключить что-либо другое.

– Что-либо другое? – переспросила я, вставая. Пам протянула мне чашку ледяной воды с соломинкой. Я сделала глоток.

Доктор Свансон кивнул:

– Беременность.

– Нет, – возразила я с легким смущением. – Я не могла забеременеть. Понимаете, я...

– Не нужно смущаться, – продолжал он. – Никто вас не осуждает. У вас позади тяжелые испытания.

– Дело не в этом, – сказала я, хотя испытывала некоторый стыд. Ведь в глазах закона я была замужней женщиной. И замужем не за Грэм. – Просто я... – Я хотела рассказать им о моем состоянии, про гистерэктомию, но почувствовала слабость, и доктор Свансон помог мне встать.

– Вот, – сказал он, протягивая мне тест на беременность. Я никогда не делала его, ни разу в жизни. А Габби делала. Я помогала ей покупать в бакалее упаковку для теста еще в годы учебы в колледже, когда она пила слишком много и заходила слишком далеко с Брэдом Китером, жутким парнем из футбольной команды, который мог обольстить любую девчонку в кампусе, включая и Габби. Хорошо еще, что тогда, после мучительных минут ожидания и предположений, тест показал, что беременности не было.

– Нет, – сказала я, положив тест на стол и снова ложась в постель, – спасибо, но это исключено. Я не могла забеременеть. Поверьте мне.

Доктор пожал плечами.

– Ладно, – сказал он. – Но все равно я считаю, что вам не мешает провериться. – Он повернулся к двери. – Я оставлю тест здесь, на тот случай, если вы передумаете.

Я повернулась на другой бок и закрыла глаза.

* * *

– Вы представляете, сколько прозвучит фанфар по поводу вашего прибытия, – сказала мне Пам на следующий день за ланчем. К счастью, я сумела удержать в себе сэндвич с тунцом, и это меня радовало. Впрочем, я готова была съесть еще восемь таких сэндвичей.

– До порта нам плыть еще неделю, – продолжала она. – Мы уже известили управление о вашем спасении, это протокольная мера. А сегодня утром мы получили сообщение, что в порту вас будут ждать журналисты со всего мира в надежде получить у вас интервью.

Я крепко зажмурила глаза и покачала головой:

– Я не хочу ни с кем разговаривать.

– Я сообщу об этом, – сказала она. – Но вам следует иметь в виду, что они могут вас и не послушать. Ваша история стала международной сенсацией. После вашего исчезновения ваши фотографии были опубликованы во всех газетах, показаны по всем новостным программам. Мне не хочется вас огорчать, но для вас скоро начнется ад, по крайней мере на некоторое время. Но когда-то эта шумиха затихнет. Вы сами знаете, какова судьба таких сенсаций, – сначала одна, потом другая, более свежая.

– Не знаю, готова ли я к этому, – вздохнула я.

– Мы приложим все силы, чтобы защитить вас, когда вы сойдете на берег, – сказала она. – В порту с вами встретится представитель круизной линии.

– С того круизного лайнера?

– Да, – подтвердила она. – Того самого, на котором вы плыли, когда...

– О, – прошептала я.

– Знаете, – продолжала Пам, – на вашем месте я бы после возвращения домой первым делом наняла адвоката.

Я кивнула.

– Он вам явно понадобится. – Она вздохнула. – И вообще, предусмотрено, что сотрудник с круизного лайнера отвезет вас куда-нибудь в спокойное место и проследит, чтобы с вами было все в порядке.

Я сделала глоток ледяной воды, меня охватывал ужас.

– Со временем вы вернетесь к нормальной жизни.

– Как же моя семья? – спросила я.

Женщина захлопала ресницами, как это бывает со мной, если мне задают вопрос, на который мне трудно ответить.

– Мы постараемся, чтобы вы встретились с ними как можно скорее.

– А мой муж? – спросила я, решив, что я могла бы позвонить ему. Его номер я знала наизусть, а на судне наверняка был телефон. Но я не стала этого делать.

– Да-да, – сказала она. – Да, конечно.

* * *

У меня все внутри затрепетало, когда в иллюминаторе я увидела землю. Я была еще слабая. Понадобится время, сказал мне доктор Свансон, чтобы мои мышцы набрали силу после двух лет недоедания. Но сегодня я должна была найти в себе силы, потому что через несколько часов я выйду на палубу и окажусь на берегу под бесчисленными вспышками фотокамер.

Пам принесла мне приличную одежду – черные джинсы и бежевый свитер. Все это было велико мне как минимум на три размера и совершенно не в моем стиле, но меня это не слишком волновало. Она помогла мне привести волосы в порядок и спросила, не хочу ли я воспользоваться ее косметикой.

– Если бы я знала, что мое фото покажут в новостях по всему миру, я бы чуточку подкрасилась, – сказала она. Я так и сделала.

– Готовы? – спросила она, остановившись в дверях.

– Минутку, – ответила я. Она кивнула.

– Я буду ждать вас снаружи.

С тяжелым вздохом я еще раз посмотрела в зеркало. Я с трудом узнавала эту женщину. Впалые щеки. Длинные волосы, выгоревшие на солнце.

Я взяла маленькую полотняную сумку, в которую Пам положила бутылку воды, сладости и бумаги, которые мне надо было заполнить для круизного агентства. Я убрала туда мои единственные ценности – бумаги с «Циклопа» – и шагнула к двери. Но потом передумала, выдвинула ящик тумбочки, достала тест на беременность и тоже сунула его в сумку.

– Ну все, – сказала я, выйдя в коридор, и тяжело вздохнула. – Теперь я готова.

* * *

Пам повела меня к трапу. Я не верила своим глазам. Внизу на причале стояли сотни людей. Яркие вспышки. Всеобщее ликование. Море рук, взметнувшихся в приветствии.

Я повернулась к Пам:

– Это все ради меня?

Она кивнула, потом сняла темные очки и протянула мне:

– Хотите?

– Спасибо, – поблагодарила я, надев их.

– Ну пойдете, – сказала она.

Я сошла следом за ней по трапу на причал, где нас встретили полицейские.

– Я сержант Стайн, – представился один из них. – Мы проводим вас к машине. – Он козырнул мне. – Добро пожаловать домой, миссис Беллуэзер.

– Спасибо. – Я нервно улыбнулась.

Проход был отгорожен веревками, но репортеры тянули ко мне руки с микрофонами.

– Шарлотта, – сказал один парень, – это правда, что вы были на

пустынном острове с человеком по имени Грэй Лоутон?

– Простите, Шарлотта, – спросил мужчина в помятом черном костюме, дотронувшись до моей руки. – Вы любили его?

– Миссис Беллуэзер, – спросила женщина с толстым слоем грима на лице и такой жесткой прической, словно она вылила на нее бутылку лака, – вы знали, что Грэй Лоутон был осужден за убийство?

Я застыла на месте от удивления.

– Пойдемте, пойдемте, – шепнула мне Пам. – Еще немного, Шарлотта. Мы почти пришли.

– Простите, Шарлотта!

– Шарлотта!

– Шарлотта, вы что-то слышали о своем муже? Он знает про Грэя Лоутона?

– Вы вернетесь к мужу, миссис Беллуэзер?

Автомобиль стоял перед нами, черный внедорожник. Сержант Стайн и его коллеги помогли мне забраться в него. Пам села рядом со мной.

– Миссис Беллуэзер, вам известно, что ваш муж...

Дверца захлопнулась. Самые настырные репортеры даже стучали нам в стекло.

– Весьма сожалею, – сказала Пам. – Это было хуже, чем я думала.

В машине была еще одна женщина, которая представилась как Конни, сотрудница круизной компании. По ее словам, она поможет мне вернуться к нормальной жизни.

Она спросила, как я себя чувствую и нужно ли мне что-нибудь. Кто-то протянул мне бутылку холодной «Сан-Пеллегрино», я сняла темные очки. Машина сорвалась с места. Я не могла говорить. Я не могла думать.

Слова «осужденный убийца» вновь и вновь звучали в моих ушах.

* * *

Мы ехали час, может быть, больше. Я смотрела на знаки, пролетающие мимо окон; они напоминали мне о моей прежней жизни. Бензозаправки. Фастфуды. Придорожные кемпинги.

– Странно, – сказала я Пам. – Все кажется мне таким чужим, каким-то иностранным. Я чувствую себя инопланетянкой в чужом мире.

– Постепенно все станет проще, – сказала она, как старая подруга.

– Куда мы едем?

– Нас везут в Рейли, – ответила она. – Там отель с подземным гаражом и надежным лифтом. Когда президент приезжает в этот город, он останавливается там.

– Вот это да! – хмыкнула я.
– Вы отдохнете, соберетесь с силами. Сегодня вечером вы встретитесь с Конни и обсудите все детали.
– Какие? – удивилась я.
Конни прокашлялась.
– Мы, администрация компании «Принцесса круизов», хотим, чтобы вам было комфортно в вашей новой жизни, которая вас ждет, – сказала она. – И я помогу вам в этом.
Я ничего не понимала, но воздержалась от дальнейших вопросов.
– Завтра в полдень вы летите в Сиэтл, – продолжала Пам.
Сиэтл. В этом слове мне ничего не напоминало о доме. Больше ничего.

* * *

Когда мы прибыли на место, в подземном гараже нас ждали шестеро полицейских, но на этот раз там не было толпы, которую им пришлось бы сдерживать. Пам была права. Подземный гараж был безопасным, и я могла благополучно подняться на лифте на одиннадцатый этаж, никем не замеченная.

Конни из круизной компании вставила ключ в дверь, и мы с Пам вошли в номер. Только это был скорее пентхаус, а не обычный номер.

– Мы надеемся, что вам сегодня будет комфортно, – сказала Конни. – Вон там спальня. За углом настоящая кухня. Мы на свой страх и риск принесли туда всякие деликатесы и напитки. Вы сами посмотрите, что вам захочется съесть или выпить.

Я кивнула.

Возле гостиной на подставках стояли четыре чемодана.

– Мы понимали, что вам сейчас нечего надеть, и мои коллеги купили вам все необходимое. – Она нервно улыбнулась. – У вас ведь сейчас второй размер, верно?

– У меня прежде был шестой, но... – Я посмотрела на свою тощую фигуру. – Да, думаю, что это в самый раз.

Конни показала на диван в гостиной.

– Давайте присядем, – сказала она.

Я последовала за ней и опустилась на мягкие подушки бежевого дивана.

– Я понимаю, что вы устали, – продолжала Конни. – Вероятно, у вас в голове сейчас крутятся тысячи мыслей и вы не слишком настроены на разговор, но мне нужно обсудить с вами несколько вещей.

Пам показала мне взглядом: мол, мне стоит ее выслушать.

– Хорошо, – согласилась я.

– Шарлотта, мы в «Принцессе круизов» понимаем, что вы перенесли невыносимые трудности, – начала она, положив перед нами на кофейный столик мантильский конверт^[10]. – Мы хотим, чтобы все наши пассажиры чувствовали себя в безопасности на борту наших круизных лайнеров, в портах, куда мы их привозим, и на тех береговых экскурсиях, которые мы им предлагаем. – Она вздохнула. – Мы понимаем, что ваша безопасность пострадала, и, хотя мы не несем прямой ответственности за этот случай, мы заверяем вас, что мы искренне сожалеем о случившемся. В знак наших искренних извинений и для того, чтобы вы не подавали судебный иск к нашей компании, мы готовы предложить вам компенсацию. – Она открыла мантильский конверт, достала пачку бумаг и положила их передо мной.

Я увидела какие-то юридические документы, которые мне предстояло прочитать, и чек на сумму 9 000 000 долларов.

– В обмен на вашу готовность не предавать этот случай медийной огласке и не предъявлять к нам претензии через суд мы готовы предложить вам компенсацию в девять миллионов долларов.

Я вытаращила глаза. Я посмотрела на Пам, потом снова на Конни.

– Вы увидите в этих бумагах, – продолжала она, – что мы рассчитываем на то, что вы не будете отзываться плохо о нашей круизной компании во всех интервью, которые будете давать; а со временем мы бы хотели, чтобы вы участвовали в наших рекламных роликах, может быть, даже присоединитесь к нашему генеральному директору на съемках очередного эпизода для «60 минут» или другой новостной программы. – Она помолчала. – Конечно, когда вы будете к этому готовы. – Она улыбнулась мне как человек, который собирается заключить очень крупную сделку. Вот только это была не сделка. Это была моя жизнь. У меня кружилась голова. Желудок горел огнем.

– Что скажете, Шарлотта? – продолжала Конни.

– Я не знаю, – с тяжелым вздохом ответила я. – Не знаю, что и сказать.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда обдумайте все как следует. Но к утру нам нужен ваш ответ. – Она встала. – Я оставлю на столе мою карточку. Позвоните мне, если вам будет что-нибудь нужно. – Она мило улыбнулась. – Что угодно.

Когда она ушла, Пам повернулась ко мне:

– На вашем месте я бы потребовала десять миллионов.

Глава 26

На следующее утро я проснулась в ужасе. Мне приснилось, что на остров сел вертолет, готовый отвезти Грэя и меня в безопасное место, но

только я не могла его найти. Я обыскала весь остров и наконец обнаружила его и Мака. Оба были повешены в «Циклопе».

Я бросилась в ванную и плеснула в лицо холодной водой.

Это всего лишь сон. И все-таки моя реальность была не слишком утешительной.

Возле кровати зазвонил телефон. Я сняла трубку на третьем звонке.

– Алло?

– Шарлотта? – Боже мой, я мгновенно узнала этот голос. Этот громкий, чуть хрипловатый бас.

– Эрик!

– Шарлотта, это ты... Это и правда ты.

– Да, – сказала я почти механически, как робот. Он мой муж, но был мне сейчас совсем как чужой.

– Шарлотта, мне даже не верится, что это ты. Я... я... я думал, что тебя больше нет. Я так долго ждал, я...

– Прости, Эрик, – сказала я.

– Прости? – Мне показалось, что он плакал. – Пожалуйста, даже не думай, что тебе нужно извиняться. Это я виноват. Мне надо было плыть с тобой на той лодке. Мне не следовало оставлять тебя там. Я так жалел об этом...

– Знаешь, – сказала я. – Мне... – Я не знала, что сказать. Я даже не представляла себе, как я снова войду в ту жизнь, которая уже осталась позади, когда я шагнула на катер на Бермудах. Я даже с трудом помнила ту женщину, какой была когда-то.

– Ты сейчас в Северной Каролине, – продолжал он. – И ты прилетаешь домой сегодня?

Домой.

– В Сиэтл, да.

– Хорошо, тогда мы встретимся? Пообедаем?

– Да, конечно.

– Отлично, – сказал он. – Хочешь, я тебя встречу?

– Нет, все нормально. – Я помолчала. – Знаешь, я очень хочу с тобой увидеться. Просто сотрудники круизной компании привезут меня туда, куда мне нужно.

– Конечно, – сказал он. – Тогда пусть они привезут тебя к «Розовой двери» к семи часам. Помнишь, как ты когда-то любила это место?

Конечно, я помнила. Я помнила, как Эрик привез меня туда во время нашего второго свидания, и я знала даже тогда, что начинала в него влюбляться.

– Да, – сказала я. Мы ходили туда и с Габби, она тогда еще встречалась со своим бывшим бойфрендом. – Эрик, а как там Габби?

Он надолго замолчал, и я даже подумала, что нас разъединили.

– У нее все нормально, все нормально, – торопливо проговорил он.

– Хорошо. Мне не терпится ее повидать.

– Значит, я увижу тебя сегодня?

– Да, – сказала я.

– Мне просто с трудом верится, – как-то смущенно произнес он. – Я так счастлив, что ты жива-здоровая, Шарлотта. Счастлив, что ты вернулась домой.

– Я тоже, – сказала я. Но только о счастье не могло быть и речи. Мне казалось, что мое сердце вот-вот разорвется от тоски.

* * *

Я долго стояла под душем, побрила ноги. Это было чудесно. Лучше, чем любые процедуры в спа, которыми я когда-то увлекалась, это точно. Потом высушила феном волосы и залюбовалась на них – они выглядели чудесно, когда стали чистыми и блестящими. Нанесла на лицо тональный крем, чуточку румян и немного помады на губы, все это я нашла в косметичке, оставленной для меня в ванной. Потом долго смотрела на себя в зеркало. Я и забыла, что вообще-то я... хорошенькая.

Я проверила содержимое чемоданов с одеждой, купленной сотрудниками круизной компании, и выбрала черный хлопковый сарафан и серый кардиган. Черные сандалии были немного великоваты, но ничего, сойдет.

Я попрощалась с Пам, поблагодарила ее за все и отправилась с Конни в подземный гараж. Там нас ждали две машины полицейского эскорта, чтобы сопроводить в аэропорт. Мы сели в черный внедорожник. Конни протянула мне бутылку с прохладной водой.

– Журналисты уже нас выследили и осадили отель, – сообщила она, – поэтому мы попросили помощь у полиции.

Я нахмурилась:

– Скорее бы кончилась вся эта шумиха. Мне совершенно не хочется быть в центре внимания.

Конни пожала плечами:

– Со временем все затихнет, но пока тут настоящий цирк, так что мы будем держать вас подальше от публики. – Она нервно поглядывала в окно, когда мы выехали из гаража и проезжали мимо журналистов и операторов. – Будем надеяться, что они не увяжутся за нами и не будут

преследовать до аэропорта.

Я откинулась на спинку кресла, радуясь, что в машине тонированные стекла.

– Вы уже подписали бумаги? – спросила она.

– Ох, – вздохнула я. – Нет, еще не подписала.

Конни молча посмотрела на меня. Я вспомнила, что Пам советовала мне потребовать больше денег. Стоит ли? Разумно ли мне так поступать? Немного поколебавшись, я решила, что девять миллионов долларов – достаточные деньги, мне их хватит на всю жизнь. Кроме того, мне было совершенно не интересно иметь дело с адвокатами и судиться с круизной компанией.

– У вас есть ручка?

– Да, – с облегчением ответила она и достала ручку из сумочки. Я положила бумаги на сумку.

Я поставила свою подпись, но тут же спохватилась.

– Оп-па! Я написала свою девичью фамилию. – Я взглянула на нее: Шарлотта Фэрчайлд, но я сменила ее на фамилию Эрика. – Я Шарлотта Беллуэзер. Просто я рассталась с мужем во время нашего медового месяца и никогда в реальной жизни не пользовалась этой фамилией. – Теперь она казалась мне фикцией, этой альтернативной идентичности практически никогда не существовало.

– Ничего, – успокоила меня Конни. – Просто зачеркните и напишите свою официальную фамилию с инициалами.

Я кивнула и исправила подпись.

Она взяла бумаги, сунула их в папку и мило улыбнулась.

– Конечно, хорошо возвращаться домой.

– Пожалуй, – без энтузиазма отозвалась я.

– Мы взяли на себя смелость и сняли для вас временные апартаменты в центре города. – Она нервно улыбнулась. – Прошли годы, и вы и ваш... супруг, возможно, захотите снова узнать друг друга, прежде... понимаете, мы просто подумали, что вам захочется иметь собственное, личное пространство, когда вы снова вернетесь к привычной жизни.

– Спасибо, – с облегчением поблагодарила я. Вероятно, я с радостью вернусь в дом на холме Королевы Анны, где я когда-то жила с Эриком, но дело в том, что при мысли об этом мне казалось, что я сразу покроюсь пылью. Мне нужно было время. Возможно, ему тоже.

– Вот так, – сказала Конни, когда мы приехали в аэропорт. – Нас проводят до стойки регистрации, но после этого мы будем до посадки предоставлены сами себе. Советую вам опустить голову и не смотреть по

сторонам. – Она протянула мне темные очки: – Вот, наденьте.

Я надела темные очки, вышла из машины и огляделась по сторонам. К моей радости, я увидела, что вокруг нас все занимались своими делами, выгружали багаж, прощались с близкими. *Пока все было нормально.*

Я шла за Конни и нашим эскортом до стойки регистрации А23.

– Хотите кофе или чего-нибудь еще? – спросила она, поставив свою сумочку. Остальной багаж мы сдали.

– Конечно, – отозвалась я.

– Пойдемте вместе, – сказала Конни.

– Я останусь здесь, если вы не возражаете. – Я оглядела зал. Мне показалось, что здесь меня репортеры не растерзают.

– Хорошо, – согласилась она. – Так что вы хотите? Латте? Мокко?

– Американо, – ответила я.

Она улыбнулась:

– Не понимаю, как вы выжили без кофе там, на острове.

– Я тоже, – усмехнулась я.

Конни направилась в «Старбакс». Очередь была длинная, и я порадовалась, что осталась здесь. Я стала наблюдать за молодой парой, сидевшей наискосок от меня. Их маленькая девочка, лет двух, топала ножками возле пассажиров, показывала на их обувь и называла цвет.

– Синий! – радостно говорила она. – Красный! – Родители награждали ее каждый раз аплодисментами и улыбками.

Если несколько лет назад я бы лишь на несколько секунд обратила внимание на эту маленькую игру, но теперь она заморозила меня – эта пара была такой счастливой, они были так крепко связаны между собой любовью к этому маленькому херувиму. Я замороженно смотрела на эту троицу. У меня никогда не будет такого...

– Извините, – сказала какая-то женщина, дотронувшись до моего плеча.

Я повернула к ней лицо. Она была стройная, высокая, черноволосая, в очках с черепаховой оправой.

– Да?

– Вы та самая Шарлотта, которая потерялась во время того круиза?

Окружающие с интересом посмотрели на меня.

– Вы на нее похожи, – сказал один мужчина. Другой кивнул.

– Это вы, – заявила черноволосая. – Я знаю точно.

– Я читала сегодня по Си-Эн-Эн. ком, что вы возвращаетесь в Сиэтл для встречи с мужем, – сказала женщина справа от меня. – О, мне даже не верится, что мы полетим одним рейсом.

– Как там все было? – спросила черноволосая.

Не успела я ответить, как сидевшая слева блондинка коснулась моей руки.

– Я слышала, что вы были на том пустынном острове два года с тем жутким доктором, который убил свою жену. – Она повернулась к соседке: – Представляете?

Я открыла рот и хотела что-то сказать, но голос пропал. У меня бешено колотилось сердце. Слезы жгли глаза.

– Я слышала, что...

– Хватит, – внезапно рывкнула Конни, ставя кофе на боковой столик, прикрепленный к моему креслу. – Пожалуйста, имейте совесть и приличие, оставьте ее в покое. Она столько пережила, что никто из вас не встречал за всю свою жизнь.

Черноволосая женщина отошла, раздраженно фыркнув. Остальные вернулись к своим журналам. Молодые родители малышки уставились на меня словно на редкую обезьянку из лесов Амазонки или, что было ближе к истине, на носительницу очень заразной болезни.

– Сочувствую, – сказала Конни.

– Ничего, все нормально.

– Люди будут говорить много всякого, – продолжала она. – Они будут думать о вас разные вещи. А вам просто надо помнить, что важно, а что нет. Я долго работала с публикой и знаю, какими бесчувственными и бесцеремонными бывают люди. Мой вам совет – старайтесь, чтобы это вас не задевало.

Я кивнула.

Она взяла свою сумку.

– Пойдемте, объявили посадку. Давайте уйдем отсюда.

* * *

– Вы точно не хотите, чтобы я пошла с вами? – спросила Конни, когда водитель остановил машину возле улочки, которая вела к «Розовой двери».

Я покачала головой:

– Все будет в порядке.

– Тогда ладно, – сказала она. – После ресторана шофер отвезет вас в кондоминиум. Багаж будет ждать вас там. – Она протянула мне конверт. – Тут ключ и ночной код для входа в здание, на случай... если ваш вечер продлится и консьерж уйдет домой.

Я бесстрастно кивнула.

– Завтра вам нужно открыть банковский счет, на который будут

переведены деньги. Вы точно сможете это сделать?

– Конечно, – заверила я.

Она вздохнула, словно мать, отправляющая свое дитя в колледж.

– Пожалуй, я попрощаюсь с вами. Впрочем, не совсем. Вы знаете, как мне звонить по сотовому телефону. Звоните мне в любое время суток.

– Спасибо, Конни, – поблагодарила я, вышла из машины и направилась по мощенной булыжником улочке к рынку Пайк-Плейс, сразу за которым находился ресторан. Я увидела чуть поодаль ту самую розовую дверь и впервые разнервничалась.

Эрик, вероятно, был уже внутри, сидел за столиком, потягивая коктейль «Негрони». Внезапно я испугалась за свой наряд. *Что, если это слишком... что, если я слишком...*

Я взялась за дверную ручку и слегка приоткрыла дверь. Скрипнули петли, я шагнула внутрь, на верхнюю площадку. В воздухе пахло жареным чесноком и только что открытым вином.

Я огляделась, мои глаза быстро перескакивали со столика на столик, так же быстро билось мое сердце. *Где он? Он здесь?*

Я сошла по ступенькам к метрдотелю; меня приветствовала женщина в кружевном платье с высоким воротом и подведенными темным карандашом глазами. Я поправила свое скромное платьице и подумала: неужели так сильно изменилась мода с тех пор, как я в последний раз покупала себе наряды? Мои ладони стали горячими и липкими. Я чувствовала себя здесь здесь чужой, словно приехала на вечеринку неодетой или, пожалуй, даже незваной.

– Вы Шарлотта? – спросила женщина.

– Да, – с удивлением ответила я.

Она улыбнулась:

– Эрик вас ждет.

Я повернулась и посмотрела, куда она показывала. Зал был освещен неярко, но я все равно различила его лицо на фоне стены янтарного цвета. Он держал в руке коктейль, а его улыбка была немного нервной.

Наши глаза встретились. Он встал, и я направилась к нему. У меня так громко билось в груди сердце, что я почти не слышала музыкантов, игравших в баре. Джаз? Рок? Я даже не могла сказать. Я слышала только кровь, бурлившую во мне.

– Привет, – сказал он, когда я подошла к столу. Он неловко протянул ко мне руки, и я упала в его объятия.

– Привет, – ответила я, вытирая с глаз наворачнувшиеся слезы.

Он сжал мою руку и показал на сиденье наискосок от него. Я села.

– Ты выглядишь...

– Костлявой? – улыбнулась я.

Он немного запрокинул голову и засмеялся. На его глаза упал свет, и я увидела слезы. Момент был эмоциональным и для него.

– Да, – сказал он.

– Я похудела на двадцать фунтов.

Он покачал головой и протянул мне меню. Я быстро пробежала его глазами и положила на стол. Я должна была бы проголодаться. Я проголодалась. Но я не могла заставить себя читать про припущенные в сливочном масле щечки палтуса, или про ризотто с мускатной тыквой, или про что-либо еще.

Глаза Эрика метнулись от моих глаз на его бокал, потом на его руки, лежавшие на коленях.

– Я... – Он начал было говорить, но его голос оборвался. – Шарлотта... я думал, что ты умерла.

Я мрачно кивнула:

– Я тоже думала, что умру.

– Я так рад, что это не так, – сказал он. – Я так рад, что ты здесь.

Да, рад, я это знала. И все-таки мне почему-то показалось, что его голос немного окрашен сожалением. Может, у него что-то изменилось? Он научился жить без меня, даже наслаждаться жизнью? Если это так, то разве я могла винить его за это? Он был вдовцом, и потом... оказалось, что нет.

– Я хочу тебя о многом расспросить, – сказал он. – Мне хочется знать все. – Он нервно засмеялся. – Вот только не пойму, с чего начать.

– Я тоже, – сказала я.

Наши глаза снова встретились. Я протянула к нему руку.

– Я знаю, что за это время многое изменилось.

Он кивнул.

– Но я хочу спросить, – я взглянула на него. – Твоя камера. Фотографии в памяти. Женщина. Кто она такая?

Эрик закрыл глаза, потом открыл их снова.

– Да, я должен кое-что тебе рассказать.

Возле столика появился официант и предложил мне винную карту, но я покачала головой. Мне совсем не хотелось вина, вообще ничего из спиртного. Меня весь день подташнивало, а сейчас я чувствовала боль в правом бедре, которая, как я сообразила, началась по моей вине. Я неосознанно так напрягла ноги, что бедро свело судорогой.

– Я наделал столько ошибок перед тем, как мы пошли к алтарю, – сказал Эрик с сожалением. – И не потому что я не любил тебя. Любил. И...

люблю. Я просто... растерялся. И... да... это был глупый поступок.

– Эрик, ты просто расскажи мне. Я провела два года на острове среди океана и сумела это пережить. Смогу пережить и твои признания.

Он тяжело вздохнул, снова посмотрел на свои руки и посмотрел мне в глаза.

– Та женщина в моей камере – это... Габби.

Я ахнула, покачала головой, не в силах осмыслить то, что было бы очевидным кому-нибудь другому, оказавшемуся на моем месте.

– Габби?

– Да, – сказал он. – У нас был... флирт.

– Флирт? – Конечно, я знала это слово, знала, что оно означало, но, когда его произнесли губы Эрика, оно сразу прозвучало как-то странно и неопределенно. *Они целовались? Держались за руки? Они?..*

– Тогда это ничего для меня не значило, – продолжал Эрик. – Я любил тебя, но был в смятении. Мне надо было как-то разобраться со своими мыслями и чувствами. И я разобрался.

Я покачала головой, впитывая информацию, как знаменитый мамин рождественский торт впитывал ром. Чем больше я проникалась этой новостью, тем больше мне становилось.

– Где она сейчас?

– Габби? – спросил он. Мне не понравилось, как он произнес ее имя, почти с нежностью.

Я кивнула.

– Она дома. – Он молчал, как мне показалось, сто лет. – Шарлотта, мы поженились год назад, когда у нас родился ребенок.

– Ваш ребенок? – Я сверкнула глазами.

Эрик кивнул. Я поняла, что для него этот разговор был таким же мучительным, как и для меня.

– Все случилось неожиданно, – объяснил он. – Все это. Когда ты исчезла, я совсем не собирался продолжать нашу связь. Все это было некрасиво, нехорошо. Больше всего мне хотелось найти тебя, вернуть тебя домой и начать нашу совместную жизнь. Я собирался рассказать тебе обо всем. Честное слово. Но потом поиски были прекращены. Тебя объявили погибшей. Шарлотта, я беседовал с человеком из Береговой охраны, возглавлявшим операцию. Он смотрел мне в глаза и говорил, что мне пора объявить траур, потому что твои шансы выжить равны нулю. Так я и сделал. Мы устроили твои похороны. Заказали камень и установили его на том маленьком кладбище на острове Бейнбридж, которое ты любила. Откуда открывается красивый вид на залив Пьюджет-Саунд.

Я вытерла слезу, которая катилась по моей щеке.

– Габби только хотела утешить меня, а я ее, – продолжал он, – но все обернулось иначе. – Он потер лоб. – Потом мы обнаружили, что у нас будет ребенок, и решили пожениться. Это было правильное решение.

Я кивала словно робот.

– Ее зовут Грэйс, – сказал Эрик. – Ей тринадцать месяцев, и она только что начала ходить.

Я снова вытерла слезу. Эрик хотел взять меня за руку, но я не позволила. Я знала, что не должна огорчаться. Я не имела на это права. В конце концов, я ведь полюбила другого. Я провела много месяцев в его объятиях. Как я могла рассчитывать, что Эрик будет хранить мне верность? Все это была правда, но я не могла отрицать и тот факт, что мне было больно. Очень больно.

– Шарлотта, – продолжал он. – Мне... так жаль.

– Мне тоже, – сказала я.

– Что мне сделать? – спросил он. – Что мне сказать?

– Ничего. – Я через силу улыбнулась.

– Ничего?

– Нет, – продолжала я сквозь слезы. Я хотела быть честной с ним, так же как и он был со мной. – На острове, – осторожно продолжала я, – там был... мужчина.

Он кивнул.

– И я... влюбилась в него. Я...

– Не говори мне, – сказал Эрик. – Я знаю, что ты сейчас услышала от меня невыносимую вещь, но я не знаю, сумею ли я перенести твои слова.

Я опустила голову.

– Что нам делать, Шарлотта? Как нам...

Я взяла его за руку, и он позволил мне это.

– Я хочу, чтобы ты жил своей жизнью. Строй свою семейную жизнь с Габби. Будь счастлив.

– Ох, Шарлотта, – проговорил Эрик сквозь слезы. Он искал на моем лице признаки обиды и любви, ждал, что я скажу, чтобы он оставил Габби и вернулся ко мне. Не дождался. – Я совсем не хотел, чтобы у нас так все получилось.

– Но так получилось, – сказала я.

– Да, так получилось.

* * *

Из окна автомобиля Сиэтл показался мне темно-серым пятном. Шофер

привез меня к стерильной на вид многоэтажке и помог выйти на тротуар. Я онемела, когда вошла в вестибюль. Женщина в синем платье вручила мне с улыбкой Чеширского кота карточку-ключ от апартамента № 1432 и пожелала, чтобы я чувствовала себя как дома.

Дома, подумала я. Как странно говорить кому-то, чтобы он считал домом временное жилье. *Чувствовать себя как дома*. Такая глупая фигура речи, и я подумала, что никогда не буду произносить такие слова.

Я больше никогда не окажусь дома, теперь я точно это знала, если рядом со мной не будет Грэй.

Я попрощалась с шофером – его звали Карл, Коул, Кол, может, как-то по-другому – и вошла в лифт, который стремительно вознес меня на четырнадцатый этаж. Я вошла в апартаменты с видом на бухту Эллиотт. Я могла тут жить недолго или долго – сколько захочу.

Я осмотрелась. Бежевый диван. На стенах предметы искусства массового потребления. Стерильное и абсолютно лишенное индивидуальности пространство, словно приемная стоматолога, только тут были еще кухня и спальня. Вздохнув, я подошла к окну и стала наблюдать, как паромы скользили взад-вперед по бухте. Мне вспомнилось, как в одно из наших первых свиданий мы с Эриком ездили на остров Бейнбридж. Я захмелела от мартини с оливками в «Хичкоке», маленьком, полутемном ресторанчике в Уинслоу, где подавали самые вкусные устрицы в половинке раковины, какие я пробовала в своей жизни.

Я забыла в ресторане куртку, и Эрик отдал мне свою, когда мы возвращались домой на пароме. Я вспомнила, как он накинул ее мне на плечи, загораживая меня от ветра. Эрик защищал меня от многих вещей, и все же...

Грэй... Я представила себе, как он спал один в нашем маленьком доме. Наверно, он поджарил на ужин моллюсков и орехи макадамия и вечером перед сном сидел и смотрел на звезды. Думал ли он обо мне, прежде чем закрыть глаза?

У меня заболел живот. Тошнота, которую я все время перебарывала, почти прошла. Теперь иногда что-то покалывало внизу живота. Вероятно, мой организм наконец стал приходить в себя. Я уже набрала несколько фунтов.

Я взяла сумку и поискала в ней мой сотовый телефон, который дала мне Конни. Надо позвонить маме. Многим надо позвонить. И тут мои пальцы наткнулись на тест на беременность, который дал мне доктор после первого осмотра. Я совсем про него забыла. На этот раз я не стала откладывать его в сторону, а открыла обертку и прочитала инструкцию. Я

знала, что для моей беременности не могло быть никаких медицинских объяснений. Абсолютно не могло. И все же...

Я прошла в ванную и подставила под струю мочи маленькую пластинку. Совершенное безумие. Потом положила тест на край ванной и посмотрела на него, поначалу недоверчиво, потом испуганно, когда порозовела одна линия, а потом... другая.

Беременность.

Я беременна.

Невероятно.

Я схватила тест и долго смотрела на него – просто хотела убедиться, что глаза меня не обманывали. Нет, они не обманывали.

Я вернулась в гостиную, рухнула на диван и зарыдала от тоски и радости, думая о Грэе и о чудесном младенце, которого я носила в своем животе.

Глава 27

– Привет, Шарлотта, – приветствовала меня по телефону Конни на следующее утро. – Как прошла первая ночь в твоей новой квартире?

– Нормально, – ответила я, не совсем проснувшись. – Спасибо. – Я не сказала ей, что заснула вечером в слезах и что меня терзали кошмары, где фигурировали Эрик и Грэй, а еще мертворожденный ребенок. Еще я не сказала ей про свою беременность.

Ребенок. Я заморгала, в который раз осмысливая вчерашнее откровение.

– Я забыла сказать вам еще несколько вещей, – продолжала Конни веселым и беззаботным голосом. – В кабинете на столе я оставила вам ноутбук. Все программы установлены, все готово к работе. Да, а еще в гараже стоит ваш личный автомобиль, на парковке номер 10, серебристый внедорожник. Ключи на кухонном столе.

– Спасибо, – равнодушно поблагодарила я.

– Еще вы обещали открыть банковский счет, чтобы мы перевели туда деньги.

Я легла на кровать, вытянула ноги и, щурясь, смотрела на солнечный свет, лившийся в окно спальни.

– Да, я сегодня это сделаю. – Мне бы радоваться, что я скоро стану миллионершей, что у меня есть средства и я могу начать новую жизнь – мою новую жизнь. Но я ничуть не радовалась. Мне не купить за деньги то, что я потеряла. И у меня было грустное предчувствие, что я не смогу купить и то, что мне так отчаянно хотелось иметь.

– Хорошо, дорогая, тогда я могу вам сегодня еще чем-нибудь помочь?

– Да, – ответила я, положив ладонь на живот. – Мне нужно найти доктора.

– О, – удивилась она. – У вас все в порядке? Насколько я поняла, доктор, осмотревший вас на судне, сказал, что со здоровьем у вас все нормально.

– Да-да, все нормально. Но это... как бы сказать... интимная проблема.

– Понятно, – ответила она и кашлянула. – Наши сотрудники из Шведского госпиталя позвонят вам, и вы договоритесь обо всем, что вас интересует.

– Спасибо, – поблагодарила я и отложила телефон в сторону.

* * *

Из апартаментов я вышла в темных очках и шляпе «федора». В кафе на первом этаже заказала двойной эспрессо и булочку с отрубями. Меня никто не узнавал – к моему облегчению. Позавтракав, я нашла автомобиль, ждавший меня в гараже точно в том месте, как и сказала Конни. Я осторожно выехала на улицу. За рулем я не сидела уже давным-давно. Впрочем, все остальное я не делала столько же времени: не чистила зубы, не мыла голову шампунем, не заказывала блюда в ресторане – все эти навыки, которые были освоены мной, как мне казалось, еще в той, прошлой жизни, теперь основательно заржавели. Я резко затормозила, когда едва не наехала на пару, переходившую боковую дорогу. Простите, извинилась я перед ними одними губами, а у самой испуганно колотилось сердце.

Мужчина хмуро взглянул на меня, обнял за талию свою жену или подругу и пошел дальше. Тяжело вздохнув, я свернула на Четвертую авеню.

Мне нужно было так много сделать: пойти к доктору и оформить пренатальное медицинское наблюдение – я взволнованно сглотнула, – открыть счет в банке и еще тысяча дел. Но каким-то образом я свернула направо и поехала на холм Королевы Анны.

Не надо было так делать, и я это знала. Но я должна была посмотреть. Должна была увидеть своими глазами жизнь, которая была у них в том доме на Саннисайд-стрит, который был когда-то... моим.

Я медленно ехала по улице. Мне не хотелось налететь на Габби. У меня не было сил видеть ее. Пока не было. Может, не будет никогда. И вот он показался вдалеке. Белый дом в голландском колониальном стиле с белыми розами перед ним, которые я сажала собственными руками. Белые герани в терракотовых горшках выглядели нездоровыми. Поливала ли их Габби так же заботливо, как я когда-то? Автомобиль Эрика стоял возле

дома, синий «Лендровер», который он купил не новым, но установил в нем новую стереосистему. Летом, по дороге в Уолла-Уолла, мы слушали «Триллер»^[11] Майкла Джексона; стекла были опущены, и музыка гремела на всю округу.

Мое сердце заколотилось, когда я увидела появившегося в дверях Эрика. На нем были джинсы и синий свитер. Выглядел он хорошо. Он всегда выглядел хорошо. За ним вышла Габби. Она показала на что-то в саду. Они засмеялись. Габби вернулась в дом и появилась, держа за руку крошечное, ангельское существо. У нее были платиновые волосики, и она топала впереди родителей походкой пьяного моряка. Эрик подхватил ее на руки, когда она споткнулась, и шутливо поцеловал в животик. Она засмеялась, и Габби обняла Эрика за талию. Мое сердце пульсировало, и мне казалось, что оно состояло из сплошной боли.

Я смотрела на счастливое семейство, когда они садились в «Лендровер» Эрика, вероятно, направляясь завтракать в «Кухню на берегу». Габби закажет себе «мимозу», может, две.

Когда машина уехала, я поставила свою на свободное место на улице. Я ничего не могла с собой поделаться. Я вылезла и направилась к дому, который был когда-то моим.

Я прошла через сад, глядя ладонями белые розы. Живая изгородь из самшита разрослась и сомкнулась, как я и надеялась. Ирисы разрослись, надо бы немного их проредить. Потом я поднялась по ступенькам на крыльцо и заглянула в маленькое окошко во входной двери. На стене по-прежнему висела в рамке бабочка глубокого синего цвета, которую я купила в Палм-Спрингс целую жизнь назад. Я заморгала, отгоняя слезы.

За моей спиной послышался шорох подъехавшего автомобиля. Это был «Лендровер» Эрика. Они вернулись.

Он вышел из машины, не заглушив мотор.

– Шарлотта!

На пассажирском кресле я увидела Габби. Она тоже меня увидела.

– Извини, – пробормотала я.

– Все нормально, – сказал Эрик, мучительно подыскивая нужные для такого момента слова.

Я тоже их мучительно подыскивала.

– Я... я только хотела посмотреть на дом, еще раз.

– Габби забыла сумочку, вот я... вернулся за ней.

Я кивнула. Какой он красивый. Я буду всегда так думать.

– Ты хотела... войти?

Я покачала головой.

– Нет-нет, – пробормотала я, спускаясь по ступенькам. Мои глаза встретились с глазами Габби. Ее лицо выражало муку. – Я... я должна ехать. – Я почти побежала к своей машине, завела мотор.

В этот момент я поняла, отчетливо поняла, как изменилось что-то у меня внутри – съезжилось и умерло. В самом деле. Я испытала в равной степени испуг и облегчение. Еще меня поразило почти забытое воспоминание о той пожилой женщине из нью-йоркского парка, с которой мы случайно разговорились. Это было накануне отплытия нашего круизного лайнера. Она дала мне тогда важный совет: *«Мы тратим так много времени, беспокоясь о вещах, которые мы сделали или не сделали, что мы не замечаем саму жизнь. Между тем жизнь движется своим курсом, и не важно каким. Она все равно будет такой, какой должна быть. Надо просто жить, и пусть будет то, что будет».*

Я уехала, не оглядываясь.

* * *

Доктор сказал мне, что у плода хорошее, сильное сердцебиение. Срок был уже двадцать недель. Хочу ли я узнать пол ребенка? Сначала меня спросил об этом доктор, потом медсестра. В наши дни многие родители просят об этом, сказала она, глядя на экран. Я ничего там не понимала, но знала, что она умела различить на неясном экране анатомические подробности. Вероятно, она уже знала, кого я ношу – мальчика или девочку.

Я покачала головой, глядя вправо на стену цвета овсяной муки.

– Нет. Я хочу узнать об этом в тот день, когда увижу своего малыша.

– Конечно, – сказала сестра.

Потом я поехала в банк, после этого вернулась в апартаменты и заказала в тайском ресторане (его рекламу я видела внизу, в вестибюле) курицу с кешью и бурый рис. Мне доставили еду через сорок пять минут, я погрузила вилку в контейнер.

Как всегда, в минуты досуга, мои мысли вернулись к острову. Я взглянула на ноутбук, лежавший на столе в нескольких шагах от меня. Я знала, что в нем были ответы на вопросы о моем любимом мужчине. Секреты Грэя. Я подошла к письменному столу, села и осторожно подняла крышку. Включила компьютер и, прежде чем напечатать его имя в поисковой строке, я погуглила «Бермуды и обломки корабля». Пролистала страницы с историческими отчетами о пропавших судах и самолетах в Бермудском треугольнике, включая американское судно «Циклоп», и по моей спине пробежал холодок. *Поверит ли мне кто-нибудь, что я видела*

«Циклон» собственными глазами?

Я пролистала последние новости о Бермудах и увидела статью, опубликованную на прошлой неделе на Си-Эн-Эн. ком о большой яхте, которая якобы утонула в трех милях от острова Бермуда.

«Пегас», принадлежавший нью-йоркским миллиардерам Фрэнку и Долорес Колдуэлл, был обнаружен кораблем Береговой охраны сегодня в 2 часа ночи. Яхта почти ушла под воду, спасти ее было невозможно, а все пассажиры на борту были предположительно мертвы. В последний раз «Пегас» видели неделю назад на Бермуде, где его команда набирала припасы для длительного плавания в водах вокруг Бермудских островов.

«Редакции не удалось связаться ни с членами семьи Колдуэлл, ни с кем из бывших членов команды, в том числе с Эваном Уайтом, знаменитым нью-йоркским поваром и ресторатором, известным своим манхэттенским рестораном «Ля Ша Нуар», который когда-то был персональным поваром супругов Колдуэлл на «Пегасе».

«Ля Ша Нуар», «Черный кот». Я там обедала с Эриком вечером накануне круиза.

Я вздохнула и напечатала имя Грэй в поисковой строке, и тут же выскочил длинный список определений:

Грэй Лоутон убийца жены

Грэй Лоутон смерть жены

Грэй Лоутон доктор смерть жены

Грэй Лоутон приговор тюремное заключение

Грэй Лоутон сбежал из тюрьмы

У меня горели щеки, а желудок урчал. Я покрылась холодным потом, сердце билось учащенно, а ладони стали холодными и липкими. Я начала беспокоиться за ребенка. Вздохнула и кликнула на статью, выставленную меньше двух лет назад на Си-Эн-Эн. ком:

«Полиция начала поиски доктора Грэя Лоутона, хирурга, осужденного несколько лет назад за убийство жены, Селесты Лоутон, накануне свадьбы ее сестры на Карибских островах. На жертве были обнаружены отпечатки пальцев и ДНК Лоутона; свидетельские показания сотрудников отеля связывают его с преступлением, в результате чего коллегия присяжных признала его виновным и приговорила к пожизненному заключению.

По сообщениям полиции Денвера, вчера, вскоре после полуночи, Лоутон сбежал, когда ему лечили небольшой порез на руке, причиненный сокамерником. Неясно, как заключенному удалось бежать, но персонал тюрьмы утверждает, что он каким-то образом использовал для этого вентиляцию.

Предполагается, что Лоутон вооружен и опасен. Денверская полиция просит присылать на горячую линию любую информацию о нем».

Я посмотрела на дату и ахнула. Статья была опубликована через два дня после нашего инцидента с катером, а это означало... что никто на борту не знал, что Грэй... убийца, сбежавший из тюрьмы.

Я вскочила, забегала взад-вперед по комнате, снова села.

Я не верила этому. Это не могло быть правдой.

Да, Грэй нервничал, когда речь заходила о прошлом, но неужели он и в самом деле... убил свою жену? Я содрогнулась, не в силах поверить в то, что я только что прочла. Я снова вернулась к компьютеру и просмотрела другие статьи.

«Доктор Джекил, приговорен к пожизненному заключению».

«Доктор ломом убил жену в ночной рубашке, утверждает полиция».

«Доктор-убийца не проявил раскаяния в суде».

«После побега убийца-доктор, вероятно, сел на круизный лайнер».

Я больше не могла смотреть на эти строчки, но тут мой взгляд упал на другой заголовок.

«Новые свидетельства в деле доктора Лоутона говорят о его невиновности».

И еще: «Мать доктора Лоутона приводит убедительное алиби для сына».

Я читала статью с таким волнением, словно от этого зависела моя жизнь. Чандра Лоутон, мать Грэя, она говорила с ним в тот вечер по телефону. Он сказал, что рано лег спать. Записи телефонного разговора, которые по какой-то причине не использовались в этом процессе, теперь могли помочь снять с него обвинение, хотя и считалось, что он пропал где-то у бермудских берегов и, скорее всего, был мертв.

Я набрала в гугле имя «Чандра Лоутон» и узнала, что она жила в пригороде Денвера. Я немедленно открыла другое окно и забронировала на завтрашнее утро билет на самолет.

Глава 28

– Он был невероятно милым мальчиком, – сказала мне Чандра Лоутон. – Всегда держал меня за руку, когда мы гуляли, а перед сном просил, чтобы я обняла его тысячу раз. Мамин сынок. Это безумно раздражало его отца. Грэй и Джим вообще не были ни в чем похожи, кроме того, что оба были докторами. Джим умер, так и не увидев, что Грэй поступил в медицинскую школу. – Она вздохнула. – Впрочем, это не имело значения. Они были как огонь и вода. У Грэя было большое, доброе сердце. У покойного мужа нет.

– Мне очень жаль, – сказала я.

– Не нужно, дорогая, – сказала она. – Этот брак подарил мне двух прекрасных сыновей, и это я ни на что не променяю. Рядом с плохим всегда соседствует и что-то хорошее, согласны?

– Да, я согласна, – кивнула я.

Она долго смотрела на меня.

– Мне с трудом верится, что вы приехали сюда. Знаете, я читала все материалы про вас и Грэя, когда вы исчезли. Я вникала во все предположения. Я читала книги о Бермудском треугольнике. Я никогда не теряла надежды, что он где-то там.

– Он в самом деле там, – сказала я.

Она тяжело вздохнула.

– Боже, пожалуйста, скажи мне, что вы правы. Скажи мне, что мой сын жив.

– Он жив, – сказала я. – Когда к берегу прибило парусник, я решила покинуть остров. Я не понимала, почему Грэй не хотел плыть со мной. Теперь я понимаю.

Чандра мрачно кивнула.

– Когда я узнала про его побег из тюрьмы, я была вне себя. Потом выяснилось, что он купил тот круиз, а потом оказался одним из пассажиров, которые не вернулись из экскурсии на остров...

Я сжала руки.

– Как вы думаете, почему он отправился в тот круиз?

Чандра вздохнула:

– Селеста.

– Его жена?

– Да, – сказала она. – Но я не думаю, что он купил эту поездку по сентиментальным причинам.

– Нет? Это не так?

Она сняла очки и положила их на кофейный столик.

– За месяц до свадьбы Грэй сказал, что он купил на медовый месяц круиз на Бермуды. Селеста разозлилась.

Я удивленно покачала головой:

– Разозлилась? Почему?

– Она хотела, чтобы он повез ее в Париж, Венецию, куда-нибудь, где шикарно и... дорого. – Она вздохнула. – Но Грэй не мог себе это позволить. Тогда не мог. Он безумно много работал и только-только заканчивал резидентуру. И тогда она отказалась плыть.

– Отказалась?

– Да. Деньги за круиз не возвращаются. Они остались дома.

– Ах, похоже, что она...

– Проблемная? Да. Я не думаю, что Грэй хорошо понимал, во что он угодил, женившись на ней. Но он любил ее по-своему. Он был невероятно терпеливым. Я воспитала его таким. – Она улыбнулась своим мыслям. – Он выбрал тот круиз, потому что всегда хотел посмотреть на Бермудские острова. Я рада, что он туда попал. – Ее глаза немного повеселели. – В его деле появились новые факты.

– Да, – сказала я, сделав глоточек чая. – Я читала об этом.

– Я сумела найти адвоката, который верил в Грэя, – продолжала она. – Он хочет помочь мне обелить его имя. Но...

– Что «но»?

– Но я боюсь, что у меня не хватит денег.

Я минуту молчала, потом посмотрела на нее.

– Тогда я это сделаю.

– В самом деле? Вы могли бы...

– Помочь доказать невиновность человека, которого люблю? Да.

Мать Грэя утерла слезу.

– Давайте я кое-что покажу вам, – сказала она и подошла к кухонному столу. Я последовала за ней и увидела там дюжины манильских конвертов. Она взяла один из них.

– Тут копии моего телефонного разговора и запись текстов. Грэй позвонил мне в 22.02 в тот вечер. Я хорошо это помню. Я не могла спать, потому что у меня болела спина. В тот день я работала в саду и натрудила спину, и Грэй посоветовал мне пойти на следующей неделе к доктору Уэйфилду. Он беспокоился, что у меня обострится старая травма, которую я получила еще в колледже, и, как оказалось, был прав. – Она тяжело вздохнула. – Но это к делу не относится. Факт тот, что мой сын позвонил мне в 22.02, и мы проговорили шестнадцать минут. Смерть Селесты случилась в другой части курорта где-то около 22 часов. В 22.16 ее тело обнаружила экономка.

Я покачала головой:

– Я поняла, что вы пытаетесь сказать. Грэй не мог ее убить в этот отрезок времени, потому что разговаривал с вами по телефону. Но ведь люди могут сказать: «Что из того, что он разговаривал с матерью по телефону. Он мог убить ее до этого».

– Это невозможно! – воскликнула Чандра.

– Но какое у вас есть доказательство?

Она чему-то улыбалась, просматривая свой телефон.

– Вот, смотрите.

Я наклонилась над ее плечом, а она нажала на кнопку воспроизведения. У меня побежали мурашки по телу. Это был Грэй, в белой майке и шортах, волосы слегка взъерошены, на лице сонная улыбка. Мое сердце разрывалось от любви.

– Привет, мама, – сказал он, держа перед собой камеру телефона. – Я решил устроить тебе маленькую экскурсию. Я знаю, что тебе понравится. – Он повернул камеру и направил ее на океан, потом на небо. – Сегодня красивые звезды. А посмотри на пляж. Вот наше маленькое бунгало. Селеста на вечеринке, ты знаешь, как она любит такие вещи. А я иду спать. – Он ходил несколько минут вокруг бунгало, показывал, как складывается дверь, словно аккордеон. – Жалко, что тебя здесь нет. Я скучаю по тебе, мама!

Видео подошло к концу, а мое сердце сжалось. Мой Грэй. Я до боли скучаю по нему.

– Видите? – сказала Чандра, утирая слезу.

– Что?

– Он не мог ее убить, – продолжала она, показывая на время на текстовом сообщении. – Он послал его мне в то время, когда, по словам обвинителя, была убита Селеста.

Я вытаращила глаза от удивления.

– Почему же этого не было на суде?

Она закрыла лицо руками.

– Моя вина. Я не сообразила. Я ужасно плохо разбираюсь в текстовых сообщениях и вообще в новых технологиях. Я совершенно забыла, что он присылал мне это видео. Но когда он сбежал из тюрьмы и исчез, я просматривала свой телефон и поняла, что он прислал мне видео, которое я даже не смотрела. – Она засмеялась, но это был смех сквозь слезы. – Я думала, что он прислал мне фотографию, а это было видео. Вот я и позвонила ему после этого, и мы поговорили про мою спину, про поездку. Он сказал мне, что Селеста осталась на вечеринке с сестрой и гостями свадьбы. Он вроде и не возражал. Она могла растоптать его, вытереть о него ноги, и он тоже не стал бы возражать.

У меня тревожно забилося сердце.

– Потому что он... любил ее?

Она устремила на меня долгий взгляд.

– Конечно, Грэй любил Селесту. Он женился на ней. Да, он любил ее, так, как муж должен любить свою жену, чтобы уважать ее, сохранить семью. Но не только это, за годы Грэй привык мириться с поведением

Селесты. Вы бы видели, как она с ним обращалась. Строила из себя примадонну. – Чандра Лоутон покачала головой, заметно помрачнев от таких воспоминаний. – И все-таки он никогда не говорил ничего уничижительного про нее. Она была его женой, и этим все было сказано.

– Я не удивлена, – сказала я. – Это похоже на человека, которого я полюбила.

Чандра улыбнулась:

– Мне никогда не нравилась Селеста. С самой первой минуты, как только я увидела ее. Да, она была красивая, пожалуй, самая красивая женщина, каких Грэй когда-либо встречал, но чудовищная эгоистка. В их отношениях не было «мы». У Селесты было только «я».

Я кивнула.

– Возможно, Грэй надеялся, что они смогут построить вместе семью, – объяснила Чандра. – Она была яркой и веселой. Душой компании. Его это привлекало. Вероятно, он думал, что со временем она станет такой женой и партнершей, какая была ему нужна. Но она никогда бы не смогла стать такой. Она не ценила те вещи, которые ценил он. И они расходились все дальше.

– Они говорили о разводе?

– Грэй не говорил, – ответила Чандра. – Нет, он никогда не думал об этом. Он скорее терпел бы всю жизнь, чем нарушил обещание, которое дал однажды. – Она вздохнула. – Но что касается Селесты, то я не уверена.

– Что вы имеете в виду?

– Ну как раз на прошлой неделе мне позвонила мать парня, который признался, что у него была связь с Селестой. В тот вечер он был среди гостей свадьбы.

Я пожалала плечами и с сомнением посмотрела на пожилую женщину.

– Но даже если у нее был любовник среди гостей свадьбы, это совсем не годится для доказательства невинности Грэя. Любой обвинитель соединит эти факты и попытается обвинить Грэя в том, что он действовал под влиянием аффекта, когда узнал про измену и пришел в ярость.

– Да, – сказала Чандра, – но не по свидетельству сына этой женщины. По его словам, Грэй ничего не знал про измену, которая совершалась прямо у него под носом. И более того, тот парень – его зовут Эван – был долгое время предметом обожания и даже экс-бойфрендом сестры Селесты, которая всегда ревниво к ней относилась.

Наши взгляды встретились как два лазерных луча.

– Вы догадались, о чем я подумала?

Чандра кивнула.

– Я считаю, что Селесту убила застенчивая невеста.
– Ее собственная сестра.
– Да.
Я тяжело вздохнула и откинулась на спинку стула.
– Как мы это докажем?
– С вашей помощью, дорогая, мы сможем вернуть Грэю доброе имя. И
возвратить его домой.
Я сжала ее руку.
– Я сделаю все, что смогу.
– Спасибо, – поблагодарила она со слезами на глазах. – Что, если...
что, если я никогда его не увижу? Что, если я никогда больше не увижу его
милые глаза?
– Я верю, что вы его увидите, – сказала я. – Я верю, что мы обе увидим
Грэя. А до этого вы увидите его ребенка.
Чандра вскинула голову:
– Его ребенка?
Я погладила свой живот, который уже немного увеличился.
– У меня только что начался второй триместр. И мне очень хочется,
чтобы вы присутствовали при рождении нашего ребенка.
Она со слезами обняла меня.
– Ох, милая моя... Ты сделала меня самой счастливой женщиной. Кто
будет-то? Мальчик? Девочка?
– Я пока не знаю.
– Что ж, если будет мальчик, давай назовем его Грэй Джаниор?
– Да, – ответила я. – Пожалуй.
– А каким будет имя для девочки?
– Пока не знаю. Я еще как-то не думала.
Она дотронулась до моего колена.
– Младшая сестра Грэя умерла, когда ему было шесть лет, – сказала
Чандра. – Она утонула в бассейне у наших друзей. Джим прыгнул в воду,
когда увидел, что она захлебывалась, но... было слишком поздно.
– Мне очень жаль.
Она выпрямилась и покачала головой.
– Ее звали Лесия, и у нее были красивые голубые глазки и ангельский
характер.
– Лесия, – повторила я, и это имя мягко скатилось с моего языка. –
Мне нравится это имя.

Глава 29

2 декабря 2009 года, Спокан, Вашингтон

Патриция проснулась раньше шести. Скоро она будет нужна матери. Придется стирать простыни, заниматься бельем, готовить завтрак. Дни долгие, работа неприятная, но по-другому невозможно. Мать нуждалась в ее уходе, а на профессиональную сиделку не было денег.

Поэтому Патриция просыпалась в шесть, чтобы у нее был час на себя; может, если повезет, то час пятнадцать. Ей нравилось варить себе кофе, а потом с чашкой выйти в сад и смотреть на птичек, порхавших возле маленькой кормушки на ветке старого дуба, на который она залезала еще ребенком.

Они всегда были вдвоем, Патриция и ее мать. Она никогда не знала отца, а то, что говорила о нем мать, было для него нелестным. Он прогорел с бизнесом, оставил их в долгах и сбежал. Больше о нем не было ни слуху ни духу.

Из-за этого Патриция никогда не любила мужчин. В десятом классе Томми Льюис как-то спросил у нее, хочет ли она мороженого. Она любила мороженое, но не мальчишек.

Она обошла вокруг дома и оказалась в саду. Теперь это были скорее джунгли, чем сад. Патриция сожалела, что не могла поддерживать его в таком порядке, какой был когда-то у матери. Но на это была уважительная причина. У нее были слабые легкие, и она не могла работать в саду. Может, если бы в детстве ей сделали операцию, сейчас она была бы здорова. Но что поделаешь. Тогда у них не было на это денег, не было их и сейчас.

Она вздохнула и вернулась в дом. Надо будет разобраться с пачкой счетов на столе, пока не поздно. Патриция не представляла себе, как она заплатит в этом месяце пенсионный взнос. Тут она услышала, как пошевелилась ее мать. День начался.

* * *

День начался в одиннадцать. Зазвонил телефон. Патриция отошла от постели матери.

– Алло? – сказала она, глядя на посуду в раковине, которую надо было помыть после завтрака.

– Это Патриция Гантер?

– Да. С кем я говорю?

Женщина сообщила ей, что ее сообщение, возможно, станет для Патриции большим сюрпризом. Она сказала, что провела последние два года на необитаемом острове в Бермудском треугольнике. Она сказала, что нашла вещь, принадлежавшую отцу Патриции. Чемодан.

У Патриции подогнулись ноги. Она села. У нее голова шла кругом.

– Это розыгрыш? – спросила она. Ей приходилось слышать о таких проделках молодежи, и она уже хотела положить трубку.

– Нет, – ответила женщина, потом рассказала ей о содержимом чемодана. О письме к Мэй. – Это ведь ваша мать? – спросила она.

– Да, – ответила Патриция.

– Она еще жива?

– Да, но она очень больна, – сказала Патриция.

– Ваш отец, Эдвард Гантер, был хорошим человеком, – сказала женщина.

– Хорошим? – Патриция недоверчиво покачала головой. – Вы ошибаетесь. Мой отец преступник, который бросил нас с мамой.

– Возможно, он совершал в жизни ошибки, но в конце концов он искупил свою вину.

У Патриции пылали щеки. Что знала эта незнакомка об отце? Как она смела говорить такие вещи?

– Ваша мать живет в одном доме с вами?

– Почему я должна вам говорить, где она живет?

– Пожалуйста, выслушайте меня до конца, – попросила женщина. – Если это тот же самый дом, то где-то в саду должен расти куст гортензии.

– Да, – ответила наконец Патриция. Из соседней комнаты донесся голос матери. Пора было заканчивать этот странный телефонный разговор.

– Мне надо...

– Подойдите к кусту гортензии. И возьмите с собой лопату.

– Зачем еще? Что вы морочите мне голову?

– Потому что ваш отец там что-то закопал.

* * *

Патрицию потрясли слова звонившей, но мать нужно было искупать, потом приготовить для нее ланч.

В 14 часов, когда мать снова заснула, Патриция посмотрела в окно и увидела гортензию, которую всегда так любила мать. Она была покрыта огромными голубыми шапками цветов и украшала собой сад.

Какой странный и нелепый звонок. Какая глупость. Но Патриция все-таки задумалась. *А вдруг? Что, если?..*

Она заглянула в гараж и нашла ржавую лопату с грязной деревянной рукояткой. Она поплелась с ней в сад и с тяжелым вздохом всадила ее в твердую землю.

Ей потребовались все ее слабые силы, чтобы добиться хоть какого-то

результата и прояснить неожиданную загадку. Она вкладывала в работу всю свою скудную энергию. С каждой порцией выброшенной земли перед ее глазами проходили картинки из ее жизни. Годы голодного детства. Слезы матери. Красный велосипед в витрине магазина, который был им не по карману. Зимы, когда они согревались под несколькими одеялами возле дровяной печи, если у них отключали электричество за неуплату.

Патриция плакала и даже не замечала этого. Она оплакивала свое прошлое, да и настоящее тоже. Она оплакивала жизнь, которой у нее никогда не будет. А потом – глухой удар – лопата наткнулась на что-то твердое. Камень? Корень дерева? Патриция вытерла пот со лба и продолжила выгрести землю.

В яме лежал чемодан или сундучок. Патриция рыла и рыла, забыв о своих болезнях, пока не расчистила крышку и боковины. Потом поддела чемодан лопатой, словно рычагом, и кое-как, с невероятным трудом высвободила его из земляного плена. Опустилась на колени и вытащила находку из ямы.

Патриция не отрывала глаз от грязного, покрытого многолетней плесенью чемодана с потемневшими от старости латунными петлями. Нерешительно открыла защелку, осторожно подняла крышку – и не поверила глазам: там лежали дюжины толстых пачек стодолларовых банкнот.

Патриция разрыдалась. **Глава 30**

Год спустя

– Простите, – сказала пожилая женщина, сидевшая рядом со мной в самолете. Она была ровесница моей мамы, может, чуточку старше. – Простите меня, но ваше лицо кажется мне знакомым. Мы с вами нигде не встречались?

Я уже привыкла к таким вещам. Повсюду – в магазинах, на бензозаправках, в аэропорту, да где угодно – незнакомые люди приставали ко мне с такими расспросами. Всем хотелось выяснить, откуда они меня знают. Не учились ли мы вместе в математическом классе? Не была ли я членом их клуба? Не встречались ли на свадьбе их кузины Мэри прошлым летом?

Конечно, я никогда не говорила им настоящую причину: что мое лицо больше двух лет появлялось в газетах и на экранах, что я та самая женщина, которая два года жила на необитаемом острове, а потом нашла дорогу домой. И хотя всеобщее любопытство к моей истории постепенно затихло и репортеры уже не донимали меня каждый день звонками, я

поняла, что хорошо это или плохо, но я заняла постоянное место в американском и мировом сознании. Люди помнили процесс над О. Джей Симпсоном, футболистом, убившим свою жену; помнили победительницу детских конкурсов красоты Джонбенет Рэмси, убитую в шесть лет; помнили Лейси Питерсон, убитую своим мужем на седьмом месяце беременности, и теперь помнили... меня.

– Едва ли, – с улыбкой ответила я женщине. – Вероятно, у меня просто похожее лицо.

Она пристально взгляделась в меня и покачала головой:

– Я готова поклясться, что вы напоминаете мне какую-то очень знакомую мне женщину. Но ваша малышка абсолютно прелестная.

Я улыбнулась.

– Спасибо. На прошлой неделе ей исполнилось три месяца.

Женщина ласково дотронулась до маленькой, пухлой ручонки. Я жалела, что моя родная мама не приняла Лесию так, как эта незнакомая леди и другие люди. Но, к сожалению, моя семья, закосневшая в своей консервативности, не могла смириться с тем, что мы с Эриком живем каждый своей жизнью, и с тем, что я забеременела на острове. Честно говоря, когда я встретилась с родителями и сообщила им эту новость, мне показалось, что они, возможно, предпочли бы, чтобы я вообще не возвращалась домой. Они горевали по мне с такой силой, что их сердце и рассудок не могли принять мое возвращение, а больше всего сопутствующие моему возвращению обстоятельства. Грустная правда заключалась в том, что я больше не соответствовала ни их миру, ни миру Габби и Эрика.

Перед отъездом я кратко поговорила со своей лучшей подругой. Мы с Габби встретились в маленькой кофейне Фримонта, которую я так любила когда-то, она была со своей двухгодовалой дочкой, а я с Лесией.

– Какая странная штука – жизнь, – сказала она, завязывая светлые волосы дочки в хвостик. У девчушки были глаза Эрика.

Так Габби пыталась извиниться передо мной. Я кратко кивнула в ответ – так я пыталась простить ее.

Мы допили кофе, равнодушно попрощались и разошлись навсегда, скрывшись каждая из нас в своем странном мире, где мы создавали новые страницы собственной жизни.

– Как ее зовут? – спросила соседка, вонзившись в мои размышления, словно иголка в воздушный шар.

– Лесия, – ответила я, снова взглянув на нее.

– Какое чудесное имя. Знаете, я даже не предполагала, что встречу

когда-нибудь Лесию.

– Так звали сестру ее отца, – объяснила я. – Она утонула, когда он был еще маленьким.

– Как жаль, – вздохнула она и покачала головой.

Нашу беседу прервал голос пилота, прозвучавший в динамике:

– Леди и джентльмены, мы приветствуем вас на борту нашего лайнера, выполняющего прямой рейс на Бермудские острова. Время в пути два часа одиннадцать минут. Через пару минут мы вырулим на взлетно-посадочную полосу. Посадка в аэропорту «Бермуда» намечена на 17 часов, вы успеете приехать в рестораны, если заказали там обед. В полете возможно попадание лайнера в зоны турбулентности, поэтому мы просим вас держать застегнутыми ремни безопасности и проявлять особую осторожность, направляясь в туалеты.

Я испуганно прижала к груди Лесию, потом еще раз проверила, застегнута ли пряжка на моем ремне безопасности.

– Я много лет не отдыхала нормально, – сказала женщина. – Не могу дожидаться, когда наконец приеду на курорт и пройду босиком по песку. – Она улыбнулась своим мыслям, потом повернулась ко мне: – А вы?

Я улыбнулась и посмотрела в иллюминатор.

– Мы хотим разыскать там нашего папу.

* * *

Я слегка задремала, но мои глаза открылись после первого удара, сильного и резкого, словно самолет совершил жесткую посадку. Но когда я посмотрела в иллюминатор, то увидела, что он по-прежнему летит среди облаков.

– Леди и джентльмены, пожалуйста, застегните ваши ремни безопасности, – объявил командир воздушного корабля. – Мы попали в шторм.

Я крепко держала Лесию и смотрела в иллюминатор. Там все было темно-серым, а злой ветер швырял струи дождя в борт и иллюминаторы самолета, словно по какой-то причине наказывал рейс № 543.

– Давайте молиться, – прошептала моя соседка. – Господи, прошу Тебя, не оставляй нас сейчас, в эти минуты. Прошу Тебя, сохрани этот самолет целым и защити пассажиров на борту, защити эту малышку и ее маму. – Тут раздался еще один яростный удар, и Лесия заплакала. – Прошу Тебя, Господи.

Самолет падал вниз, так быстро теряя высоту, что в моих ушах как будто лопались воздушные пузырьки. Я смахнула с глаз слезы. *Что, если*

это конец? Что, если мы сейчас упадем?

За нашей спиной заплакал ребенок. Что-то закричал на чужом языке мужской голос. Потом снова в динамиках прозвучал голос пилота:

– Леди и джентльмены, просим сохранять спокойствие. Турбулентность скоро закончится.

Прошло еще несколько минут, которые казались нам часами, и турбулентность уменьшилась. Сквозь серую мглу пробились лучи солнца, потом облачность поредела, внизу показалась земля. Остров Бермуда во всем его великолепии.

У нас все получится. У нас с Лесией все получится. Мы начнем здесь новую жизнь, и мы найдем ее папу. Я сжала аквамариновый кулон, висевший у меня на шее, и смахнула слезу, убаюкивая Лесию.

– *Да-да, все получится.*

* * *

Наш водитель ждал возле выдачи багажа, чтобы отвезти нас в небольшой дом на берегу океана, который я купила. Он погрузил в машину наш багаж – остальной я отправила морем, – и мы поехали в наш новый дом. Я выбрала его из-за близости к берегу: всего несколько ступенек – и ты уже на пляже залива Подковы, где песок чудесного розового цвета. Белые стены, черепичная крыша, две спальни и просторная кухня – идеальное жилье для нас с дочкой. Лесия будет учиться в школе Монтессори недалеко от нас, а я посвящу свою жизнь и мое неожиданное богатство поискам Грэя.

Лесия нежно агукала в детском кресле, а я смотрела в окно. Бермуда – изумительный остров. Я вспоминала тот день, когда круизный лайнер прибыл в здешний порт и мы с Эриком отправились в город.

Водитель свернул на длинную дорогу, которая вела к пляжу. В самом конце ее находился наш маленький дом. Возле него стоял джип, который я приобрела заранее и отправила сюда. Вход обрамляли две стройные пальмы.

– Вот мы и дома, – шепнула я Лесии.

Я заплатила водителю, обогнула дом и вышла на пляж, начинавшийся почти сразу за нашим задним патио. Ласковые волны океана набегали на берег, пропитывали песок соленой влагой и ползли выше. Я сбросила туфли, зарылась ступнями в песок и, покачивая на руках Лесию, смотрела на горизонт.

– Мы найдем тебя, Грэй, – проговорила я, прижимая к груди дочку. – Мы будем снова вместе.

Глава 31

15 февраля 2037 года

– Синяя бабочка, – проговорила я, глядя по сторонам. – Я помню их. Они улетают недалеко от берега и возвращаются. Я знаю, я наблюдала за ними.

Джереми, репортер из «Нью-Йорк таймс», кивнул и что-то негромко сказал капитану; тот свернул вправо и осветил воду яркими прожекторами.

– Там, впереди, остров, это точно, – проговорил капитан с сильным ямайским акцентом.

И действительно, остров был прямо перед нами. Небольшие волны плескались о песчаный берег. Сначала я не могла сообразить, где мы находимся, но потом поняла, что это, скорее всего, восточный берег, так как пальмы там выглядели немного по-другому. У меня едва не выпрыгивало из груди сердце. *Мы нашли его. Господи, мы нашли его.*

– Я встану на якорь и останусь тут, – сказал капитан. – А вы берите шлюпку и плывите к берегу. Сейчас не опасно, океан спокойный.

Джереми кивнул и схватил свой рюкзак, где были еда и запас воды. Я тоже взяла сумку, надела на плечо лямку и встала.

Лесия дотронулась до моей руки:

– Мне пойти с тобой?

– Да, – сказала я. – Пожалуйста.

– Возьмите с собой фонарь, – посоветовал капитан.

Джереми покачал головой:

– Этот фонарь понадобится нам на обратном пути. Пускай он останется у вас. У меня в сумке есть небольшой фонарик. Возможно, нам придется дожидаться рассвета, чтобы осмотреть остров. Вы сможете нас ждать столько времени?

Капитан буркнул «да» и помог нам спуститься в шлюпку. Джереми и Лесия сели на весла. Я сидела на корме и вспоминала, как мы приплыли сюда тридцать лет назад на маленьком плоту, отчаянно цепляясь за свою жизнь.

Джереми первым спрыгнул в волны и потащил маленькую шлюпку к берегу, пока она не ткнулась в песок. Потом подал мне руку и помог выбраться. Я почувствовала под ногами теплую воду. Под лунным светом волны едва заметно светились.

Лесия выбралась из шлюпки следом за мной и помогла Джереми вытащить лодку повыше на берег, где она будет находиться в безопасности от высоких волн.

– Это правда тот самый остров? – спросила она. – Ты уверена?

– Да, – ответила я, глядя на изгиб берега. – Уверена.

Мы прошли по берегу небольшое расстояние, но тут луну закрыли облака. Стало темно. Я все равно стремилась идти дальше. Еще около мили, и мы будем... дома.

Но Джереми остановился и поставил рюкзак на обломок дерева.

– В фонарике скоро сядет батарейка, – сказал он. – Давайте подождем здесь до рассвета? Мы можем даже немного поспать.

Лесия согласилась с ним. Конечно, вполне разумное предложение, но мне не хотелось останавливаться. Я бы шла и шла вот так по берегу, пока не нашла дом, пока не нашла Грэя. Мои молодые спутники закрыли глаза, а я сидела без сна и смотрела на темные волны.

* * *

Эти несколько часов до рассвета показались мне целой вечностью, а когда наконец тьма отступила, я разбудила Джереми и Лесию. Рассвет над океаном был цветом спелого персика.

– Отправимся дальше? – сказала я, вставая.

Джереми кивнул.

– Посмотрите на песок, он точно такой, как вы его описывали. Соль с перцем.

Я улыбнулась.

– Это магнетит, точно, – сказал Джереми, зачерпывая горсть уникального песка. – Я вам рассказывал о своей теории?

– Нет, не рассказывали. – Я покачала головой.

Он выбрал несколько черных кристалликов и оставил их на ладони, а белый песок высыпал.

– Я беседовал с известным профессором геологии из Йельского университета, и он считает, что эти черные кристаллы обладают естественными магнитными свойствами. Он предположил, что они создают какое-то особое силовое поле, отражающее радары и даже Джи Пи Эс, а также, будучи мощными магнитами, притягивают металлические корпуса кораблей, словно океанские зыбучие пески.

– Вот это да! – охнула Лесия.

Джереми пожал плечами:

– Трудно сказать, так это или нет, но какая-то логика в этом есть, не так ли?

Я кивнула, но сейчас меня совершенно не интересовали научные теории, касавшиеся этого острова. Как есть, так и есть. Сейчас важнее

всего для меня было найти Грэя.

Мы шли еще час и остановились, чтобы сорвать манго. Я вонзила зубы в мякоть, которую когда-то возненавидела, а теперь с жадностью поглощала.

– Все, как я помню, – сказала я, вытирая капли сока с подбородка.

– Таких вкусных манго я в жизни не едал, – заявил Джереми.

Вот и знакомый мыс. Я со страхом ждала, что нам предстояло увидеть впереди. Стоит ли еще там наш домик? Или нет? Мы обогнули мыс – и вот он. Домик, уже переживший много ненастий, но увеличившийся в размерах. Ставший гораздо лучше прежнего. Грэй пристроил к нему несколько комнат и что-то наподобие верхнего этажа, который был похож на палубу. Я шла, разинув от удивления рот. Джереми и Лесия немного отстали, когда я миновала костер, где еще тлели угли. *Он здесь. Значит, он где-то здесь.* Я осторожно переступила порог маленького дома, где мы когда-то жили вместе. Наша спальня превратилась теперь в прихожую. У меня сердце забилось от восторга, когда я увидела на стене декор – три бабочки цвета глубокой синевы. Грэй приколот их в ряд. А еще он выложил маленький стол с узорами из морского стекла, причудливых камешков и разноцветных ракушек.

Я повернулась в другую сторону, и у меня захватило дыхание. Вся поверхность стены была покрыта мозаикой из необычайно красивых стеклышек. Я вспомнила, как Грэй тщательно собирал мелкие стекла. Он говорил, что готовил мне сюрприз. И вот я наконец увидела его.

– Грэй, – позвала я, проходя в следующую комнату. *Он здесь?* Я быстро провела пальцами по волосам. Что он подумает, когда увидит меня сейчас? Комнатка, где он соорудил из ствола пальмы что-то вроде топчана, была пустая. Спальня тоже, где я заметила самодельную подушку и ямку в том месте, куда он клал голову. Я поднесла подушку к лицу и вдохнула запах Грэя, потом вышла наружу.

– Его там нет, – сообщила я Джереми и Лесии, стоявшим поодаль. Они подошли ко мне.

Джереми смотрел на меня округлившимися от удивления глазами. В руке он держал блокнот и записывал каждую деталь.

– Как это... любопытно. Так вы в самом деле жили вот так...

– Да, почти полтора года, – сказала я. – А уж Грэй гораздо дольше. – После этих слов мне стало тоскливо. Сколько потерянных для нас лет!

Кто-то потерял о мои ноги. Я посмотрела вниз и на миг онемела от удивления.

– Ой, смотрите, – воскликнула Лесия, садясь на корточки. – Котенок.

– Мак? – удивилась я, всматриваясь в черного котика, который мурлыкал возле нас. – Не может быть!

Джереми внимательно слушал меня.

– Вот и отметины на ухе, – сказала я, не веря своим глазам. – Они точно такие, как тридцать лет назад.

– Вы хотите сказать, что это тот же самый кот? – спросил Джереми.

Я растерянно закивала.

– Но ведь кошки столько не живут, – возразила Лесия.

Я развела руками:

– Вообще-то Мак умер у меня на глазах. Во всяком случае, я так думала. – Котик самозабвенно терся о мои ноги.

Вдалеке, на берегу, мы заметили какое-то движение. Через некоторое время стали заметны две приближавшиеся к нам фигуры. От волнения у меня задрожали руки.

Лесия положила ладонь на мое плечо, пытаясь меня успокоить.

– Все будет хорошо, – сказала она. – Ты только не волнуйся.

Я кивнула, не отрывая глаз от этих силуэтов. Грэй. Я уже различала очертания его тела. И... женщина. Сначала мне было трудно сказать, кто она, эта женщина. Ее тонкая фигурка была обернута куском ткани, но потом я разглядела ее лицо. Это была *Эстелла*. И вот уже стали хорошо видны их лица. Но... они выглядели... точно так же, как тогда, когда я их видела в последний раз. *Они совершенно не постарели*. Я ахнула и повернулась к Лесии и Джереми.

Когда Грэй увидел меня, у него выпала из рук сумка. Эстелла остановилась, а он направился к нам. На его лице было написано удивление.

– Шарлотта? – спросил он. – Это... ты?

– Это я, – проговорила я сквозь слезы. – Это я, Грэй.

– Но как ты?..

– Как я нашла тебя снова? – Я шагнула к нему. Он был загорелый и худой, совсем как в тот день, когда я уплыла на паруснике. Лицо молодое, глаза ясные. За все эти годы он совсем не постарел. – Я искала тебя каждый день все эти тридцать лет. И наконец нашла.

Он взял меня за руку, и я не возражала, только отвернула лицо, когда он провел ладонью по моей щеке.

– Я уже старая, Грэй. Гораздо старше тебя. Этот остров сохранил твою молодость. А я...

– Ты такая же красивая, какой была всегда, – сказал он, глядя на меня.

Я заглянула ему в глаза, потом перевела взгляд на Эстеллу, стоявшую

за его спиной.

– Но она...

Он покачал головой:

– Нет, никогда.

– Ты хочешь сказать, что у вас ничего...

– Мы друзья, как брат и сестра, – сказал он. – Она научила меня говорить по-испански. Я научил ее ловить рыбу, вот и все. Ей семнадцать. К тому же мое сердце было всегда... с тобой.

– Вечно семнадцать, – сказала я. – Звучит как завлекательная реклама.

Он улыбнулся.

– Я рада, что у тебя была компания все эти годы.

Он сделал знак Эстелле, чтобы она подошла поближе. Она остановилась рядом с ним, глядя на меня так, словно я призрак.

– Она была мне добрым другом, – сказал Грэй.

Эстелла улыбнулась.

– E este o seu amor?

– Что она сказала? – спросила я.

– Она спросила у меня: «Это твоя любовь?»

– И что ты ответишь? – улыбнулась я.

– Я отвечу – да, – сказал он, обнимая меня за талию. – Тысячу раз да.

– Ах, Грэй, я так по тебе скучала...

– Я тоже скучал по тебе каждый день, каждую минуту, – шепнул он мне на ухо.

– Но как ты сможешь любить меня теперь? – спросила я, отступив на шаг назад. – Я постарела. А ты остался прежним.

Он положил палец мне на губы.

– Ты – чудесная. Ты – моя любовь. – Он вытер с моей щеки слезу, потом посмотрел на моих спутников. – Кто это?

В эти минуты я совсем забыла, что рядом были Джереми и Лесия. Я улыбнулась.

– Я хочу тебя познакомить с этими людьми.

Я взяла его за руку и подвела к Лесии и Джереми.

– Грэй, это Джереми, репортер из «Нью-Йорк таймс».

У Грэя помрачнело лицо, словно к нему вернулись из прошлого его страхи.

– Не беспокойся, – успокоила его я. – Джереми знает твою историю. Он знает, что ты ни в чем не виноват. Я постаралась добиться правды.

– Ты? Правда? – Он испытующе посмотрел на меня. Я кивнула.

– Когда ты вернешься домой, ты узнаешь, что с тебя сняли все

обвинения.

– Шарлотта, ты верила, что я невиновен, правда? Потому что когда ты...

– Прости, Грэй. Я сожалею, что на миг усомнилась в тебе. Это и то, что я покинула тебя и остров, были величайшими ошибками в моей жизни.

– Я давным-давно простил тебя за это, – сказал он.

Я сжала его руку.

– Спасибо. – Я перевела взгляд на Лесию и немного помолчала, подыскивая слова. – Грэй, это Лесия.

Он протянул ей руку.

– Мне всегда нравилось это имя.

– Я знаю, – сказала я. – Твоя мама сказала мне об этом.

– Моя мама?

– Да, когда я навестила ее после своего возвращения.

Он прерывисто вздохнул.

– Грэй, Лесия... наша дочь.

Он взглянул на меня, потом снова на Лесию, вытаращив от удивления глаза.

– Наша... дочь?

– Да, – сказала я. – Как тебе было известно, я не могла иметь детей, но, когда я покинула остров, оказалось, что я беременна. Лесия родилась через семь месяцев в Сиэтле. – Я посмотрела на дочь глазами ее отца, уже совсем взрослую, почти в том возрасте, в каком был ее отец, когда мы встретились с ним... и в каком он пребывал и сейчас.

– Ты красавица, Лесия, – сказал Грэй. – Чудо-ребенок.

Она вытерла слезы, и он обнял ее.

Джереми смотрел на нас с восторгом и удивлением. Он выпитывал в себя подробности чужой жизни, предвкушая, как прославится на весь мир, написав эту историю. Какая это будет журналистская бомба. А я жила своей жизнью.

– Ты готов? – спросила я.

– Готов? К чему?

– Готов ехать домой?

Грэй оглянулся на Эстеллу, потом на дом, который строил последние тридцать лет. Я думала, что он сейчас зайдет в него и возьмет на память что-нибудь, а мы выставим это в нашем доме на Бермудах или еще где-нибудь, где захотим жить.

Но Грэй покачал головой:

– Шарлотта, я не могу уезжать.

– Как это не можешь? Я не понимаю.

Он махнул рукой куда-то в сторону.

– Я больше не гожусь для жизни в другом мире. Я там просто не выживу, у меня нет никаких сомнений. Мой дом теперь здесь. На этом острове.

Я удивилась:

– Ты хочешь сказать, что после всех этих лет, когда я наконец нашла тебя, ты хочешь остаться? Я тебя не понимаю.

Эстелла кашлянула и сделала несколько шагов вперед.

– Я поеду, – сказала она.

Джерemi и Лесия переглянулись.

– Пожалуйста, возьмите меня.

Грэй улыбнулся.

– Ей всегда хотелось посмотреть мир. – Он обратился к Джерemi: – Пожалуйста, возьмите ее с собой.

– Конечно, – ответил Джерemi.

Грэй повернулся ко мне:

– Останься со мной.

– Мама, – тихо прошептала Лесия.

Я повернулась к ней, и мы обменялись взглядами, полными сожаления и любви.

– Дорогая моя, – сказала я. – Мне это нужно.

– Да, – сказала я Грэю. – Да, я останусь. – Он обнял меня руками, по которым я тосковала так долго, все эти годы.

Джерemi попросил показать ему остов «Циклопа», и мы отправились по тропе на середину острова. Он нацелкал на свой телефон сотни снимков и удивлялся всему, что там увидел, как удивлялись мы с Грэем много лет назад.

Лесия сорвала с дерева цветок плюмерии, я взяла ее за руку, и мы вернулись к шлюпке. Мак бежал за нами. Мы вышли на берег, и я с облегчением увидела, что капитан и его лодка по-прежнему стояли на якоре возле острова.

– Заботься о маме, – сказала Лесия, обнимая нас обоих. Джерemi сделал на телефоне нашу семейную фотографию.

Лесия крепко обняла меня.

– Ой, мама. Я буду скучать без тебя. Ужасно скучать.

– А я буду скучать по тебе, моя милая девочка. Но я надеюсь, что ты меня понимаешь.

– И понимаю, и нет. Но я люблю тебя. Но сколько я тебя помню, у тебя

всегда была печаль в глазах. Но сейчас, впервые, – она замолчала и взгляделась в мои глаза, – она исчезла. – Она окинула взглядом остров, посмотрела на Грэя. – Ты должна жить здесь.

Я обрадовалась, что меня благословила моя мудрая и великодушная дочь.

Джереми подал ей руку и помог сесть в лодку. Я заметила, как в его глазах и в ее тоже вспыхнуло что-то такое, чего я не замечала прежде. Это согрело мою душу.

– Лесия, – сказала я, – дай Эстелле денег с моего счета. – Помоги ей начать новую жизнь.

– Да, хорошо.

– Прощай, Джереми, – сказала я, когда они взялись за весла.

– Я найду вас снова, мама... папа. Обещаю. Я найду.

Мы смотрели, как маленькая шлюпка плыла к лодке. Когда все поднялись на борт, шлюпку закрепили на палубе. Маленькие фигурки помахали нам издалека. И потом лодка скрылась из виду.

Грэй повернулся ко мне:

– Где мы начнем нашу новую жизнь?

– Давай прямо здесь, прямо сейчас, – ответила я, заправляя за уши его длинные волосы. Он нежно поцеловал меня.

– Ты вернулась, – проговорил он.

– Я вернулась к тебе.

– Обещай, что ты никогда меня не покинешь, – попросил он.

– Обещаю.

Бабочка необычайно глубокой синевы пролетела мимо нас куда-то в океан. Она вернется. Эти бабочки всегда возвращаются.

Примечания

1

«I can't help falling in love with you» (англ.).

Вернуться

2

«And So It Goes» (англ.).

Вернуться

3

Американский заключенный, приговоренный к смертной казни за убийство своей беременной жены в 2002 году.

Вернуться

4

«Нью-Йорк Метс» (англ. New York Mets) – профессиональный

бейсбольный клуб.

Вернуться

5

Книга Йохана Дэвида Уисса «Швейцарская семья Робинзонов» и одноименный фильм, снятый по книге.

Вернуться

6

«Love Me Tender» (англ.).

Вернуться

7

Профессиональный клуб по американскому футболу, выступающий в Национальной футбольной лиге.

Вернуться

8

Десерт, типичный для Португалии и Бразилии.

Вернуться

9

Компания, владеющая крупнейшими контейнеровозами в мире.

Вернуться

10

Манильский конверт – большой конверт из канатной («манильской») бумаги желтоватого цвета. Используется для пересылки крупной (многостраничной) корреспонденции.

Вернуться

11

«Thriller» (англ.).

Вернуться